

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

С Новым годом!

- УСТОЙЧИВЫЙ РОСТ И ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА:
ЭКОНОМИКА США ПРИ БАЙДЕНЕ
- САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ИРАН ВОССТАНАВЛИВАЮТ
ОТНОШЕНИЯ: ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА
- СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ СОКРАЩАЮТ ВОЕННЫЕ
РАСХОДЫ, ПЕРЕКЛАДЫВАЯ ИХ НА СОЮЗНИКОВ
- РОЛЬ АМЕРИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ НАТО
В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: ОТ ИДЕОЛОГИИ
ДО СТРАТЕГИИ
- ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ:
НОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ФРГ ОТ ВАШИНГТОНА
- КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА США
В ТОЛКОВАНИИ КОНСТИТУЦИИ
- КЛИМАТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ: РЕСПУБЛИКАНЦЫ
И ДЕМОКРАТЫ В БОРЬБЕ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ
ПОЛИТИКУ США

1 • 2024

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 1 (649)

Январь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального
Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия);
О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия);
А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН,
Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Н.А. Шведова (ИСКРАН,
Москва, Россия); Т. Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй
(Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский
университет, Оттава, Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет
Ньюфаундленда, Сент-Джонс, Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в
Кеннесо, Кеннесо, США); Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент
(Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё,
Киото, Япония); Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук,
Сеул, Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 1 (649)

January

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia), Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada), John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada), Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA) Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan), Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 1 (649)

Супян В.Б. Итоги трёх лет президентства Дж. Байдена: состояние экономики и среднесрочные перспективы.....	5
--	----------

Геополитика

Бобкин Н.Н. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики.....	18
---	-----------

США и НАТО

Ануреев С.В. Перераспределение военных расходов США на союзников: намерения и реальность.....	35
--	-----------

Айвазян Д.С. США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе.....	53
--	-----------

Синдеев А.А. Американско-германские отношения: конкретизация будущего.....	67
---	-----------

Экология

Прокопчук Е.Э. Эволюция подходов Республиканской и Демократической партий США к климатической повестке (конец 1990-х – 2023 годы).....	79
---	-----------

Государство и право

Берлявский Л.Г. Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве.....	97
---	-----------

Книжная полка

Сургуладзе В.Ш. Анатомия внешнеполитических кризисов.....	113
--	------------

Справки

Литвинцев Д.Б. Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023. Исследовательский кластер: жилищная социология.....	119
--	------------

Информация для авторов	127
-------------------------------------	------------

Contents

2024, No. 1 (649)

Supyan, V.B. Three Years of J. Biden’s Presidency: The State of Economy and Mid-Term Forecasts..... **5**

Geopolitics

Bobkin, N.N. US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies..... **18**

USA and NATO

Anureev, S.V. Shift of US Military Spending to Allies: Intensions and Realities..... **35**

Ayvazyan, D.S. The USA and the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region..... **53**

Sindeev, A.A. U.S.-German Relations: Concretization of the Future..... **67**

Ecology

Prokopchuk, E.E. The Evolution of U.S. Republican and Democratic Party Approaches to Climate Agenda: Late 1990s to 2023..... **79**

State and Law

Berlyavsky, L.G. The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making..... **97**

Bookshelf

Surguladze, V.Sh. The Anatomy of Foreign Policy Crises..... **113**

Background Material

Litvintsev, D.B. The Annual Canadian Sociological Association Conference 2023. Research Cluster: Sociology of Housing..... **119**

УДК 330.33.01

DOI: 10.31857/S2686673024010019

Итоги трёх лет президентства Дж. Байдена: состояние экономики и среднесрочные перспективы

В.Б. Супян

*Институт США и Канады имени Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID 6504331071 ПИИЦ ID 105433

ORCID: <http://0000-0001-8819-3940> e-mail: vsupyán@iskran.ru

Резюме. В статье анализируются тенденции и результаты экономического развития США в первые три года пребывания Дж. Байдена на посту президента страны. Выявлено, что экономика в основном преодолела негативные последствия пандемийного кризиса и вектор её развития был в основном положительным. Показано, что США раньше и успешнее, чем другие развитые страны, преодолели экономический кризис. Вместе с тем отмечается, что уровень инфляции всё ещё сохраняется на достаточно высоком уровне, на низком уровне находится инвестиционная активность во многих секторах экономики. Среднесрочные прогнозы свидетельствуют об ожидании постепенного улучшения экономической конъюнктуры в ближайшие годы.

Ключевые слова: экономический рост, ВВП, потребление, занятость, безработица, инфляция, дефицит федерального бюджета, инвестиции, государственные расходы

Для цитирования: Супян В.Б. Итоги трёх лет президентства Дж. Байдена: состояние экономики и среднесрочные перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024. 54 (1):05-17; DOI: 10.31857/S2686673024010019

Three Years of J. Biden's Presidency: The State of Economy and Mid-Term Forecasts

Victor B. Supyan

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN)*

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Scopus Author ID 6504331071 ПИИЦ ID 105433

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8819-3940> (vsupyán@iskran.ru).

Abstract. The article aims to show trends and results of economic development of the USA during first 3 years of Joe Biden's presidency. It is found out that the economy has mostly overcome the consequences of pandemic crises and the basic economic indicators are positive. It is shown that the US Economy is now among the strongest in the G7. The same time the level of inflation is still higher than the targeted goal of the Federal Reserve. The investment activity in many industries is also on a relatively low level According to mid-term forecasts next several years will demonstrate gradual improvement in everyday economic situation.

Keywords: economic growth, GDP, employment, consumption, unemployment, inflation, federal budget deficit, government expenditures

For citation: Supyan V.B. Three years of J. Biden's Presidency: The State of Economy and mid-term forecasts. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(4): 5-17. DOI: 10.31857/S2686673024010019

ВВЕДЕНИЕ

Нередко состояние экономики США связывают преимущественно с политической президентом, находящегося в Белом доме. На самом деле это верно лишь отчасти. Гораздо более важную роль, чем экономическая политика государства, играет экономическая конъюнктура, фаза экономического цикла, состояние рыночных сил. В последние годы чрезвычайно большое значение стали приобретать факторы внеэкономического характера, такие как, например, геополитическая ситуация в мире, пандемия и связанные с ней обстоятельства.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В 2023 г.

Хотя большинство макроэкономических показателей свидетельствует о позитивных тенденциях, существуют определённые зоны беспокойства и рисков в экономике. *Во-первых*, продолжавшаяся в 2023 г. жёсткая монетарная политика ФРС, ведёт к ограничению инвестиционной активности и экономического роста. *Во-вторых*, падают инвестиции не только в основные фонды, но и в интеллектуальную собственность, что, вероятно, отражает приспособление многих сфер бизнеса к распространившейся удалённой работе. *В-третьих*, негативным фактором является ситуация в мировой экономике. Речь идет о возможной нехватке газа в Европе, о трудностях, переживаемых китайской экономикой.

Длительное время наиболее вероятным сценарием экономического роста на 2023 г. считался сценарий, согласно которому экономике удаётся избежать рецессии, но рост будет незначительный – 0,9%. Однако состояние экономики во второй половине года позволило большинству экспертов пересмотреть оценки на 2023 г. в сторону более высоких ожидаемых темпов роста. По прогнозу Международного валютного фонда экономический рост в США по итогам года составит 2,7%, а в 2024 г. будет на уровне 1,5% (вместо прогнозируемых ранее 0,5%) [1].

Такого же мнения придерживаются экономисты Федеральной резервной системы, а также эксперты компании «Блумберг» [2].

Факторы, влияющие на макроэкономическую динамику, носят противоречивый характер – с одной стороны (негативной), действует жёсткая монетарная политика ФРС, медленный рост экономики в Европе и Китае и высокие цены на энергоносители. С другой стороны, домохозяйства будут увеличивать расходы на

услуги, прежде всего на путешествия и развлечения (отложенные во время пандемии). Поскольку существует избыток коммерческих и офисных сооружений, инвестиции в коммерческое строительство не растут. В то же время предполагается, хотя и слабый, рост инвестиций в программное обеспечение и телекоммуникационное оборудование. На жилищном рынке сохраняется ситуация, близкая к рецессии. Положительной тенденцией является продолжающееся снижение инфляции и возвращение её к уровню, несколько превышающему 2%.

Потребительские расходы

Относительно динамики потребительских расходов населения в 2023 г. существовало два варианта развития. По мере замедления роста экономики потребители проявляли осторожность и снижали расходы из сбережений, накопленных во время пандемии. Другой вариант, напротив, предполагал ускоренное потребление отложенных услуг, таких, например, как путешествия и развлечения. Рост такого рода расходов продолжился, но темпы замедлялся. Уровень сбережений поднимается до показателя в 6%.

Другой важнейший вопрос, касающийся потребительских расходов – что произойдёт с расходами на товары длительного пользования? Ведь пандемия кардинально изменила распределение расходов между товарами и услугами. Так, в 2020 г. потребительские расходы на товары длительного пользования выросли на 136 млрд долл., а расходы на услуги сократились на 473 млрд долл. Домохозяйства предпочли велосипеды, гимнастическое оборудование и товары бытовой электроники расходам на рестораны, развлечения и путешествия. После пандемии, возобновив расходы на услуги, сократят ли домохозяйства расходы на товары длительного пользования? Уже в 2022 г. расходы на потребительские товары сократились на 11%. В I квартале 2023 г. расходы на товары составили 12% всех потребительских расходов, что означает рост с уровня в 10,5% в 2019 г. Если по итогам 2023 г. потребители вернуться к своим докризисным предпочтениям, это будет означать снижение продаж товаров длительного пользования на 20%.

Жилищное строительство

После повышения ключевой ставки и высокой инфляции ипотечные ставки заметно выросли. Результатом стало замедление строительства новых жилых домов – с 1,7 млн в I квартале 2022 г до 1,4 млн в I квартале 2023 г. Рост цен на жилые дома после бурного роста в 2021 г. стабилизировался, а затем началось его снижение.

Существует вероятность сокращения масштабов строительства новых жилых домов до 2025 г., когда, согласно прогнозам, начнётся восстановление этого рынка.

Демографическая ситуация не позволяет ожидать, что она станет драйвером экономического роста. Рост населения замедлился до уровня менее 0,5% (по сравнению с ростом в 1% в первые два десятилетия 2000-х годов). Несколько улучшить ситуацию с ростом населения может предполагаемое увеличение иммиграции.

Капиталовложения

Темпы роста капиталовложений с начала пандемии заметно замедлились, при этом они были не одинаковы в различных секторах экономики. Хотя, с 2022 г. инвестиции в строительство коммерческих зданий и сооружений начали расти, их объём был всё ещё ниже предкризисного на 20%. Чтобы использовать пустующие коммерческие площади, предпринимаются попытки преобразовать многие офисные помещения в жилые апартаменты.

Ожидается рост капиталовложений в добывающей промышленности, которая в период пандемии пережила большое падение цен в строительстве. Но многие инвесторы в отрасли занимают выжидательную позицию, памятуя значительные изменения в ценах на нефть за последние 10 лет – сначала рост до уровня свыше 100 долл. за баррель в 2013 г., потом падение ниже 50 долл. в 2015 г. и затем вновь рост свыше 100 долл. в 2021 г. Инвесторы хотят убедиться является ли нынешний подъём цен долговременной тенденцией [3].

Важным фактором ожидаемого роста инвестиций является закон «О снижении инфляции». Этот закон даёт основание надеяться на существенный рост инвестиций в альтернативные источники энергии, а также в другие проекты, связанные с инициативами по контролю за изменениями климата.

Что касается промышленного оборудования, то особенно заметен рост инвестиций в средства транспорта и информационные технологии. Расширение занятости в удалённом режиме сделало необходимым больших капиталовложений в информационно-коммуникационные технологии взамен нового строительства офисных и других коммерческих зданий. В то же время, поскольку первоначальный значительный рост инвестиций в информационные технологии уже состоялся в 2021–2022 гг., в 2023 г. и в последующие годы можно ожидать снижения темпов роста этих капиталовложений.

Таким же образом ведут себя капиталовложения в интеллектуальную собственность – прежде всего в НИОКР и в программное обеспечение. Они остаются на высоком уровне, но их рост несколько замедлился в силу того, что большой задел капиталовложений был сделан в предшествующие годы.

США НА ФОНЕ ЭКОНОМИК РАЗВИТЫХ СТРАН

Сравнительный анализ основных макроэкономических показателей США и других развитых стран свидетельствует о заметных преимуществах американской экономики в постковидный период.

По мере преодоления последствий пандемического кризиса, большинство наиболее развитых стран по-прежнему испытывали влияние высокой инфляции. Так, в США инфляция всё ещё остаётся на уровне, превышающем целевой показатель ФРС, но находится на существенно более низком уровне, чем в других странах (3,3%). В Великобритании, например, она составляла 8,7%, в Италии – 8%, в Германии – 6,3%, во Франции – 6%.

Также не в пользу других стран «большой семёрки» выглядит и динамика цен на энергоносители в США. В США они упали на 11,7%, в Японии – на 8,2%, а в европейских странах росли: в Италии – на 11,9%, в Великобритании – на 8,1%, в Германии – на 3,7%, во Франции – на 2,2% [4].

Что касается экономического роста, то экономика США практически полностью оправилась от последствий пандемии 2020–2021 гг. Более высокими темпами, чем в других странах «семёрки» в США происходило экономическое восстановление после пандемийного кризиса. Так, рост ВВП в США в IV квартале 2022 г. составил 5,03%, в Канаде – 2,9%, в Италии – 1,9%, во Франции – 0,98%, в Японии – 0,33%. В Германии и Великобритании имело место падение ВВП на 0,13% и 0,59% соответственно.

Весьма гибко на рост экономики реагировал и рынок труда. За первую половину 2023 г. число новых рабочих мест росло в среднем на 278 тыс. ежемесячно, а уровень безработицы не превышал 4%. Уровень безработицы в середине 2023 г. был в США одним из наиболее низких и составил 3,4% по сравнению с другими развитыми странами. Так, в Канаде он был 5%, во Франции – 7%, в Италии – 7,6%. Только в двух странах «семёрки» безработица была ниже, чем в США: в Германии она составила 2,9%, в Японии – 2,6% рабочей силы. В целом по итогам 2023 г. безработица в США ожидается ниже, чем в большинстве стран «семёрки» – на уровне 3,8%. В Великобритании её уровень составит 4,2%, в Канаде – 5,8%, во Франции – 7,4%, в Италии – 8,3%. Ниже безработица будет в Японии и в Германии – 2,3% и 3,3% соответственно.

Важной характеристикой рынка труда является удельный вес длительной безработицы в составе безработных. После «Великой рецессии» 2008–2009 гг. доля длительно безработных (27 недель и больше) достигла пика в 45,5% в 2010 г. и не вернулась к предкризисному уровню даже в 2020 г. Совсем иной была ситуация с длительной безработицей после пандемии ковид-19, доля которой достигнув пика в марте 2021-го, вернулась к предкризисному показателю уже в июле 2022 года.

В 2022 г. доля длительной безработицы в США составила 15,1%. Только в Канаде этот показатель был ниже – 10,7%. В других странах «семёрки» доля длительной безработицы остаётся существенно выше. В Великобритании она составила 24,4%, во Франции – 27,5%, в Германии – 33%, в Японии – 35,6%, в Италии – 58,4%.

В целом прогноз Международного валютного фонда на 2023 г. по показателю роста ВВП на душу населения наиболее благоприятен для США (опережает

только Япония). Этот рост в Японии ожидается на уровне 1,7%, в США – 1%, в Италии – 0,7%, во Франции – 0,4%. В трёх других странах «семёрки» ВВП на душу населения сократится: в Германии – на 0,2%, в Канаде – на 0,6%, в Великобритании – на 0,7% [4].

Таким образом по основным макроэкономическим показателям США демонстрирует более успешное восстановление после пандемического кризиса по сравнению с другими развитыми странами.

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Динамика ВВП и потребительские расходы

В соответствии с прогнозом Бюджетного управления Конгресса (БУК) США с начала 2024 г. ожидается ослабление потребительского спроса. Это произойдёт по мере роста процентных ставок, некоторого роста безработицы, сокращения государственной поддержки населения и уменьшения объёма сбережений, накопленных во время пандемии каронавируса.

Потребительские расходы начнут расти в конце 2024 г., а также в 2025 г., когда процентные ставки начнут снижаться, понизится уровень безработицы. Согласно прогнозу БУК, потребительские расходы вырастут в 2023 г. на 1,3%, в 2024 г. – на 1,1%, в 2025 г. – на 2%.

Таблица 1

Прогноз экономических показателей Бюджетного управления Конгресса США на 2022–2025 гг.

Показатели/Периоды	2022	2023	2024	2025
ВВП (%):				
реальный	0,9	0,9	1,5	2,4
номинальный	7,3	3,8	3,9	4,5
Инфляция (%)	7,1	3,3	2,7	2,2
Рост занятости (тыс. человек)	427	205	-10,0	6,0
Уровень безработицы (%)	3,6	4,1	4,7	4,5
Торговый дефицит (% ВВП)	-3,3	-3,3	-3,1	-3,1

[5]

Продолжится сдвиг в потребительских расходах от покупок товаров к покупкам услуг, начавшийся в 2021 г. и продолжившийся в последующие годы. Именно в этот период восстановится до предкризисных пропорций структура личного потребления. Условия кредита, ужесточившиеся в 2023 г. после повышения ключевой ставки до 5,5%, восстановятся к концу 2025 году [5].

В 2022 и 2023 гг. население начало активно расходовать свои сбережения, образовавшиеся в 2020–2021 гг. в результате финансовой помощи государства в период кризиса. Но в дальнейшем, поскольку кредитные условия ухудшаются, спрос сократится, равно как и личное потребление.

Инвестиции в основной капитал и жилищное строительство

Ожидаемый рост инвестиций в основной капитал и производственное строительство составит в 2023 г. 1,2%. Такой слабый рост отражает понизившийся спрос на капитал на фоне возросшей стоимости заимствований и более сложных условий кредита. Некоторый рост инвестиций начнётся в 2024 г. на 1,9% и в 2025 г. – на 3,5%.

Капиталовложения в жилищное строительство в 2022 г. сократились на 18,8%. Это произошло в результате резкого роста ипотечных ставок. Хотя объёмы нового строительства больше не падают, инвестиции в этот сектор по итогам в 2023 г., вероятно, сократятся на 0,3%. В 2024 г. они должны вырасти на 2,1%, а в 2025 г. – ещё на 6,5%.

Цены на жилье в 2023 г. выросли на 0,3%. Ожидается, что в 2024 г. они вырастут на 1,7%, а в 2025 г. – ещё на 2,4%.

Более детальное представление о перспективах частных промышленных инвестиций в США даёт обнародованная Белым домом информация о перспективных наукоёмких инвестициях, реализуемых с 2021 г. Это инвестиции в объёме 479 млрд долл., направляемые прежде всего в производство полупроводников, чистую энергетику, электромобили и аккумуляторы. Во многом они стали результатом новой программы экономической и национальной безопасности, объявленной Белым домом в 2023 г. Интерактивная карта инвестиций, опубликованная в мае 2023 г., включает 270 инвестиционных проектов.

Большая часть инвестиций будет направлена в производство полупроводников и других видов электронной техники. Они охватывают 41 проект на сумму в 213,5 млрд долл., что составляет 46% всех планируемых с программой ассигнований. Инвестиции в производство электромобилей и аккумуляторов составляют 139,5 млрд долл. (30% всех ассигнований) и включают 101 проект. Ещё 82 млрд долл. ассигновано на мощности «зелёной» энергетики – это 65 проектов (18% всех инвестиций). Меньшие суммы направлены в биоинженерное производство (19,5 млрд долл.) и в традиционную тяжёлую промышленность (13,2 млрд долл.) [6] (см. табл. 2).

Таблица 2

Новые промышленные инвестиции в США (по секторам промышленности)

Сектор инвестирования	Сумма инвестиций (в долл.)	Доли общего объёма (%)	Количество проектов
Полупроводниковая и прочая электронная промышленность	213,5 млрд	46	41
Электромобили и аккумуляторы	139,5 млрд	30	101
Чистая энергетика	82,0 млрд	18	65
Биоинженерия	19,5 млрд	4	48
Тяжёлая промышленность	13,2 млрд	3	20

[6].

Следует отметить, что географически указанные инвестиции направляются преимущественно в южные штаты, хотя их доли в населении составляет 38% всего населения, а производят они 34% совокупного ВВП. Например, доля инвестиций в энергетические технологии и электромобили от всех инвестиций в южных штатах составит 62%, в то время аналогичный показатель по стране в целом равен 48%. Напротив, северо-восточные штаты получают лишь 13% предполагаемых инвестиций. Эта диспропорция отражает происходящий уже несколько последних десятилетий сдвиг промышленности с Севера, где концентрируются старые промышленные отрасли, на Юг, место сосредоточения наукоёмких секторов экономики.

Государственные закупки

2023 г. стал периодом роста цен на государственные закупки – на строительство дорог, военное снаряжение, образование, здравоохранение. При этом федеральные расходы растут быстрее, чем расходы штатов и местных органов власти. В целом расходы на государственные закупки в 2023 г. должны составить 1,7%.

Закон «О финансовой ответственности», принятый в 2023 г., должен ограничить ассигнования на федеральные программы. По прогнозу за период 2023–2025 гг. ежегодно эти расходы будут расти в среднем на 1%.

Инфляция

В 2023 г. наблюдалось замедление инфляции, хотя её показатель всё ещё остался на уровне ниже целевого уровня в 2% в год, установленного ФРС. В 2022 г. уровень инфляции был равен 5,7%, в 2023 г. составил 3,3%, в 2024 г. ожидается на уровне в 2,6%, а в 2025 г. – 2,2%.

Причинами замедления инфляции стали следующие факторы:

- снижение спроса привело к снижению цен уже в 2022 г., прежде всего на продовольствие и топливо;
- общее замедление экономического роста и возросшая в 2023 г. безработица усиливает давление на цены и ведёт к их снижению;
- более высокие процентные ставки приводят к замедлению роста цен, поскольку заимствования становятся более дорогостоящими, что ведёт к уменьшению количества денег в обращении.

Монетарная и фискальная политика и процентные ставки

Ключевая ставка ФРС увеличилась в 2023 г. до 5,4%. Ставки по трёхмесячным облигациям выросли в 2023 г. до 5,3% и возрастут более чем до 5% в 2024 г. Рост ставок по 10-летним облигациям ожидается на уровне 4% как в 2023 г., так и в 2024 г. В 2025 г. ожидается их снижение до 3,5%.

Планируемый медленный рост государственных расходов в рассматриваемый период (2023–2025 гг.) не приведёт к быстрому росту государственного долга.

Внешняя торговля

Ожидается уменьшение и стабилизация дефицита внешней торговли уже в 2024 г. Это обусловлено тремя факторами:

- произойдет некоторое сокращение курса доллара, что будет способствовать росту экспорта;
- произойдет ускорение экономического роста среди основных торговых партнеров США (прежде всего в Европе), что также приведет к росту экспорта;
- относительно слабый внутренний спрос будет вести к сокращению импорта.

В итоге торговый дефицит уменьшится с 3,1% ВВП в 2023 г. до 2,7% в 2024 г. (в 2019 г. он был равен 2,7% ВВП). Стоимость доллара к иностранным валютам уже в 2023 г. сократилась на 3,4%.

Военные действия на Украине, снижение спроса со стороны Европы (а на неё приходится 15% американского экспорта) и рост курса доллара негативно повлияли на масштабы американского экспорта. Несмотря на эти факторы экспорт в реальном выражении вырос за последние четыре квартала на 8,5%. Это касается в немалой степени экспорта нефтепродуктов из США, который способствовал удовлетворению потребностей в углеводородах стран Европы и замещению поставок этих продуктов из России. Вырос также экспорт автомобилей и их комплектующих, потребительских и инвестиционных товаров. Можно предположить, что в ближайшие пять лет экспорт всех этих товаров ещё возрастет на фоне ожидаемого снижения курса доллара и возможного восстановления экономики Европы.

За минувший год объём импорта, напротив, сократился. Это связано с сокращением спроса на товары длительного пользования (кроме автомобилей). В 2022 г. объём импорта потребительских товаров уменьшился на 13%.

Несмотря на ожидаемую, по крайней мере, частичную деглобализацию, масштабы экспорта сохраняются на достигнутом высоком уровне. С 1970 г. по 2012 г. доля экспорта в мировом ВВП выросла с 13% до 34% и остаётся на таком уровне последующие 10 лет. Несколько меняется структура внешней торговли – в последние два года импорт США из Китая сократился, но из других стран Азии возрос, то есть меняется скорее структура импорта, а не его масштабы. Доля экспорта в ВВП США в 2022 г. составила 8,6%, что несколько больше этого показателя за минувшие 5 лет, составившего в среднем 8,2%. По прогнозу компании «Делойт» в ближайшие 5 лет можно ожидать более быстрого роста масштабов внешней торговли США по сравнению с ростом ВВП. Что касается глобализации и мировых цепочек создания стоимости и поставок, то скорее всего произойдёт их диверсификация, уменьшение зависимости от отдельных поставщиков в пользу расширения их числа.

Вероятно, «реинжиниринг» цепочек поставок потребует немалых издержек. Но эти издержки будут в любом случае ниже, чем отказ от глобализации и международного разделения труда. Да и вряд ли такой отказ в принципе возможен, поскольку в основе глобализации лежит объективный фактор – стремление к максимизации прибыли. На пути к большей надёжности поставок и стремления снизить негативное влияние внешних шоков (пандемии, войны) рост издержек почти неизбежен, но это не сможет изменить в целом тенденцию к экономической глобализации.

Доминирующим в процессах глобализации станет поиск баланса между надёжностью кооперационных связей и логистических цепочек и безусловно остающимся приоритетом к снижению издержек производства.

Рынок труда

Во время пандемии занятость сократилась на 2 млн человек. После открытия экономики и прекращения локдаунов занятость быстро восстановилась, и экономика начала испытывать нехватку рабочей силы. В 2023 г. наблюдалось замедление роста численности рабочей силы, хотя рынок всё ещё испытывает нехватку кадров. Среднемесячный рост численности рабочей силы во II квартале 2023 г. составил 283 тыс. человек, что существенно выше ожидавшийся по прогнозам рост в 50 тыс. человек.

Хотя численность занятых после пандемии полностью восстановилась, этого не произошло с численностью экономически активного населения. Большинство покинувших рабочую силу – это люди предпенсионного возраста, то есть в возрасте около 65 лет. Многие предпочитают раннюю уменьшенную пенсию работе

с низкой оплатой труда. По прогнозу компании «Делойт» в горизонте от 3-х до 5 лет после 2023 г., темпы прироста рабочей силы сократятся до 0,2% в год. Ещё больше усилятся тенденции дистанционной работы и работы по временным контрактам.

Государственная политика

Соглашение между демократами и республиканцами по бюджету и уровню государственного долга сыграло важную роль в стабилизации фискальной политики. Оно позволяет избежать дальнейшего роста государственного долга в ближайшие два года, а также не допустить возможного «шатдауна», способного создать немалые репутационные потери для государственной экономической и, в частности, финансовой политики. Не исключено, правда, что проблема государственных расходов вновь может возникнуть, вероятно, вскоре после президентских выборов 2024 года.

По прогнозу БУК сокращение дефицита государственного бюджета составит 1,5 трлн долл. в течение ближайших 10 лет. Многим экспертам этот прогноз кажется маловероятным. Предполагается, что сокращение расходов в 2024 г. составит всего 1%, а в 2025 г. – 1,5%. Это весьма незначительные изменения в бюджетных расходах, чтобы оказать влияние на состояние экономики.

При этом принятое ранее законодательство по развитию инфраструктуры, созданию рабочих мест и снижению инфляции может вызвать заметный рост государственных расходов. Так, закон 2022 г. выделяет только на климатические и энергетические проблемы 386 млрд долл. [7]. Эти расходы, с одной стороны, расширят потенциал экономики, но, с другой – вряд ли вызовут рост производительности труда. По оценке БУК предполагаемые государственные расходы составят относительно небольшую величину в масштабах всей экономики. В 2026 г., в год максимальных расходов в соответствии с законом «Об инфраструктуре и созданию рабочих мест», государственные расходы приведут к увеличению бюджетного дефицита лишь на 61 млрд долл. Это составляет лишь 0,2% прогнозируемого ВВП [3].

По прогнозу компании «Делойт» дефицит федерального бюджета вырастет до 1,7 трлн долл. в 2028 фин. г. Это безусловно вызывает вопрос о продолжении государственных заимствований в растущих масштабах и о новом потолке государственного долга. Это, вероятно, остаётся возможным пока у инвесторов сохраняется доверие к устойчивости американской экономики и способности Министерства финансов обслуживать государственный долг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанный анализ свидетельствует о противоречивых тенденциях в экономической конъюнктуре США в первые три года президентства Дж. Байдена. С одной стороны, экономика страны практически полностью преодолела пандемийный кризис предшествующего периода. В США сохраняется низкий уровень безработицы, растёт число новых рабочих мест, растёт ВВП, хотя темпы его роста неустойчивы. Из всех наиболее развитых стран «семёрки», США демонстрируют наиболее успешное послекризисное развитие. С другой стороны, серьёзным вызовом для США стала высокая инфляция, негативно влияющая на возможности экономического роста и уровень жизни. Повышение ключевой ставки с целью обуздания инфляции, весьма негативно влияет на кредитование экономики и инвестиционную активность. Столь же противоречивы и среднесрочные прогнозы экономического развития – ожидается некоторое ускорение экономического роста, снижение инфляции при некотором росте безработицы.

ИСТОЧНИКИ

1. IMF Hikes US Growth forecast for 2023, leaves global outlook unchanged. Jenni Reid, Oct. 10, 2023. Available at: <http://www.cnn.com/2023/10/10/imf-raises-us-growth-forecast-leaves-global-outlook-unchanged.html> (accessed 15.11.2023).
2. Fed Set to Double its Economic Growth Forecast After Strong US Data. Store Matthews, Sept. 6, 2023. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-06/us-economic-data-strength-has-led-set-to-double-growth-outlook> (accessed 12.10.2023).
3. United States Economic Forecast. Daniel Bachman. 15 June 2023. Available at: <http://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/us-economy-forecast> (accessed 25.09.2023).
4. Rose Khattar, Jessica Vies. 7 Reasons the US Economy is Among the Strongest in the G7; July 25, 2023. Available at: <http://www.americanghjuress.org/article/7-reasons-the-U-S-economy-is-among-the-strongest-in-the-G7/> (accessed 15.09.2023).
5. An Update to the Economic Outlook 2023 to 2025. July 2023. Congressional Budget Office. Available at: <http://cbo.gov/publication/59258> (accessed 18.08.2023).
6. Glencora Haskins and Joseph Parilla. Spurred by federal legislation, new industrial investments are reaching a wide swath of the country. June 13, 2023. Available at: <http://www.brookings.edu/articles/spurred-by-federal-legislation-investments-are-reaching-a-wide-swath-of-the-country> (accessed 16.09.2023).

7. Wendy Edelberg, Richard G. Frank, Aaron Klein, Senjy Patnaik, David Wessel. Key Economic Policy Developments in 2022 and what to Expect in 2023, December 21, 2022. Available at: <http://www.brookings.edu/articles/key-economic-policy-developments-in-2022-and-what-to-expect-in-2023> (accessed 15.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУПЯН Виктор Борисович, член-корреспондент РАН, руководитель научного направления Института США и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Заслуженный деятель науки России.

Российская Федерация 121069
Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Victor B. SUPYAN, Corresponding Member of RAS, Academic Director of Economic Studies of ISKRAN. Chief Research Fellow, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

Honored Scientist of Russia
2/3 Khlebny Pereulok, 121069,
Moscow, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 / Received 10.11.2023

Поступила после рецензирования 22.11.2023 / Revised 22.11.2023

Статья принята к публикации 23.11.2023 / Accepted 23.11.2023.

УДК: 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024010021

Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики

Н.Н. Бобкин

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова,
Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.
ORCID: 0000-0002-0009-8699 e-mail: nnbobkin@rambler.ru*

Резюме: Недавнее соглашение между Саудовской Аравией и Ираном о восстановлении дипломатических отношений стало событием, изменившим правила игры в динамике безопасности в регионе Ближнего Востока. Тот факт, что это соглашение было заключено под эгидой Пекина, показал, что дипломатическая модель Китая для региона может быть более эффективной, чем модель США, и потенциально может привести в этом стратегически важном регионе к смене лидерства великих держав. В статье исследуется текущее состояние регионального американско-китайского соперничества, рассматриваются основные направления политики США и Китая по усилению своего влияния, анализируются актуальные аспекты в политике обеих стран в отношении государств Персидского залива, в том числе в сфере обеспечения безопасности. Обосновывается, что Ближний Восток становится важной зоной глобального соперничества США и КНР. Вашингтон уже не в состоянии продолжать поддерживать многолетний американский порядок без учета интересов конкурирующих держав, прежде всего Китая. Сделано заключение, что, хотя Соединённые Штаты остаются важным внешним игроком на Ближнем Востоке, в ближайшие годы роль Китая в этом регионе будет возрастать.

Ключевые слова: Ближний Восток, соперничество Китая и США, Персидский залив, безопасность, Саудовская Аравия, Иран, вооружённые силы США, зависимость от нефти

Для цитирования: Бобкин Н.Н. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(1) 18-34. DOI: 10.31857/S2686673024010021

US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies

Nikolay N. Bobkin

*Arbatov USA and Canada Institute,
2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-0009-8699 e-mail: nnbobkin@rambler.ru*

Abstract: The recent agreement between Saudi Arabia and Iran to restore diplomatic relations has been a game-changer in the security dynamics of the Middle East. Notably, this agreement was negotiated under the auspices of Beijing, suggesting that China's diplomatic approach

in the region might be more effective than that of the US, and could potentially shift the balance of great power leadership in this strategically vital area. This article explores the current state of US-Chinese rivalry in the region, examines the primary strategies of the US and China to increase their influence, and analyzes their current policies towards the Gulf states, including security aspects. It argues that the Middle East is becoming a crucial arena for global rivalry between the United States and China. Washington can no longer maintain the longstanding American order without considering the interests of competing powers, primarily China. The conclusion is that although the United States remains a significant external player in the Middle East, China's influence in the region is expected to grow in the coming years.

Keywords: Middle East, China-US rivalry, Persian Gulf, security, Saudi Arabia, Iran, US military, oil dependence

For citation: Nikolay N. Bobkin. US-China Rivalry in the Middle East: Implications for Regional and Global Policies. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 18-34. DOI: 10.31857/S2686673024010021

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку в последние годы политики США всё больше внимания уделяют конкуренции с Китаем, их обеспокоенность по поводу отношений Пекина с различными странами мира также возросла. Сегодня Ближний Восток, возможно, является единственным регионом, где хеджирование рисков и интересов между мощью и интересами Соединённых Штатов и Китайской Народной Республикой наиболее заметно. В то время как Вашингтон больше внимания уделяют сотрудничеству в области безопасности и экспорта вооружений, китайское участие в первую очередь обусловлено его желанием продвигать свои экономические интересы.

У США есть несколько стратегических интересов в регионе, включая поддержание региональной стабильности, защиту своих союзников и обеспечение доступа к энергоносителям. Для достижения этих целей Америка была вовлечена в несколько региональных конфликтов, сегодня в регионе остаются военные базы и войска, которые имеют решающее значение для проведения ближневосточной политики с позиции силы.

Китай также поддерживает заметное взаимодействие с Ближним Востоком, особенно в плане торговли и инвестиций. Этот регион является ключевым компонентом китайской инициативы «Один пояс и один путь», и имеет решающее значение для энергетической безопасности. Чтобы обеспечить удовлетворение своих энергетических потребностей, Китай вкладывает значительные средства в нефтяной сектор региона. Кроме того, в последние годы Пекин всё активнее участвует в региональных конфликтах, включая гражданские войны в Сирии и Йемене.

Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке имеет серьёзные последствия для региональной и глобальной политики. Вашингтон имеет тесные союзы с такими странами, как Израиль, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), в то время как Китай, поддерживая отношения со

всеми этими странами, является к тому же союзником Ирана, главным конкурентом Америки в регионе. В этих условиях их противостояние может усугубить существующие конфликты и привести к новому витку в региональной гонке вооружений. В статье анализируются некоторые факторы, характеризующие соперничество США и Китая на Ближнем Востоке, и их последствия для региона и международной стабильности.

США ТЕРЯЮТ ДОВЕРИЕ И УСТУПАЮТ ПОЗИЦИИ КИТАЮ

Во внешней политике США приоритет отдаётся Индо-Тихоокеанскому региону, который сегодня стал главной темой международной повестки американских политиков. Выбор этого приоритета не является временным или преходящим. Американские администрации последних трёх президентов озабочены решением устойчивой задачи, направленной на сдерживание растущего экономического, политического, военного и идеологического вызова, который Китай представляет гегемонии США в мире.

На данный момент Китай стал не только почти равным конкурентом Соединённых Штатов с точки зрения материального богатства и национальной мощи, но также вступил в сферу идеологической конкуренции с США. В последней Стратегии национальной безопасности Китай назван «наиболее важным геополитическим вызовом Америки», особенно с учётом того, что американские политики оценивают в качестве прямой угрозы формирующуюся в последние годы ось Пекин – Москва [1].

Китай стремится заменить американский порядок как в региональном, так и в глобальном масштабе, и идёт к этой цели, как полагают многие эксперты, путём реализации трёх последовательных «стратегий перемещения» на военном, политическом и экономическом уровнях [2]. Первоначальная стратегия была направлена на ослабление американского регионального влияния, за этим последовала попытка установить китайское региональное доминирование, а третья стратегия теперь направлена на одновременное достижение как глобальных, так и региональных целей, в том числе и не Ближнем Востоке.

У американских политиков существует также понимание того, что усилия по сдерживанию Китая непременно должны охватывать Ближний Восток. Соединённые Штаты не могут отказаться от стратегически важного региона, который является одним из центров американско-китайской конкуренции. Можно согласиться с мнением, что американская политическая элита чувствует, что её глобальное влияние и прежнее доминирование в этом регионе находятся под угрозой со стороны Китая, который расширяет свои связи с государствами Ближнего Востока, отказавшись от идеологических предпочтений [3].

Нужно учитывать и то, что Россия также на Ближнем Востоке позиционирует себя против США, соревнуясь за экономическое, дипломатическое и военное влияние, но Москва и Пекин пока не сформировали единого фронта. Китай берёт на себя ведущую роль в идеологической конфронтации по поводу западной демократии, представляя свою модель как альтернативу в регионе, где процветает автократия и патерналистское управление. Эта оппозиция либеральным и демократическим ценностям Запада находит отклик у многих местных лидеров, которые, сами, упреждая и подавляя внутренние призывы к либерализации, всё больше конкурируют за всестороннее сотрудничество с Поднебесной.

Сейчас Ближний Восток идёт вслед за растущим многополярным порядком, в котором Пекин может использовать различные экономические и политические инструменты, чтобы более сильно оказывать влияние на страны региона. Китай использует возможности, предоставляемые текущим ослаблением влияния Америки, для расширения своей гегемонии, и вероятно, уже сегодня является самым грозным противником США в регионе. Недавнее мирное соглашение между Саудовской Аравией и Ираном [4], главным союзником и противником США, заключенное при посредничестве китайского руководства, является одним из свидетельств небывалого роста влияния Пекина.

Имеет значение и то, что многие страны, преимущественно ориентирующиеся на торгово-экономические отношения с Америкой, переживают спад экономического роста. Например, уровень безработицы среди молодёжи сейчас в два раза превышает средний мировой показатель [5]. На этом фоне 61% арабской молодёжи поддерживают уход США из региона, а значительное большинство (80%), считает Китай наиболее важной страной для экономического подъёма [6]. В анализе «Арабского барометра 2021–2022» также отмечается, что во всём регионе к Китаю, как правило, относятся несколько более благосклонно, чем к США. В восьми из девяти опрошенных обществ примерно половина или более говорят, что имеют «очень благоприятное отношение к Китаю». Для сравнения, только в четырёх из девяти опрошенных стран половина или более положительно относятся к США» [7].

Говоря о падении авторитета США, можно также отметить, что на практике большинство арабских государств сейчас сталкиваются со страным феноменом совпадения общественного мнения и позиции правящих элит о необходимости уменьшить свою зависимость от бывших колониальных покровителей и расширить свои отношения по всему миру. Это касается не только Ближнего Востока. В недавнем докладе Института Катона [8] отражено широко распространённое общественное и официальное недовольство американской политикой диктатора и экономическими санкциями во всём мире. В нём отмечается, что США всегда готовы вмешиваться во внутренние дела и прибегать к военному вторжению в другие страны, когда это служит их интересам.

Обращает на себя внимание и то, что Китай активно продвигает свои интересы в регионе через сеть СМИ, культурные центры и инвестиции в образование. Опросы показывают, что взгляды на эти китайские инициативы в арабском мире, как правило, положительные, и что среди населения региона наблюдается рост доверия к Пекину. Напротив, 81% арабов рассматривают Соединённые Штаты как внешнюю угрозу, в то время как только 32% воспринимают Китай как таковую [9].

Одной из причин роста антиамериканских настроений является то, что многие политические и военные действия, а также санкции со стороны Америки в последние десятилетия, дорого обошлись гражданам региона [10]. Недавние исследования показывают, что в результате американских войн на Ближнем Востоке было перемещено не менее 37 млн человек [11]. Неудивительно, что число стран, которые по-прежнему полагаются на американскую военную и экономическую поддержку, сокращается [12].

Отметим также, что быстрорастущие новые коалиции стран Глобального Юга, такие как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и Шанхайская организация сотрудничества, могут предоставить альтернативы мировому экономическому порядку, в котором доминируют США. В частности, они бросают вызов доллару США и создают собственные механизмы помощи в целях развития, которые сужают роль Всемирного банка и Международного валютного фонда. Некоторые государства Ближнего Востока уже стали ассоциированными членами этих организаций или стремятся к ним присоединиться [13]. Так, в августе 2023 г. на саммит БРИКС в ЮАР принято решение о расширении группы за счёт приглашения Ирана, а также трёх арабских государств: Египта, Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ).

На этом фоне большинство стран Ближнего Востока стали проводить более гибкую внешнюю политику, которая может быть изменена или отменена в случае необходимости, как это было замечено в 2023 г. среди Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана, Турции, Египта, Катара и других стран. При этом эти страны проецируют свою мощь (денежную, военную, торговую и технологическую) по всему региону, в том числе путём корректировки и даже изменения давней политики, если это отвечает их интересам. С точки зрения получения в этих целях внешней поддержки от мировых держав Китай выглядит предпочтительней США, особенно в плане торговли и инвестиций.

Таким образом, Ближний Восток приближается к двойной иерархической структуре, где Вашингтон является главным гарантом безопасности, а Пекин – основным торгово-экономическим партнёром. Региональные союзники США рассматривают экономические связи с Китаем как средство достижения своих более широких целей экономической трансформации и глобальной интеграции. Однако в американском руководстве подобные усилия Китая рассматриваются

как стремление к замене Америки в качестве регионального гаранта безопасности на Ближнем Востоке.

США ОСТАЮТСЯ ЛИДЕРОМ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

За последнее десятилетие Ближний Восток изменился таким образом, что это затронуло интересы национальной безопасности США. Существующая численность войск в регионе, находится на самом низком уровне со времени терактов 11 сентября 2001 г., и Америка не участвует в активных вооружённых конфликтах [14]. Однако в настоящее время гражданские войны продолжают бушевать в Ливии, Сирии и Йемене, что приводит к сохранению нестабильности. Угроза распространения ядерного оружия растёт, в первую очередь со стороны Ирана, но также и со стороны таких держав, как Саудовская Аравия и Турция, которые, вероятно, последуют по стопам Ирана в развитии своих ядерных программ.

Любые новые военные действия или напряжённость могут подтолкнуть Китай к усилению военного присутствия для защиты своих теперь уже обширных региональных интересов. Пекин активизировал своё военное сотрудничество с Саудовской Аравией, ОАЭ и Ираном [15], стал активнее участвовать в региональных конфликтах в Сирии и Йемене, отчасти из-за желания защитить свои инвестиции и поддержать региональную стабильность. КНР становится менее робкой в отношении военного вмешательства на Ближнем Востоке.

Например, Китай неуклонно расширял военно-морское присутствие с момента открытия в 2017 г. своей первой региональной базы в Джибути, которая быстро превратилась из логистического объекта в «объект военной поддержки» [16]. В Персидском заливе в этот перечень был включён порт Халифа в ОАЭ, где Пекин, как полагают, строит более постоянное военное присутствие в рамках усилий по созданию глобальной сети военных баз и объектов материально-технического обеспечения на Ближнем Востоке, инициатива, которую китайские официальные лица называют Проектом 141.16. [17]. Развивающиеся связи в области безопасности между Пекином и Абу-Даби, с одновременным созданием китайской базы в стране, безусловно, подрывает американскую систему безопасности в Персидском заливе.

Это обсуждается в Вашингтоне, где за последние несколько лет было много дебатов о необходимости сокращения и изменения баланса военной мощи США и участия в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке. Некоторые аналитики утверждают, что в последние годы стратегическая ценность региона и угрозы, с которыми сталкиваются Соединённые Штаты из него, уменьшились. В качестве аргументов часто указывают на то, что Америка стала энергетически независимой, Израиль обладает региональной мощью и теперь имеет тесные связи с несколькими арабскими государствами, а терроризм лучше всего рассмат-

ривать как региональную войну [18]. Сторонники такой позиции призывают Белый дом эвакуировать большую часть своих баз в регионе в течение последующих 5-10 лет, оставив менее 5 000 человек личного состава [19].

Сейчас, по оценкам отчёта, опубликованном в издании *The Military Balance* за 2023 г., на Ближнем Востоке дислоцировано около 40 000 военнослужащих США [20]. Основная часть этих сил действует в регионе Персидского залива. В Кувейте находится наибольшая доля сухопутных войск США, насчитывающих более 10 000 военнослужащих и штаб-квартиры региональной армии. Ещё 10 000 базируются в Катаре, где находится крупнейшее в мире воздушное экспедиционное крыло с тяжёлыми бомбардировщиками и другими самолётами. В Катаре на авиабазе Аль-Удейд также дислоцированы Региональное командование ВВС и региональный передовой штаб Командования специальных операций США.

Пятый флот ВМС США базируется в Бахрейне, где находится обширная военно-морская база с численностью около 4 700 человек и откуда Соединённые Штаты координируют морские операции с союзными силами. ОАЭ – ещё один важный партнёр США, обладают собственным растущим военным потенциалом и управляют авиабазой Аль-Дафра, на которой размещено 5 000 американских военнослужащих, а также разведывательные и боевые самолёты. А порт Джебель-Али в Дубае является частым портом захода военно-морских сил США. Американцы также имеют авиабазу и 2 000 человек личного состава в Саудовской Аравии.

В других точках Ближнего Востока США разместили в Иордании 3 000 военнослужащих и содержат там базу по эксплуатации беспилотников. Ещё 900 человек остаются на северо-востоке Сирии, где они взаимодействуют с местными курдскими ополченцами, а примерно 2 000 остаются на базах по всему Ираку, хотя сейчас они в основном выполняют роль консультантов. Имеется небольшое количество американских военных специалистов, которые участвуют в обучении военнослужащих в Ливане. Кроме того, по состоянию на декабрь 2022 г. Министерство обороны США нанимало около 22 000 подрядчиков по всему региону, из которых около трети были американскими гражданами [21].

Дополнительно американское военное участие в регионе расширяется за счет программ военной помощи и продажи оружия. После Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 г. США ежегодно предоставляют Израилю более 3 млрд долл. в виде военной помощи, предназначенной для поддержания его «качественного военного преимущества», в то время как Египет получает не менее 1 млрд долл. в год, несмотря на периодические попытки Конгресса приостановить помощь из-за нарушений прав человека со стороны египетского правительства [22]. Программа продаж военной техники за границу помогает Соединённым Штатам поддерживать долгосрочные стратегические связи с регионом. В период 2018–2022 гг. США обеспечили продажи в Саудовскую Аравию почти на 18 млрд долл., в ОАЭ – на 6 млрд

долл., в Египет – на 5 млрд долл., в Кувейт – на 3 млрд долл., 2 млрд долл. Иордании и более 1 млрд долл. Катару [23].

Отметим, что неспособность администрации Байдена возродить к концу 2023 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) приблизила Иран к тому, чтобы стать пороговым ядерным государством. Поскольку США продолжают переключать свое внимание на Китай и усиливать внимание к России, страны Ближнего Востока будут опираться на свои собственные зарождающиеся усилия по противодействию иранскому влиянию и дестабилизирующей деятельности через региональные механизмы, а также через новые международные партнёрства, преимущественно с КНР.

Как видно, в любом случае значительное сокращение Вашингтоном военной мощи или обязательств США в области безопасности в настоящее время представляется маловероятным. Проще говоря, Соединённым Штатам в то время, когда региональные игроки стремятся к большей стратегической автономии в многополярной системе, не хватает политических рычагов, чтобы обеспечить переход от привычного военного воздействия к дипломатическому и экономическому влиянию. Эта реальность, скорее всего, лишь ещё больше ослабляет рычаги влияния американцев на Ближнем Востоке.

Тем не менее, нужно признать, что ближневосточные страны пока больше полагаются на свой альянс безопасности с Соединёнными Штатами, чем на военное партнёрство с Китаем. Мощное военное присутствие США в регионе, проявляющееся в значительном размещении войск и экспорте американского оружия, остаётся жизненно важным сдерживающим фактором против потенциальных угроз странам региона, прежде всего со стороны Ирана.

С другой стороны, амбиции Пекина выходят за рамки экономического и технологического сотрудничества со странами Ближнего Востока. Текущая стратегия Китая направлена на то, чтобы бросить вызов сложившейся в Западной Азии архитектуре безопасности под руководством США [24]. Достижение этой цели предполагает постепенный процесс оспаривания и подрыва гегемонии США. На начальном этапе Пекин стремится разрушить основы возглавляемого Америкой регионального порядка, создавая альтернативные экономические и технологические рамки. На следующем этапе Китай, как полагают некоторые аналитики, намерен предложить комплексную альтернативу архитектуре безопасности под руководством США. Это намерение проявляется в активных усилиях Пекина по созданию военной базы в Персидском заливе, а также в заметном росте военных продаж арабским государствам [25].

В последние годы наблюдается устойчивый, заметный рост торговли оружием между Китаем и странами Ближнего Востока. Обнародование в январе 2016 г. программного документа о политике КНР в арабских странах, внесло больше ясности

в её стратегию. В нём описаны общие цели Пекина в регионе следующим образом: «достижение взаимовыгодного сотрудничества, общего развития и лучшего будущего китайско-арабских стратегических отношений и сотрудничества». В документе также конкретно упоминается необходимость активизации военного сотрудничества Китая с арабскими странами, а также «углубления сотрудничества в области вооружений, оборудования и различных военных технологий, и проведения совместных военных учений». Далее добавляется, что КНР «продолжит поддерживать развитие национальной обороны и вооружённых сил арабских государств для поддержания мира и безопасности в регионе» [26].

Таким образом, Китай сильно заинтересован во включении сотрудничества в области военной безопасности, особенно сделок с оружием и совместного производства вооружений, в качестве одного из аспектов своей общей стратегии на Ближнем Востоке. Создавая сеть партнёрств и альянсов, ориентированных на экономический и технологический порядок, Китай стремится создать сферу влияния, которая бросит вызов влиянию США в глобальных делах. Это видение охватывает не только дипломатию, безопасность и международное управление, но и распространяется на экономическую и технологическую сферы.

ЗНАЧЕНИЕ НЕФТИ В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ

Для Китая Ближний Восток имеет решающее значение для энергетической безопасности, поскольку он является крупным поставщиком нефти и газа в Поднебесную. Несмотря на то, что после 2022 г. Пекин всё чаще покупает иранскую и российскую нефть по заниженным ценам, энергетические отношения по-прежнему лежат в основе китайско-саудовских отношений. С 2019 г. Китай является крупнейшим покупателем саудовской сырой нефти, Эр-Рияд ежегодно отправляет в среднем более четверти своей нефти китайским импортёрам [27]. Чтобы обеспечить удовлетворение своих энергетических потребностей, Китай вкладывает значительные средства в энергетический сектор этого региона, в котором находится почти половина мировых запасов нефти, и на его долю приходится 31% мировой добычи нефти [28].

Что касается поставок нефти в Америку, то, хотя продолжающийся переход к возобновляемым источникам энергии, безусловно, в конечном итоге снизит глобальное значение Ближнего Востока, для США это вряд ли произойдёт в ближайшее время. Соединённые Штаты, возможно, больше не полагаются на ближневосточную нефть так сильно, как в прошлом, однако их союзники по-прежнему полагаются на неё, и этот регион имеет решающее значение для стабильности мировых энергетических рынков.

В Вашингтоне сложилось широко распространённое мнение, что, поскольку США теперь не являются крупным экспортёром нефти, энергетика страны

больше не уязвима для региональных событий на Ближнем Востоке. Но скачок цен на нефть в 2022 г. опроверг этот миф и напомнил американским политикам и потребителям, что нефтяная политика стран Персидского залива остаётся важнейшим элементом экономического благосостояния Соединённых Штатов, по крайней мере, на данный момент. В Америке растущие в связи с событиями на Украине цены на топливо усилили инфляцию, подорвали доверие потребителей и бизнеса, а также снизили рейтинги политических лидеров [29].

В 2022 г. Министерство энергетики США сообщило, что страна импортировала около одного миллиона баррелей в день из стран Персидского залива. Это составило примерно 12% от общего импорта нефти, чего было достаточно для удовлетворения 5% внутреннего спроса. Напомним, что в 2022 г. американской энергетике на долю нефти пришлось 36% общего внутреннего потребления. За ним следовали природный газ (33% общего потребления энергии), возобновляемые источники энергии (13%), уголь (10%) и атомная энергия (8%) [30].

Таким образом, хотя США достигли общей самодостаточности и сократили свою прямую зависимость от импорта, их экономика остаётся уязвимой к изменениям цен на нефть. Эта уязвимость, в свою очередь, означает, что страны Персидского залива из-за их центральной роли в управлении мировыми нефтяными рынками остаются жизненно важными для экономических интересов США. По оценкам Министерства энергетики США, ежедневно через стратегический Ормузский пролив протекает примерно 20 млн баррелей нефти [31].

Важность стран Персидского залива для мирового рынка нефти ещё больше подчёркивается их участием в ОПЕК и более крупной группе ОПЕК+, через которую они стремятся совместно управлять поставками нефти и ценами. Напомним, что группа ОПЕК+ была организована в 2016 г. в ответ на резкий рост добычи сланцевой нефти в США, которая в то время занимала долю мирового рынка и вынудила страны ОПЕК участвовать в разрушительной ценовой войне с американскими производителями годом ранее. По сути, урок для американских политиков и потребителей заключается в том, что, когда цена на нефть растёт где-либо в мире, она растёт повсюду, и поэтому развитие событий в странах Персидского залива имеет значение для «цен на заправке» США [32].

Признание этой связи стало очевидным во время визита президента США Дж. Байдена в Саудовскую Аравию в июле 2022 г., когда он пытался убедить Эр-Рияд увеличить добычу, чтобы снизить мировые цены на нефть. Байден, который ранее обещал сделать саудовскую монархию изгоем из-за нарушений прав человека, был вынужден обратиться к ней за помощью. Его просьба была отклонена, и Саудовская Аравия в октябре 2022 г. в сотрудничестве с Россией объявила о значительном сокращении добычи группой ОПЕК+ [33]. Новая динамика проявилась также на мировой арене, поскольку Европа столкнулась с проблемой поиска новых поставок нефти на фоне сокращения добычи ОПЕК+.

Некоторые правительства на Ближнем Востоке открыто игнорируют американские требования в отношении их энергетической политики и взаимодействия с Китаем и Россией. Это объясняется тем, что появившиеся после начала событий на Украине из-за резкого роста цен значительные непредвиденные доходы от нефти и газа, представляют собой для стран Ближнего Востока исключительную возможность инвестировать в будущее своего региона. По оценкам Международного валютного фонда, местные экспортёры нефти и газа получают дополнительные совокупные доходы от нефти в размере 1,3 трлн долл. США в течение следующих четырёх лет [34].

Важно и то, что возобновляющийся китайский экономический рост сопровождается растущим спросом на энергоносители, и ожидается, что в 2023 г. на долю Китая будет приходиться 60% всего роста спроса на нефть [35]. Поскольку почти половина импорта нефти в Китай в настоящее время поступает с Ближнего Востока, она остаётся основой его интересов в регионе. И действительно, в 2021 г. объём торговли Китая со странами Персидского залива достиг 330 млрд долл., а их торговля с Америкой в том же году находилась на уровне 87,3 млрд долл. [36].

На фоне меняющейся динамики торговых отношений на Ближнем Востоке Китай устанавливает экономическое и стратегическое партнёрство с растущим числом стран региона, создавая таким образом сеть союзников. Соглашения о стратегическом сотрудничестве в ряде важнейших областей, включая телекоммуникации, инфраструктуру, технологии и энергетику, в последние годы были подписаны с Ираном и его соперниками, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Кувейт, Египет и другие [37].

Ближний Восток быстро становится краеугольным камнем нового китайского механизма экономического развития «Один пояс – один путь», колоссального международного инфраструктурного проекта, который состоит из сочетания инициатив в области развития и инвестиций, стремящихся связать Восточную Азию с остальным миром [38]. По сути, это стратегия экономического развития, направленная на улучшение региональных связей и сотрудничества через зоны свободной торговли, а также на ускорение торговли и инвестиций путём создания новых экспортных рынков для Китая.

В настоящее время проектом «Один пояс – один путь» охвачено более 100 стран, что означает глобальное выражение китайского экономического, культурного и политического влияния [39]. Напористая траектория Пекина только ускорилась после того, как президент Си Цзиньпин официально пришёл к власти в 2013 г., определив свою миссию как «великое возрождение китайской нации». Си формально отказался от дипломатического пути Китая, «сохраняющего сдержанность», и вместо этого стремится к активной дипломатии и политике безопасности в интересах Китая [40].

Для ближневосточных стран имеет значение то, что китайские инвестиции, как правило, не связаны с правами человека (как, напротив, иногда бывает с соглашениями США), что делает их особенно привлекательными для лидеров многих стран региона. Действительно, большая часть действий Китая руководствовалась принципом невмешательства во внутренние дела и стремлением не нарушить преобладающие авторитарные и патриархальные политические системы. Такой подход Пекина к расширению экономических отношений может сигнализировать о более смелой форме дипломатии под руководством президента Си Цзиньпина в форме преднамеренного миротворчества [41].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ближний Восток становится важной зоной стратегического соперничества США и КНР, а это означает, что будущее региона неразрывно связано с результатом стратегического соревнования между двумя великими державами. Хотя они всё ещё имеют общие интересы в некоторых региональных делах, подход Соединённых Штатов заключается в том, чтобы вытеснить Китай путём оказания давления на своих союзников, но сегодня такая политика не является эффективной. Вашингтон не в состоянии продолжать поддерживать многолетний американский порядок в регионе без учёта интересов конкурирующих держав, прежде всего Китая, а также России.

Текущие отношения между Соединёнными Штатами и странами Ближнего Востока, за очевидным исключением Израиля, неустойчивы. Арабский мир в целом движется в сторону большей неопределенности и меньшей подверженности глобальному влиянию, пытаясь ограничить свои союзные отношения с Америкой и присоединиться к другим регионам, ориентируясь на новую динамику XXI века. Именно поэтому страны Персидского залива приложили все усилия, чтобы сформировать новый региональный порядок, который даст Китаю большую роль в политических, экономических, энергетических и, во всё большей степени, вопросах безопасности. Попытки Пекина сбалансировать свои отношения с Израилем, странами Персидского залива и Ираном создают свои собственные вызовы – эти государства часто находятся в напряжении друг с другом.

В свете как возможностей, так и проблем, которые порождает развивающееся китайско-американское соперничество, региональные игроки стремятся активно использовать преимущества этого соперничества великих держав, осторожно хеджировать стратегическую неопределенность и использовать враждебность между США и КНР. Саудиты, например, вырабатывают то, что они называют «полицентрическим подходом к региональным делам», при котором США остаются важным партнёром в области безопасности, но не единственным. Саудовско-

иранское соглашение, заключённое в марте 2023 г. при посредничестве и поддержке Китая, является примером сознательных усилий по отказу от старых правил взаимоотношений с Вашингтоном.

Таким образом, хотя Соединённые Штаты остаются важным – даже самым важным – внешним игроком в регионе, в ближайшие годы многие страны Ближнего Востока будут сочетать свой сбалансированный и прагматичный подход к внешней политике с более активным дипломатическим присутствием в мировых делах. Несмотря на растущую многополярность в международной геополитике или благодаря ей, они будут продолжать играть важную роль в качестве ключевых собеседников между США, Китаем и Россией.

В последние годы в политике Ближнего Востока произошли значительные изменения, и её трудно рассматривать с точки зрения упрощённой бинарности прошлого. Что интересно видеть, так это растущее влияние Китая в регионе и его способность развивать прочные связи как с Ираном, так и со странами Персидского залива.

ИСТОЧНИКИ

1. National Security Strategy. The White House. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. (accessed: 27.10.2023).

2. Lubold Gordon and Strobel Warren. Secret Chinese port project in Persian Gulf rattles relations with UAE. *The Wall Street Journal*. November 19, 2021. Available at: <https://www.wsj.com/articles/us-china-uae-military-11637274224>. (accessed: 27.10.2023).

3. Americans See China as Biggest Security Threat, What's News. *WSJ Podcasts*. December 02, 2021. Available at: https://www.wsj.com/podcasts/whats-news/americans-see-china-as-biggest-security-threat/843ac88b-0384-4b9c-81b5-487faa6bb091_ (accessed: 27.10.2023).

4. Jingxi Mo. Saudi-Iranian reconciliation hailed. *China Daily*. April 07, 2023. Available at: <https://global.china-daily.com.cn/a/202304/07/WS642f0043a31057c47ebb8b94.html> (accessed: 27.10.2023).

5. Young People Address Challenges and Explore Opportunities of Transition from Learning to Employment in the Middle East and North Africa. UNICEF. May 23, 2022. Available at: <https://www.unicef.org/mena/press-releases/young-people-address-challenges-and-explore-opportunities-transition-learning> (accessed: 27.10.2023).

6. Arab Opinion Index 2022: Executive Summary. Arab Center Washington DC. January 19, 2023. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/arab-opinion-index-2022-executive-summary/> (accessed: 27.10.2023).

7. Public Views of the U.S.-China Competition in MENA. Arab Barometer. July 2022. Available at: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/ABVII_US-China_Report-EN.pdf (accessed: 27.10.2023).

8. Doug Bandow. Western Sanctimony Drives Global South Away from Supporting Ukraine. Cato Institute. February 25, 2023. Available at: <https://www.cato.org/commentary/western-sanctimony-drives-global-south-away-supporting-ukraine> (accessed: 27.10.2023).

9. The 2019-2020 Arab Opinion Index: Main Results in Brief. Arab Center for Research and Policy Studies. November 16, 2020. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/the-2019-2020-arab-opinion-index-main-results-in-brief/> (accessed: 27.10.2023).

10. Kavanagh Jennifer and Bryan Frederick. Why Force Fails: The Dismal Track Record of U.S. Military Interventions. Foreign Affairs. March 30, 2023. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/us-military-why-force-fails_ (accessed: 27.10.2023).

11. Vine David. Creating Refugees: Displacement Caused by the United States Post-9/11 Wars. Watson Institute. September 21, 2020. Available at: https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2020/Displacement_Vine%20et%20al_Costs%20of%20War%20 (accessed: 27.10.2023).

12. Younis Mohamed. Muslim-Majority Countries Doubt U.S. Motives. Gallup. April 07, 2023. Available at: <https://news.gallup.com/poll/473546/muslim-majority-countries-doubt-motives.aspx>. (accessed: 27.10.2023).

13. O'Connor Tim. Why Saudi Arabia Is Following Iran to Join China and Russia's Security Bloc. Newsweek. March 29, 2023. Available at: <https://www.newsweek.com/why-saudi-arabia-following-iran-join-china-russias-security-bloc-1791326>. (accessed: 27.10.2023).

14. Lawrence J.P. US Troop Level Reduction in Middle East Likely as Focus Shifts Elsewhere. Stars and Stripes. January 14, 2022. Available at: https://www.stripes.com/theaters/middle_east/2022-01-14/centcom-central-command-drawdown-iraq-afghanistan-kuwait-saudi-arabia-4289137.html (accessed: 27.10.2023).

15. Psaledakis Daphne and Nichols Michelle. US Sanctions China-Based Network Accused of Supplying Iran Drone-Maker. *Reuters*. March 9, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-targets-china-based-network-supporting-irans-drone-procurement-efforts-2023-03-09/> (accessed: 27.10.2023).

16. Downs Erica. China's Military Support Facility in Djibouti: The Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base. CNA. July 2017. Available at: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/dim-2017-u-015308-final2.pdf (accessed: 27.10.2023).

17. Hudson John. Buildup Resumed at Suspected Chinese Military Site in UAE. *Washington Post*, April 26, 2023. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/04/26/chinese-military-base-uae/> (accessed: 27.10.2023).

18. Indyk Martin. The Middle East Isn't Worth It Anymore. *Wall Street Journal*. January 17, 2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-middle-east-isnt-worth-it-anymore-11579277317> (accessed: 27.10.2023).

19. Sweeney Mike. A Plan for U.S. Withdrawal from the Middle East. Defense Priorities. December 21, 2020. Available at: <https://www.defensepriorities.org/explainers/a-plan-for-us-withdrawal-from-the-middle-east> (accessed: 27.10.2023).

20. Hackett James. The Military Balance 2023. Chapter 1: The Shadow of War. London: Routledge, 2023. Available at: https://www.iiss.org/en/online-analysis/online-analysis/2023/02/chapter-1-the-shadow-of-war/?_id=BBB401A6FB80463B959DAC17BBF39BBF&_z=z (accessed: 27.10.2023).

21. Mazzarino Andrea. The Army We Don't See: The Private Soldiers Who Fight in America's Name. May 09, 2023. Available at: <https://tomdispatch.com/the-army-we-dont-see/> (accessed: 27.10.2023).

22. Sharp Jeremy M. Egypt: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service. Updated May 2, 2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/middle-east/RL33003.pdf> (accessed: 27.10.2023).

23. Historical Sales Book Fiscal Years 1950–2022. Defense Security Cooperation Agency. 2022. Available at: <https://www.dsca.mil/sites/default/files/2023-01/FY%202022%20Historical%20Sales%20Book.pdf> (accessed: 27.10.2023).

24. Soliman Mohammed. The GCC, US-China tech war, and the next 5G storm. Middle East Institute, September 01, 2020. Available at: <https://www.mei.edu/publications/gcc-us-china-tech-war-and-next-5g-storm> (accessed: 27.10.2023).

25. Ningthoujam Alvite. The Middle East: An Emerging Market for Chinese Arms Exports. *The Diplomat*. June 25, 2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/06/the-middle-east-an-emerging-market-for-chinese-arms-exports/> (accessed: 27.10.2023).

26. Full text of China's Arab Policy Paper. China.org.cn. January 14, 2016. Available at: http://www.china.org.cn/world/2016-01/14/content_37573547.htm (accessed: 27.10.2023).

27. Mogielnicki Robert. Strong China-Gulf Energy Ties Spill into Key Regional Issues. Arab Gulf States Institute in Washington. September 14, 2023. Available at: <https://agsiw.org/strong-china-gulf-energy-ties-spill-into-key-regional-issues/> (accessed: 27.10.2023).

28. Middle East's Energy Market in 2020. Statistical Review of World Energy 2021. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-middle-east-insights.pdf> (accessed: 27.10.2023).

29. Finley Mark and Mikulska Anna. Energy Transition, Energy Security, and Affordable Fuel: How the Energy Crisis Can Help Policymakers 'Thread the Needle.' Baker Institute for Public Policy. August 05, 2022. Available at: <https://www.bakerinstitute.org/research/energy-transition-energy-security-and-affordable-fuel-how-the-energy-crisis-can-help-policymakers-th> (accessed: 27.10.2023).

30. Petroleum and Other Liquids: U.S. Imports by Country of Origin. Available at: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_imp_cus_a2_nus_ep00_im0_mbbldpd_a.htm (accessed: 27.10.2023).

31. The Strait of Hormuz Is the World's Most Important Oil Transit Chokepoint. U.S. Energy Information Administration. Available at: June 20, 2019. <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=39932> (accessed: 27.10.2023).

32. Ulrichsen Kristian Coates. The OPEC+ Phenomenon of Saudi-Russian Cooperation and Implications for US-Saudi Relations. Baker Institute for Public Policy, October 18, 2022. Available at: <https://www.bakerinstitute.org/research/opec-phenomenon-saudi-russian-cooperation-and-implications-us-saudi-relations>. (accessed: 27.10.2023).

33. Holland Steve. Biden Fails to Secure Major Security, Oil Commitments at Arab Summit. July 16, 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/biden-hopes-more-oil-israeli-integration-arab-summit-saudi-2022-07-16/> (accessed: 27.10.2023).

34. Annual Energy Outlook 2023, Table 11: Petroleum and Other Liquids Supply and Disposition. U.S. Energy Information Administration. 2023. Available at: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/data/browser/#/?id=11-AEO2023&cases=ref2023&sourcek> (accessed: 27.10.2023).

35. Horner Will. China's Demand for Oil Hits Record as IEA Raises Global Forecasts. *Wall Street Journal*. May 16, 2023. Available at: <https://www.wsj.com/articles/chinas-demand-for-oil-hits-record-as-iea-raises-global-forecasts-67daad8e> (accessed: 27.10.2023).

36. Akcay Nurettin. Beyond Oil, A New Phase in China-Middle East Engagement. *The Diplomat*, January 25, 2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/01/beyond-oil-a-new-phase-in-china-middle-east-engagement/> (accessed: 27.10.2023).

37. Iordache Ruxandra. Saudi Arabia Takes Step to Join China-Led Security Bloc, as Ties with Beijing Strengthen. *CNBC*. March 29, 2023. Available at: <https://www.cnbc.com/2023/03/29/saudi-arabia-takes-step-to-join-china-led-security-bloc-as-ties-with-beijing-strengthen.html> (accessed: 27.10.2023).

38. McBride James. Backgrounder: China's Massive Belt and Road Initiative. Council on Foreign Relations. February 2, 2023. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed: 27.10.2023).

39. Sacks David. Countries in China's Belt and Road Initiative: Who's in And Who's Out. Council on Foreign Relations. March 24, 2021. Available at: <https://www.cfr.org/blog/countries-chinas-belt-and-road-initiative-whos-and-whos-out> (accessed: 27.10.2023).

40. Allison Graham. What Xi Jinping Wants. *The Atlantic*. May 31, 2017. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/what-china-wants/528561/> (accessed: 27.10.2023).

41. Alterman Jon B. Chinese and Russian Influence in the Middle East: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on the Middle East, North Africa, and

International Terrorism. U.S. Congress. May 09, 2019. Available at: <https://www.congress.gov/116/meeting/house/109455/witnesses/HHRG-116-FA13-Wstate-AltermanJ-20190509.pdf> (accessed: 27.10.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОБКИН Николай Николаевич, кандидат военных наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3

Nikolay N. BOBKIN, Candidate of Sciences (Military), Associate Professor, Senior Researcher Fellow Center for Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 10.11.2023 / Received 10.11.2023.

Поступила после рецензирования 22.11.2023 / Revised 22.11.2023.

Статья принята к публикации 23.11.2023 / Accepted 23.11.2023.

УДК: 336.1

DOI: 10.31857/S2686673024010038

Перераспределение военных расходов США на союзников: намерения и реальность

С.В. Ануреев

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.*

Scopus Author ID: 57211756635 РИНЦ ID: 2551-1963

ORCID: 0000-0003-4506-6305 e-mail: anureev@bk.ru

Резюме: США поддерживают военные действия на Украине и конфронтацию с Китаем, требуют от союзников поднять военные расходы до 2% ВВП и одновременно заявляют о среднесрочном сокращении своих военных расходов в реальном выражении. Так США пытаются обуздать огромный бюджетный дефицит и государственный долг, «продать» своим союзникам больше безопасности и вооружений, избежать деградации своего ВПК. Американские опции сокращения военных расходов дают небольшой бюджетный эффект, союзники ограничены в росте военных расходов и закупок американских вооружений большим государственным долгом и интересами своего ВПК. Американские намерения в области военных финансов по принципу «сокращая – переключай» реализуются только при идеальных условиях, хотя с жонглированием фактами и цифрами кажутся реалистичными.

Ключевые слова: государственный долг, военные расходы, экспорт вооружений, НАТО

Для цитирования: Ануреев С.В. Перераспределение военных расходов США на союзников: намерения и реальность. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54 (1): 35–52. DOI: 10.31857/S2686673024010038

Shift of US Military Spending to Allies: Intentions and Realities

Sergey V. Anureev

*Financial University under the Government of the Russian Federation.
49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation.*

Scopus Author ID: 57211756635 РИНЦ ID: 2551-1963

ORCID: 0000-0003-4506-6305 e-mail: anureev@bk.ru

Abstract: The United States supports military operations in Ukraine and confronts with China, pressure allies to raise military spending to 2% of GDP, and at the same time announces a medium-term reduction of military spending in real terms. So, the US is trying to curb the huge budget deficit and public debt, "sell" more security and weapons to its allies, and avoid the degradation of its military producers. American options for reducing military spending have little budget effect, the allies can't significantly increase military spending and purchase of American weapons due to large public debt and the interests of their military industry.

America's cut-and-shift military finance will realize only under ideal conditions, although with the juggling of facts and figures they seem realistic.

Keywords: public debt, defense spending, weapon export, NATO

For citation: Anureev, S.V. Shift of US Military Spending to Allies: Intensions and Realities. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 35-52.

DOI: 10.31857/S2686673024010038

ВВЕДЕНИЕ

Коммюнике саммита НАТО в Вильнюсе 11–12 июля 2023 г. содержит несколько пунктов относительно военных расходов и союзников. Пункт 27 указывает на не менее 2% ВВП расходов на оборону и во многих случаях больше 2% ВВП, пункт 28 указывает на не менее 20% военных расходов на закупки вооружений и разработки. Пункт 73 говорит об особой роли ЕС и о трансатлантическом распределении общего роста военных расходов, пункт 22 – о южных соседях НАТО с Ближнего Востока и из Северной Африки, пункт 85 – о партнёрстве в Индо-Тихоокеанском регионе с Австралией, Японией, Новой Зеландией и Республикой Корея. Также следует сослаться на наличие пунктов 30 и 36 про оборонную промышленность [1].

Федеральный бюджет США на 2024 г. и перспективу до 2033 г. в части расходов на оборону противоречит милитаристским устремлениям. Огромные социальные и медицинские расходы и быстрорастущие процентные расходы не позволяют США наращивать военные расходы.

В частности, государственный долг по прогнозу растёт с 32,7 трлн долл., или 124% ВВП, в 2023 г. до 50,7 трлн долл., или 128% ВВП, в 2033 г. Бюджетный дефицит с огромных 6,8% ВВП в 2024 г. декларативно снижается до больших 5,1% ВВП в 2033 г., без возможности хотя бы временного сокращения до приемлемых величин. ВВП по прогнозу вырастет с 26,5 трлн долл. в 2023 г. до 40,2 трлн долл. в 2033 г., или на 52%. Военные расходы вырастут с 858 млрд долл. в 2023 г. до 998 млрд долл. в 2033 г., или всего на 16%, с падением их относительной доли с 3,2 до 2,5% ВВП. Растут быстрее ВВП социальные и медицинские расходы: с 10,5% ВВП в 2023 г. до 12,9% в 2033 г., а также процентные – с 2,5% ВВП в 2023 г. до 3,3% в 2033 г. [2: 138, 139, 167-169]. «Процентные расходы превысят военные расходы к 2027 г. и достигнут рекордных 3,2% ВВП к 2030 г.» [3].

Если бы военные расходы относительно ВВП оставались на неизменном уровне 3,2%, а не тормозились на фоне инфляционно-номинального роста ВВП, то они составили бы 1286 млрд долл. в 2033 г., что на 288 млрд долл., или 22%, больше официально заявленной величины 998 млрд долларов.

Сочетание риторики милитаризма и торможения роста военных расходов раскрывается в Стратегии национальной безопасности 2022 г. (далее – Стратегия), кратко изложенной Бюджетным управлением Конгресса США (*Con-*

gressional Budget Office) (далее – БУК) в конце 2022 г. «Цели США могут быть достигнуты с помощью четырёх элементов: дипломатических – по созданию коалиций; информационных – по влиянию на мировое общественное мнение; военных – по сдерживанию и противодействию; экономических – по открытой торговле или введению санкций. Сокращение военных расходов планируется достигнуть за счёт сокращения штатной численности активных военных компонентов на 18–21% по сравнению с численностью 2023 г.» [4]. Именно дипломатия и коалиции предполагают перекладку части военных расходов на союзников.

США после холодной войны два раза сокращали военные расходы и стабилизировали бюджетный дефицит и государственный долг. Динамику военных расходов в долларах и как процент ВВП представляет, например, Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ) [5]. В период президентства У. Клинтона военные расходы снижались с 325 млрд долл. и 5% ВВП в 1992 г. до 298 млрд долл. и 3,1% ВВП в 1999 г. Затем в 2000-е годы, при президенте Дж. Буше-младшем и отчасти при Б. Обаме, был восстановительный скачок военных расходов до 752 млрд долл. и 4,9% ВВП в 2011 г. в годы войн в Ираке и Афганистане. В период второго срока президентства Б. Обамы военные расходы были сокращены до 640 млрд долл. и 3,3% ВВП в 2016 году.

На предстоящую десятилетку США предстоит решить проблему ещё более глубокого сокращения расходов относительно ВВП на фоне усиления конфронтации с Китаем и Россией и более высоким уровнем государственного долга. Оба указанных прошлых периода сокращений военных расходов отличали относительно высокая база этих расходов 5 и 4,9% ВВП по сравнению с уровнем 2023 г. в 3,2% ВВП, а также завершение предыдущих военно-политических конфронтаций. Государственный долг США составлял 60% ВВП в 1992 г. и 96% в 2011 г., что значимо меньше 120% ВВП в конце 2022 года.

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КОНГРЕССА США ПО СОКРАЩЕНИЮ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ

Формально военные расходы включаются в дискретную часть бюджета США и как бы могут пересматриваться, сокращаться или даже приостанавливаться, но только в теории. На практике «до трёх четвертей военного бюджета зафиксировано [прежними решениями], прежде чем Министерство обороны и Конгресс смогут внести изменения» [6]. Денежное довольствие, заработная плата, социальная поддержка и расходы на медицину установлены законами с индексацией по инфляции. Закупки военной техники и вооружений также проводятся в рамках долгосрочных контрактов с опциями индексации по фактической инфляции и даже с ростом цен при снижении объёмов закупок. Именно поэтому «нет недостатка в предложениях по улучше-

нию дел Министерства обороны и не хватает устойчивых положительных результатов... а любые значимые сдвиги, в основном, незначительны» [7].

В составе дискретных расходов, помимо военных, находятся расходы на стимулирование экономики, транспортную инфраструктуру, временные социальные меры типа списания студенческих кредитов. «56% взрослых американцев поддерживают сокращение расходов Министерства обороны, всего 32% взрослых выступают против их сокращения» [8]. Гиперболизированным примером политического выбора являются слова Макса Блюменталя: «Буквально 28 июня, когда аварийные бригады работают над устранением очередного крушения токсичного поезда в Соединённых Штатах, ещё больше обнажая хронически недофинансированную инфраструктуру, Министерство обороны объявило о военной помощи Украине на 500 млн долл.» [9].

Самым существенным инструментом сдерживания военных расходов является манипуляция с индексацией из-за инфляции. Об этом указано в процитированном выше Бюджете США на 2024 г., а также в соглашении по потолку государственного долга июня 2023 г.: «Военный бюджет на 2024 фин. год на 3,3% больше, чем в 2023 г., с увеличением на 1% в 2025 фин. году» [10]. «Бюджет сухопутных сил [на 2024 г.] номинально увеличивается на 0,1% по сравнению с принятым уровнем на 2023 фин. год, но на 3,3% меньше в реальном выражении» [11]. Хотя за октябрь–июнь 2023 фин. года военные расходы выросли на 8% [12], что ставит под сомнение способность американских политиков выполнять заявленные планы. Большее финансирование проводится отдельными решениями по изменению принятых ранее бюджетов, зачастую обосновывается военными действиями на Украине, а ранее – в Ираке и Афганистане.

Специалисты Центра стратегических и международных исследований (CSIS) подчёркивали, что «недофинансирование относительно инфляции привело к тому, что общая численность сухопутных сил сократилась до 951 тыс. человек, что примерно на 100 тыс. ниже уровня 2015 г., а регулярные силы остаются на уровне 452 тыс. человек при необходимых 485 тыс. человек. ВМС агрессивно списывают корабли с 11 досрочными списаниями, намереваясь сэкономить деньги сейчас, чтобы в будущем закупить больше кораблей. Предлагаемые закупки военно-морской авиации составляют 88 самолётов при необходимых 150 для поддержки имеющегося парка. ВВС предлагают списать 310 самолётов, в бюджете закупки 95 новых при необходимых закупках 182 самолёта для поддержания текущего парка при 30-летнем сроке службы» [11].

Кажется, ежегодные манипуляции с инфляцией и индексацией очень небольшие, но за десятилетие получается внушительная разница. «Весь дискретный бюджет к 2033 г. должен быть на 28% ниже его текущей покупательной способности. Спикер Маккарти призывал сохранить дискретное финансирование для ветеранов и военных. Это потребует более глубокого сокращения всего остального, не связан-

ного с обороной. К 2033 г. финансирование сокращаемых программ будет в среднем на 58% меньше, чем в 2023 г., после поправки на инфляцию и рост численности населения» [13].

БУК также публикует пару десятков предложений по сокращению расходов, помимо общих сокращений на 18–21% и манипуляций с инфляцией-индексацией, обычно по стилю в виде нескольких страниц общих фраз и цифр (обобщены в табл. 1). БУК является важным официальным парламентским подразделением. В публикациях профильных исследовательских центров и СМИ редко появляется что-то в дополнение к публикациям БУК, а чаще – то же самое, но другими словами и с другими акцентами. Эти предложения относительно невелики по размерам и даже суммарно не тянут на декларативные основные параметры бюджета на десятилетку с сокращением военных расходов как процент ВВП. Только общее сокращение на 18–21% в соответствии со Стратегией 2022 г. даст нужные результаты.

Таблица 1

Основные идеи сокращения военных расходов Конгресса США

	Тип сокращения	Суть сокращения	Сокращения (млрд долл.)	
			2024 г.	2033 г.
1	Замедление индексации денежного довольствия и зарплаты [15], [16]	Отставание от инфляции на 0,5% и от прогноза роста зарплат в частном секторе на 2% в год.	0,3	2,6
2	Замена вспомогательных военных гражданскими [17]	Замещение 80 тыс. военных на 64 тыс. гражданских, экономия на подготовке и соц. выплатах.	0,1	2,2
3	Отмена минимальной оплаты труда рабочим военных строек [18]	Исходя из гражданской зарплаты, преобладающей в районе строительства.	0,6	2,1
4	Прекращение постройки новых авианосцев «Форд» [19]	Завершение постройки 4-го «Форда» к 2032 г. и отмена заказа на 5-й.	0	2,3
5	Сокращение постройки атомных подлодок «Огайо» [20]	Вывод из эксплуатации 4-х подлодок, откладывание заказа на две новые и отмена ещё на две.	0,2	3,3
6	Отмена создания самолётов вертикального взлёта [21]	Продление эксплуатации вертолётов производства или ремонта за последние 15 лет.	0,4	2,5

7	Отсрочка создания нового бомбардировщика B-21 [22]	Продолжение эксплуатации самолётов производства 1960–1990-х годов минимум до 2032 г.	1,4	4
8	Снятие с вооружений самолётов B-1B и F-22 [23], [24]	Экономия на эксплуатации меньших типов, количества и возраста самолётов.	2,8	3,4
9	Сокращение закупок F-35 в пользу F-16 [25]	Вместо закупки 1914 F-35 за 253 млрд долл. до 2044 г., закупить 510 F-16 и 394 F-18.	0,3	2,1
10	Отмена создания новой межконтинентальной ракеты [26]	Продлить ресурс 400 имеющихся ракет шахтного базирования и отказаться от 640 новых.	1,1	2
11	Замедление индексации социального и медицинского обеспечения [27]	С отставанием от инфляции на 0,25% ежегодно по всем военным и гражданским служащим.	1,7	28,6
12	Сокращение пособий на аренду жилья [28]	С 95 до 80% от средней стоимости аренды по муниципалитету.	0,1	4,4
13	Сокращение пособий по безработице ветеранам-инвалидам [29]	Сокращение с учётом пенсий и других доходов, отмена при доходах свыше 125 тыс. долл. в год.	0,3	3,2
14	Отмена части пособий по инвалидности ветеранам-инвалидам [30]	Отмена пособий двум из 10 лёгким группам, при пенсии по старости, по бытовой инвалидности.	2,9	7,2
15	Доплата за медицинскую страховку TRICARE каждый год [31]	485–650 и 970–1300 долл. для военнослужащего и семьи, 300 и 600 долл. для ветерана и семьи.	1	2
16	Доплата за лекарства [32]	Для инвалидов 4 из 10 самых лёгких групп инвалидности доплата до 68 долл. за рецепт.	1,7	3,8
17	Прочие	10 предложений с эффектом менее 0,1 млрд долл. каждый и совокупно менее 1 млрд долл.	1	2,5
	Итого:		15,9	78,2

Обобщено автором на основе отдельных публикаций и расчётов СВО.

В составе мер БУК в денежном выражении доминируют ужесточение критериев социальных и медицинских программ для военнослужащих и ветеранов. В табл. 1 – это пункты 11–16, общий размер экономии по которым составляет 7,7 млрд и 49,2 млрд долл. для первого и десятого годов, даёт 48% и 63% всей прорабатываемой экономии. На торможение индексации пенсий и медицины на 0,25% ниже инфляции приходится 1/3 всех сокращений за десятый год прогнозов. Затем идут гипотетические сокращения закупок военной техники и вооружений, на которые ежегодно приходится порядка 2/3 всех военных расходов и которые в табл. 1 обозначены в пунктах 4–10 с возможной экономией 6,2 млрд и 19,6 млрд долл. для первого и десятого годов. На третьем месте по размерам экономии идут денежное довольствие и зарплаты – в табл. 1 это пункты 1–3 экономией 1 млрд и 6,9 млрд долл. для первого и десятого годов.

Политиками подробно рассматривается лишь небольшое количество крупнейших военных поставщиков, а предлагаемые небольшие сокращения, в основном, заключаются в переносе части закупок на более поздние сроки. Такой подход обобщён в заметке на сайте «Блумберг» (*Bloomberg*). «В расходах постоянно откладывается дорогой истребитель F-35 производства “Локхид Мартин” (*Lockheed Martin*), новые авианосцы от “Хантингтон ингалс индастрис” (*Huntington Ingalls Industries*), новые боеприпасы и ракеты производства “Рейтеон технолоджис” (*Raytheon Technologies*) и “Дженерал дайнемикс” (*General Dynamics*). Попытка устранить расточительность и злоупотребления имеет неопределённые термины и мало конкретики, сокращения составят несколько миллиардов долларов» [14]. В той же заметке тезисно заявлено, что будут изучаться способы сокращения гражданской рабочей силы и военных баз, которые пока Конгрессу не удавались.

ОГРАНИЧЕННЫЙ БЮДЖЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЮЗНИКОВ США ПО РОСТУ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ

В отчёте НАТО за 2022 г. сказано, что США потратили 723 млрд долл., другие участники альянса – 330 млрд долл. Больше 2% ВВП потратили на военные нужды, помимо США, ещё Великобритания, Польша, Греция и три прибалтийских государства. Из стран-членов с крупными экономиками Германия потратила 1,5% ВВП, Франция – 1,9%, Италия – 1,5%, Нидерланды – 1,4%, Испания – 1%, Швеция – 1,2%, Турция – 1,6%, Канада – 1,4% [33: 154, 159].

Предположим, что США убедили союзников по НАТО и АТР нарастить военные расходы до 2% (см. табл. 2). Тогда (относительно ВВП 2022 г., с нормативом 2%) прирост составил бы 89 млрд долл. по странам НАТО и ещё 46 млрд долл. по союзникам из АТР, а по прогнозному ВВП 2028 г. с таким же нормативом – суммарно 261 млрд долл. Такого прироста к 2028 г. будет достаточно для компенсации торможения роста американских военных расходов. Если же союзников удастся убедить повысить расходы до 2,5% ВВП, то есть до уровня декла-

ративного сокращения расходов самих США, то прирост в 2028 г. составит 447 млрд долл., а в процентах относительно фактической базы 2022 г. – 40%, как что-то среднее между скачком при Дж. Буше-младшем и Д. Трампе.

Крупнейшими странами по ВВП с низким уровнем военных расходов являются Германия и Япония, чей гипотетический вклад в рост военных расходов в реалиях ВВП 2022 г. и ставки 2% составил бы 21 млрд и 38 млрд долл., или 43% общего прироста. Если добавить к этим двум странам Италию, Канаду и Испанию с внушительным ВВП и гипотетическим приростом 10 млрд, 15 млрд и 13 млрд долл., то суммарно с первыми двумя получится 97 млрд долл., или 71% всего гипотетического прироста.

Таблица 2

Возможный прирост военных расходов НАТО и союзников в АТР

	Факт. военные расходы		Прогноз. ВВП		Гос. долг % ВВП 2022 г.	Возм. воен. расх. % ВВП 2022 г.	Возможные военные расходы, млрд долл. от дифференц. %ВВП			
	млрд долл. 2022 г.	% ВВП 2022 г.	Факт. ВВП 2022 г.	Прогноз. ВВП 2028 г.			2% 2022 г.	1–3% 2022 г.	2% 1–3%	
									2028 г.	2028 г.
США	877	3,46	25465	32350	122	2,5	877	877	971	971
Польша	17	2,42	688	1003	50	2,5	17	17	20	25
Великобритания	68	2,16	3071	4245	102	2	68	61	85	85
Франция	52	1,89	2784	3391	111	1,75	56	49	68	59
Нидерланды	16	1,64	994	1284	49	2	20	20	26	26
Италия	30	1,51	2012	2450	145	1,5	40	30	49	37
Германия	61	1,49	4075	5044	67	2	82	82	101	101
Турция	12	1,37	906	1335	31	2	18	18	27	27
Канада	28	1,29	2140	2605	107	1,75	43	37	52	46
Бельгия	7	1,18	582	709	105	1,75	12	10	14	12
Испания	15	1,09	1400	1753	112	1,75	28	25	35	31
Норвегия	8	1,57	579	591	39	2	12	12	12	12
Греция	8	3,54	219	277	177	3,5	8	8	6	10
Другие	25	1,5	1667	2267	60	1,75	33	29	45	40
Швеция	6	1,1	586	699	32	2	12	12	14	14
Итого НАТО	1230	2,58					1324	1286	1524	1494
Япония	47	1,1	4234	5344	261	1,1	85	47	107	59
Австралия	31	2	1702	2005	56	2	34	34	40	40
Республика Корея	50	2,8	1665	2123	54	2,8	50	50	42	59
Итого: АТР	128						169	131	189	158

Всего	1358					1493	1417	1713	1652
Прирост:						135	59	355	294
без США						135	59	261	200

Составлено автором на основе данных НАТО [33] и МВФ [34].

Отправным тезисом рассуждений о перекладке части военных расходов США на союзников является огромный бюджетный дефицит и государственный долг США. Аналогичные проблемы в разной степени тяжести есть и у других стран НАТО и АТР. Полярными являются крупнейшие после США Германия, чей государственный долг был 67% и дефицит бюджета 2,6% в 2022 г., а также Япония с 261% и 7,8% соответственно. Имеют долг выше США Италия (145% ВВП в 2022 г.) с прогнозом умеренного сокращения (до 132% в 2028 г.), и также Греция (177% и 144% ВВП). Долг ряда других крупных стран НАТО выше 100% ВВП, но меньше американских 122% ВВП в 2022 г. и останется в этом же диапазоне в 2028 г.: Великобритания (102% и 113%), Франция (111% и 115%), Канада (107% и 91%), Испания (112% и 109%). Швеция как новый член НАТО, а также страны АТР Австралия и Республика Корея имеют государственный долг 32%, 56% и 54% ВВП в 2022 г. с хорошим прогнозом МВФ на 2028 год.

По сообщению «Рейтер» со ссылкой на премьер-министра Фумио Кисиду, Япония «рассматривает повышение налогов для удвоения военных расходов до 2% ВВП в 2027 г., и это может повредить хрупкой японской экономике» [35]. «Немецкие военные расходы вырастут до 71 млрд евро в соответствии с финансовым планом 2024 г., включая рост на 1,7 млрд евро регулярных расходов и дополнительные 19,2 млрд евро специального фонда», о чём сообщил «Блумберг» [36]. Хотя издание «Политико» со ссылкой на пресс-секретаря правительства Хебштрайта в декабре 2022 г. писало, что «Германия отказалась от быстрого увеличения расходов на оборону до 2% ВВП <...> что покупка самолётов F-35 затруднена из-за задержек и дополнительных расходов» [37].

В качестве авторской гипотезы следует предположить фактический дифференцированный «налог НАТО» в зависимости от уровня государственного долга. Для стран типа Германии, Швеции, Австралии с небольшим долгом уровень военных расходов может быть повышен до 2% ВВП. Для стран типа Великобритании, Франции, Канады, Испании с долгом выше 100% ВВП – пониженный до 1,75% ВВП; для Италии и Греции – до 1,5%; Японии с самым высоким долгом – на текущем уровне без роста. Страны с высоким фактическим уровнем военных расходов к ВВП, такие как Польша, Греция и Республика Корея, как ожидается, будут придерживаться этого же уровня и в 2028 году.

Тогда прирост военных расходов стран НАТО без учёта США в реалиях ВВП 2022 г. составил бы 59 млрд долл., включая умеренное сокращение по Велико-

британии и Франции на 7 млрд и 3 млрд долл., рост по Германии на 21 млрд, Испании – на 10 млрд и Канаде – на 9 млрд долл. Прирост же военных расходов, исходя из прогнозного ВВП 2028 г. без учёта США, составил бы 200 млрд долл., в том числе по Германии – 40 млрд долл., по Польше, Турции, Канаде, Испании – в диапазоне 15–18 млрд долл. По обоим допущениям на 2022 и 2028 гг. прирост расходов союзников окажется в 3,7 и 2,6 раза больше гипотетической экономии на расходах самих США из табл. 1.

ПРЕДЕЛЫ И КОНКУРЕНЦИЯ В ЭКСПОРТЕ АМЕРИКАНСКИХ ВООРУЖЕНИЙ СОЮЗНИКАМ

В структуре расходов Министерства обороны США наибольшие суммы направляются подрядчикам на закупки услуг, вооружений, боеприпасов, наименьшие – на денежное довольствие военнослужащих. Так, финансовый отчёт Министерства обороны США за 2022 г. показывает, что из совокупных фактических расходов этого министерства в размере 822 млрд долл. подрядчикам был выплачен 501 млрд долл. (61% расходов), а на военных и гражданских служащих с учётом денежного довольствия, заработной платы, медицинского и социального обеспечения было потрачено 169 млрд долл. (21%) [38]. Этот же отчёт показывает в качестве внебюджетных доходов Министерства обороны экспорт вооружений и содержание союзниками американских военных баз в размере 77 млрд долларов.

Бюро военно-политического сотрудничества (*Bureau of Political-Military Affairs*) Государственного департамента США раскрывает в годовых отчётах объёмы внешней торговли вооружениями. Так, межправительственные соглашения составили 52 млрд долл. в 2022 г., увеличившись с 35 млрд долл. 2021 г. в 1,5 раза. Экспортные контракты напрямую от предприятий американского ВПК составили 154 млрд долл. в 2022 г., увеличившись с 103 млрд долл. в 2021 г. на 49% [39], суммарно выросли за год с 138 млрд до 206 млрд долл. Эти цифры основываются на выдаваемых лицензиях на экспорт, импорт, реэкспорт и торговлю вооружениями и любыми лицензируемыми товарами, услугами и информацией двойного назначения, на заключённых за год контрактах, а не на фактически полученных деньгах или проведённых отгрузках.

СИПРИ сильно противоречит заявлениям Госдепартамента США. В частности, СИПРИ в Базе данных по армейским трансферам (*Arms Transfer Database*) по экспорту США показывает лишь 14,5 млрд долл. в 2022 г. [40], а никак не заявленные Госдепартаментом более 200 млрд долл. Крупнейшим примером акцента на громкие заявления и преувеличения планов является контракт на три атомные подлодки для Австралии. Их постройка начнётся в 2027 г. или даже в начале 2030-х годов, будет стоить от 3 млрд долл. в первые четыре года, 58 млрд долл. в первые десять лет и от 268 млрд до 368 млрд долл. до середины 2050-х годов [41].

Близкую точку зрения «про планы вместо фактов» отразило издание «Политико» в заметке с громким заголовком «Наращивание военного потенциала Европы: больше разговоров, чем действий» в июне 2023 г. В заметке три важных утверждения: «Болтовня [политиков] медленно превращается в подписанные долгосрочные заказы на оружие и боеприпасы. Над любым увеличением расходов на оборону маячат Соединённые Штаты, которые традиционно поставляют более половины военной техники в Европу. Французские производители самолётов якобы получают прибыль от войны на Украине – что касается “*Dassault Aviation*”, то она равна нулю» [42].

В годовом отчёте американского бюро военно-политического сотрудничества в разрезе стран показателен скачок контрактов именно с Европой. Контракты с Финляндией выросли с 0,09 млрд долл. в 2021 г. до 11,8 млрд долл. в 2022 г., с Польшей – с 0,3 млрд до 4,8 млрд долл., со Швейцарией – с 0,04 млрд до 5,7 млрд долл. [37]. По новым крупным контрактам на Европу приходится примерно половина, включая контракты с Германией на истребители F-35 на 8,4 млрд долл., с Грецией на истребители – на 7 млрд долл., Польшей на танки «M1 Абрамс» – на 6 млрд долл., с Францией на авионику – на 1,3 млрд долл. [43].

Европейские члены НАТО наращивали импорт вооружений ещё до начала специальной военной операции на Украине. СИПРИ подвёл итоги такому увеличению по двум последним пятилеткам: «Импорт основных вооружений европейскими государствами увеличился на 47% в период с 2013–2017 по 2018–2022 гг., в то время как глобальный уровень международных поставок оружия снизился на 5,1%. Доля США в мировом экспорте вооружений увеличилась с 33 до 40%» [44].

СИПРИ также приводит данные по доле стран в мировом экспорте вооружений за 2018–2022 гг. и относительно 2013–2017 гг. На США приходится 40% общемирового экспорта вооружений с ростом на 14%, на Россию – 16% и падением – 31%, на Францию – 11% и +44%, на Китай – 5,2% и -23%, на Германию – 4,2% и -35%, на Италию – 3,2% и +45%, на Великобританию – 3,2% и -35%, на Испанию 2,6% и -4,4%, на Республику Корея – 2,4% и +74%, на Израиль – 2,3% и -15%, на Нидерланды – 1,4% и -39%, на Турцию – 1,1% и +69% [45: 2]. На всех американских союзников по НАТО и АТР приходится 35% мирового экспорта вооружений, треть из которых пришлась на Францию и ещё треть – на совокупность Германии, Италии и Великобритании.

СИПРИ представляет данные и по импорту вооружений. Доля импорта отдельно европейских членов НАТО и отдельно союзников из АТР составляет примерно по 12–12,5% общемирового, а доля закупок из США в этом импорте 74% в среднем. Крупнейшим импортёром вооружений является Австралия с общемировой долей 4,7% и закупок из США – 73%, затем следуют Республика Корея с 3,7% и 71%, Япония – с 3,5% и 97%. В Европе крупнейшими покупателями американских вооружений являются Великобритания, Норвегия и Нидер-

ланды с общемировыми долями по 1,9–2,3 % и закупками из США 87% в среднем [45: 6]. При этом ни Германия, ни Франция с крупнейшими европейскими экономиками не числятся среди значимых импортёров вооружений.

По процитированным данным СИПРИ получается, что колебания долей отдельных стран в 1,5 раза за пятилетку, и это может гипотетически указывать на потенциал перехвата США половины контрактов союзников, даже без учёта роста физических объёмов поставок. Рост американских экспортных контрактов с 138 млрд до 206 млрд долл., или на 68 млрд долл., близок к гипотетическому перехвату половины экспорта союзников. Контракт на атомные подлодки для Австралии также показателен в контексте конкуренции между США и их союзниками, поскольку первоначально Австралия заказала подлодки во Франции. Польша является ещё одним примером конкуренции: «заказала американских вооружений на 20 млрд долл. к концу 2022 г., а также заключила соглашение с Республикой Корея на 12,3 млрд долл.» [46].

Не все военные расходы и их прирост могут быть направлены на закупки вооружений. Французский военный бюджет опубликован в англоязычной краткой презентации за 2021 г.: общая величина расходов – 50 млрд евро, зарплата – 11,9 млрд, пенсии – 8,5 млрд, оборудование – 22,3 млрд евро (включая закупки и обслуживание) [47: 7-8]. Немецкий военный бюджет за 2021 г. в некоторых деталях на английском опубликован в виде материалов для Бундестага: общая величина расходов – 47 млрд евро, закупки – 18,3 млрд евро, включая оборудование и обслуживание – 8,7 млрд евро, материалы – 4,5 млрд евро, исследования – 1,7 млрд евро, без других подробностей [48: 51]. Получается, что на закупки вооружений Франция тратит 45% военного бюджета, Германия – 39%; включает как новые вооружения, так и материалы и техническое обслуживание (без раскрытия деталей).

Евросоюз не собирается просто отдавать свою долю прироста военных расходов американскому ВПК, о чём выразилось Европейское оборонное агентство (*European Defence Agency*) в годовом отчёте за 2022 г.: «Агентство проводит циклы ежегодных обзоров координации обороны, выполняет 147 технологических дорожных карт и распоряжается Европейским оборонным фондом для усиления конкурентоспособности европейской оборонной промышленности» [49: 5-7].

Следует представить ещё ряд цитат отсутствия у Германии рвения быстро наращивать военные расходы. В феврале 2022 г. Германия объявила о создании двух экстренных фондов с расходами в 2023–2026 гг.: Фонд климата и трансформации (на поддержку энергетики) в размере 200 млрд евро, Фонд перевооружения армии – 100 млрд евро, фактически начав использование их средств в 2023 г. в размере 52 млрд и 19 млрд долл. [50]. Германия выдала разрешения на экспорт вооружений на 8,36 млрд евро в 2022 г. и на 9,35 млрд евро в 2021 г., сообщило Министерство экономики и климата страны в пресс-релизе 04.01.2023 (*the federal government's policy on exports of military equipment in 2022*). В заметке о

сделке между Польшей и Республикой Корея сказано, что «первая партия из 10 танков K2 и 24 гаубиц K9 прибыла в Польшу в декабре, всего через несколько месяцев после подписания соглашений, а Германия ещё не поставила ни одного из 44 танков «Леопард» (*Leopard*), заказанных Венгрией в 2018 г. [51].

Таким образом, Соединённым Штатам вряд ли удастся сильно нарастить поставки в страны НАТО и АТР и они будут конкурировать с Францией и Германией. Австралия может немного нарастить закупки, но, скорее всего, она уже это сделала в рамках контракта на атомные подлодки. Япония имеет высочайший уровень госдолга и будет затягивать наращивание военных расходов и закупок. Республика Корея имеет и без того высокий уровень военных расходов, долю импорта из США и активно продвигает в Европу свои вооружения. Франция экспортирует вооружений столько же, сколько другие европейские члены НАТО, не числится среди значимых импортёров вооружений, и по уровню госдолга гипотетически не способна наращивать военные расходы. Германия экспортирует немного вооружений, не значится среди заметных импортёров, имеет большой потенциал роста военных расходов из-за большого ВВП и низкого государственного долга, но не спешит с ростом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует подвести арифметические итоги заявленной США бюджетной экономики на военных расходах, бюджетного же потенциала перекладки этих расходов на союзников и реального потенциала, исходя из сложившейся структуры закупок вооружений союзниками.

1. США заявляют о сокращении военных расходов с 3,2 до 2,5% ВВП, с кажущимся ростом с 858 млрд до 998 млрд долл. с 2022 до 2033 г., но медленнее инфляции и роста номинального ВВП. Если процент военных расходов от ВВП останется постоянным, то военные расходы через десять лет должны быть 1277 млрд долл., или на 279 млрд долл. больше планов. В принципе, подобное сокращение как процент ВВП удавалось во вторые сроки президентства У. Клинтона и Б. Обамы, но с большей базы и при международной разрядке.

2. Американские политики обсуждают пару десятков предложений по сокращению военных расходов, однако их величина оценивается в 16 млрд долл. для 2024 г. и 79 млрд долл. для 2033 г., включая 2/3 из-за сокращения социальных расходов. Сокращения чисто военных расходов заключаются в сдвиге на будущее крупных контрактов на новую военную технику в сочетании с ускоренным списанием старой. Отдельно заявляется фронтальное сокращение численности вооружённых сил и расходов на 18–21% в рамках Концепции национальной безопасности 2022 г. с перекладкой части расходов на союзников.

3. Многие американские союзники по НАТО и АТР имеют военные расходы ниже порога в 2% ВВП и гипотетически могут увеличить военные расходы на 135 млрд и 261 млрд долл. в 2023 и 2028 гг., полностью покрыв американскую экономию. Однако ряд союзников с большим ВВП также имеет большой государственный долг, что будет препятствовать росту военных расходов, либо уже имеет высокий уровень таких расходов. Если дифференцировать «налог НАТО» по уровню долга, то потенциал роста военных расходов союзников составит 59 млрд и 200 млрд долл. в 2023 и 2028 годах.

4. Для экономики США важен рост экспорта американских вооружений, что явно происходит в 2022–2023 гг. Только США уже доминируют на мировом и европейском рынке вооружений, хотя и сильно преувеличивая свои объёмы за счёт статистических манипуляций. Франция, Германия и Евросоюз в целом настаивают на поддержке своих производителей вооружений и не спешат наращивать закупки у США, поскольку ухудшат свой экономический рост и базу «налога НАТО». Даже если будет компромисс по перечислению США до 40% прироста военных расходов на закупки и обслуживание вооружений, это даст США только 80 млрд долл. в 2033 году.

Таким образом, арифметика политики США в области военных расходов по принципу «сокращая – перекладывай» складывается либо при реальном сокращении армии США на 18% с пропорциональным ростом армий союзников, либо при почти полном вытеснении американцами их союзников с мирового рынка вооружений и поглощения американцами всего среднесрочного прироста военных расходов союзников.

ИСТОЧНИКИ

1. Vilnius Summit Communiqué. NATO. July 11, 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (accessed 15.07.2023).

2. Budget of the US Government. Fiscal Year 2024. The Wight House. Office of Management and Budget. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/budget_fy2024.pdf (accessed 15.07.2023).

3. Major Challenges Await the Next Administration. US Budget Watch 2024. Committee for a Responsible Federal Budget. June 15, 2023. Available at: <https://www.crfb.org/papers/major-challenges-await-next-administration> (accessed 15.07.2023).

4. Reduce the Department of Defense's Annual Budget. Congressional Budget Office. December 7, 2022. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58632> (accessed 15.07.2023).

5. SIPRI Military Expenditure Database. Available at: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed 15.07.2023).

6. Mackenzie Eaglen. The Paradox of Scarcity in a Defense Budget of Largesse. American Enterprise Institute. July 18, 2022. Available at: <https://www.aei.org/research-products/report/the-paradox-of-scarcity-in-a-defense-budget-of-largesse/> (accessed 15.07.2023).

7. Mackenzie Eaglen. Beyond Monopsony: Pentagon Reform in the Information Age. American Enterprise Institute. March 2, 2023. Available at: <https://www.aei.org/research-products/report/beyond-monopsony-pentagon-reform-in-the-information-age/> (accessed 15.07.2023).

8. Beth Hallowell. Most US adults support Pentagon spending cuts. American Friends Service Committee. February 8, 2023. Available at: <https://afsc.org/news/most-us-adults-support-pentagon-spending-cuts> (accessed 15.07.2023).

9. Ellen BROWN. How the US Could Solve the Federal Debt Trap. Common Dreams. July 15, 2023. Available at: <https://www.commondreams.org/opinion/how-to-solve-federal-debt> (accessed 15.07.2023)

10. Bryan Harris. Debt ceiling agreement locks in Biden's proposed defense budget. Defense News. May 29, 2023. Available at: <https://www.defensenews.com/congress/budget/2023/05/29/debt-ceiling-agreement-locks-in-bidens-proposed-defense-budget/#:~:text=WASHINGTON%20%E2%80%94%20The%20debt%20ceiling%20agreement,defense%20spending%20to%20%24704%20billion> (accessed 15.07.2023).

11. Mark F Cancian. Military Forces and Acquisition Programs: How Did They Fare in the FY 2024 Budget? Center for Strategic & International Studies. March 17, 2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/military-forces-and-acquisition-programs-how-did-they-fare-fy-2024-budget> (accessed 15.07.2023).

12. Monthly Budget Review: June 2023. Congressional Budget Office. July 11, 2023. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/59255> (accessed 15.07.2023).

13. Bobby Kogan. Budget Caps Are Budget Cuts. American Progress. April 24, 2023. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/budget-caps-are-budget-cuts/> (accessed 15.07.2023).

14. Roxana TIRON. Record US Defense Budget Is Emerging Immune from Congress Cuts. Bloomberg Government. March 8, 2023. Available at: <https://about.bgov.com/news/record-us-defense-budget-is-emerging-immune-from-congress-cuts/> (accessed 15.07.2023).

15. Cap Increases in Basic Pay for Military Service Members. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58657> (accessed 15.07.2023).

16. Reduce the Annual Across-the-Board Adjustment for Federal Civilian Employees' Pay. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58672> (accessed 15.07.2023).

17. Replace Some Military Personnel with Civilian Employees. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58658> (accessed 15.07.2023).

18. Repeal the Davis-Bacon Act. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58674> (accessed 15.07.2023).

19. Stop Building Ford Class Aircraft Carriers. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58659> (accessed 15.07.2023).

20. Reduce the Size of the Nuclear Triad. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58660> (accessed 15.07.2023).

21. Cancel the Army's Future Vertical Lift Aircraft. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58662> (accessed 15.07.2023).

22. Defer Development of the B-21 Bomber. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58663> (accessed 15.07.2023).
23. Reduce the Size of the Bomber Force by Retiring the B-1B. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58664> (accessed 15.07.2023).
24. Reduce the Size of the Fighter Force by Retiring the F-22. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58665> (accessed 15.07.2023).
25. Cancel Plans to Purchase Additional F-35 Joint Strike Fighters and Instead Purchase F-16s and F/A-18s. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/54757> (accessed 15.07.2023).
26. Cancel the Long-Range Standoff Weapon. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58661> (accessed 15.07.2023).
27. Use an Alternative Measure of Inflation to Index Social Security and Other Mandatory Programs. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58656> (accessed 15.07.2023).
28. Reduce the Basic Allowance for Housing to 80 Percent of Average Housing Costs. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58666> (accessed 15.07.2023).
29. Reduce VA's Disability Benefits for Veterans Who Are Older Than the Full Retirement Age for Social Security. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58654> (accessed 15.07.2023).
30. Narrow Eligibility for VA's Disability Compensation by Excluding Veterans with Low Disability Ratings. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58655> (accessed 15.07.2023).
31. Modify TRICARE Enrollment Fees and Cost Sharing for Working-Age Military Retirees. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/54563> (accessed 15.07.2023).
32. Increase Prescription Drug Copayments for All Veterans. Congressional Budget Office. Available at: <https://www.cbo.gov/budget-options/58670> (accessed 15.07.2023).
33. The Secretary General's Annual Report 2022. March 21, 2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/3/pdf/sgar22-en.pdf#page=153 (accessed 15.07.2023).
34. World Economic Outlook Data: April 2023 Edition. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April> (accessed 15.07.2023).
35. Japan to consider delaying defense spending tax increase to 2025 or beyond. Reuters. June 13, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-consider-delaying-defence-spending-tax-increase-2025-or-beyond-source-2023-06-12/> (accessed 15.07.2023).
36. Germany to Lift Defense Budget to Record, Meeting NATO Target. Bloomberg. July 3, 2023. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-03/germany-to-lift-defense-budget-to-record-meeting-nato-target> (accessed 15.07.2023).
37. Germany backtracks on defense spending promises. Politico. December 5, 2022. Available at: <https://www.politico.eu/article/germany-backtracks-on-defense-spending-promise-warns-about-delays-ukraine->

49. European Defence Agency. Annual Report 2022. Available at: <https://eda.europa.eu/publications-and-data/all-publications/annual-report-2022> (accessed 15.07.2023).

50. Germany approves first draft of 2024 budget focused on 'fiscal realities'. Reuters. July 5, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/german-cabinet-approves-first-draft-2024-budget-2023-07-05/> (accessed 15.07.2023).

51. Joyce Lee and Josh Smith. South Korea's race to become one of the world's biggest arms dealers. Reuters. May 29, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/inside-south-koreas-race-become-one-worlds-biggest-arms-dealers-2023-05-29/> (accessed 15.07.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНУРЕЕВ Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Sergey V. ANUREEV, Doctor of Sciences (Economics). Professor at Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023 / Received 27.07.2023

Поступила после рецензирования 18.08.2023 / Revised 18.08.2023

Статья принята к публикации 20.08.2023 / Accepted 20.08.2023.

УДК: 327.51, 327.8

DOI: 10.31857/S2686673024010049

США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе

Д.С. Айвазян

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

Web of Science Researcher ID: M-4737-2017 Scopus Author ID: 57211412090

РИНЦ ID: 815429 ORCID: 0000-0002-9795-2929

e-mail: diana.ayvazyan 87@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается роль Соединённых Штатов Америки в формулировании идеологических принципов политики Организации Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization, NATO*), НАТО, в Черноморском регионе. В научной литературе уделяется внимание программам сотрудничества НАТО с черноморскими странами, столкновению интересов альянса и России в этом регионе. В меньшей степени освещается вклад США как ведущего государства – члена НАТО в идеологические установки организации применительно к регионам мира с высоким конфликтным потенциалом. В статье анализируется связь между концептуальными подходами США к Черноморскому региону, идейными концептами страны в отношении со странами региона, закреплёнными в стратегиях национальной безопасности США 2015, 2017 и 2022 гг. и идеологическими принципами политики НАТО в регионе. Автор использует дискурс-анализ документов органов власти США и официальных документов НАТО. Акцент сделан на периоде с 2014 г., когда после изменения правового статуса Крыма и Севастополя США и НАТО увеличили длительность патрулирования Чёрного моря, а НАТО расширила сотрудничество в сфере безопасности с Украиной и Грузией. Автор приходит к выводу о прямой корреляции между идеологическим восприятием Соединёнными Штатами Черноморского региона в рамках своей политики в Европе и идеологическим включением региона в пространство евроатлантической безопасности со стороны НАТО. США используют идеологические принципы поддержки развития демократических институтов черноморских стран и свободы судоходства на Чёрном море в конкуренции с Россией как с региональной черноморской державой за транзитный потенциал Черного моря.

Ключевые слова: США, НАТО, Черноморский регион, идеология, евроатлантизм, демократия

Для цитирования: Айвазян Д.С. США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 54 (1): 53–66. DOI: 10.31857/S2686673024010049

The USA and the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region

Diana S. Ayvazyan

Centre of MultidisInstitute of Europe

Russian Academy of Sciences,

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russian Federation, 125009.

Web of Science Researcher ID: M-4737-2017 Scopus Author ID: 57211412090

РИИЦ ID: 815429 ORCID: 0000-0002-9795-2929

e-mail: diana.ayvazyan87@gmail.com

Abstract. The paper examines the role of the United States of America (USA) in shaping the ideological principles of the North Atlantic Treaty Organisation's (NATO) policy in the Black Sea region. While NATO's cooperation programs with Black Sea countries and the clash of interests between NATO and Russia in this region have been widely discussed, less attention has been paid to the USA's contribution as NATO's leading member state to the alliance's ideological tenets in regions with high conflict potential. This analysis explores the interplay between the USA's conceptual policy framework towards the Black Sea region and its littoral states, as evaluated in the USA's National Security Strategies of 2015, 2017, and 2022, and the ideological principles of NATO's policy in the Black Sea region. A discourse analysis of official documents from both the USA and NATO is applied. The article focuses on the period since the 2014 change in the legal status of Crimea and Sevastopol, a time marked by increased USA and NATO patrols in the Black Sea and expanded NATO security cooperation with Ukraine and Georgia. The author concludes that there is a direct correlation between the USA's ideological perception of the Black Sea region as part of its European policy and NATO's ideological incorporation of the region into the Euro-Atlantic security sphere. The United States promotes ideological principles supporting the development of democratic institutions in Black Sea countries and freedom of navigation, competing with Russia for the region's transit potential. NATO's adherence to the ideological principle of protecting democratic states and supporting the USA's stance on freedom of navigation furthers the United States' interests in deepening economic, military, and political cooperation with the littoral states while maintaining its leadership role.

Keywords: USA, NATO, Black Sea region, ideology, euroatlantism, democracy

For citation: Diana S. Ayvazyan. The USA And the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 54 (1): 53-66. DOI: 10.31857/S2686673024010049

ВВЕДЕНИЕ

С распадом в 1991 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР) увеличилось количество государств, получивших выход к Чёрному морю за счёт образования новых независимых государств – России, Украины и Грузии, ранее входивших в состав СССР. С переходом России, Украины, Грузии, а также черноморских государств, ранее входивших в социалистический блок – Румынии и Болгарии, к демократическому политическому режиму и рыночной экономике, резко возрос интерес внешних по отношению к региону акторов к установлению

отношений нового качества с прибрежными государствами. Для Соединённых Штатов Америки и Организации Североатлантического договора появилась возможность изменить военно-политический баланс сил в регионе Чёрного моря. Резко возросшая открытость Черноморского региона в современной системе международных отношений обуславливает необходимость анализа политики внерегиональных акторов в регионе, включая её идеологический аспект.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ США И НАТО С ЧЕРНОМОРСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

США сохраняют до настоящего времени свой ведущий вклад в деятельности НАТО. По официальным подсчётам альянса за 2014–2022 гг. доля военных расходов США в % ВВП страны была самой высокой из всех стран – членов НАТО: страна ежегодно тратила на военные расходы более 3% своего ВВП. НАТО включает в военные расходы стран – членов альянса траты их правительств на нужды национальных вооружённых сил, на нужды вооружённых сил союзников, входящих в альянс и на нужды НАТО. В 2019 г. такого показателя достигла Болгария – доля её военных расходов составила 3,13% ВВП страны, а в 2021 г. и в 2022 г. по оценочным показателям – Греция с долей расходов на оборону, составляющих 3,70% и 3,76% ВВП [1: 8]. Общее число военнослужащих Соединённых Штатов превысило контингент военнослужащих НАТО, которые организация разместила на своём восточном фланге в ответ на специальную военную операцию (СВО) России на Украине, начавшуюся 24 февраля 2022 г., и составило 100 тыс. военнослужащих США и 40 тыс. военнослужащих НАТО [2].

Одновременно с сохранением ведущей роли в НАТО Соединённые Штаты развили до статуса стратегического партнёрства отношения с Румынией, Украиной и Грузией и в январе 2020 г. открыли с Болгарией формат двустороннего стратегического диалога для консультаций по вопросам двустороннего сотрудничества и представляющим взаимный интерес глобальным, региональным вопросам [3]. 4 апреля 2022 г. Турция и США запустили Стратегический механизм [4]. Турция сохраняет своё членство в НАТО с 1952 г., и в Турции недалеко от Стамбула базируется корпус быстрого развёртывания США и НАТО [29].

После вступления Румынии и Болгарии в НАТО в 2004 г. Соединённые Штаты в 2005 г. подписали соглашение с Румынией, касающееся деятельности вооружённых сил США, расположенных на территории Румынии, а в апреле 2006 г. подписали соглашение о сотрудничестве в сфере обороны с Болгарией. К сентябрю 2011 г. США и Румыния подписали совместную Декларацию о стратегическом партнёрстве в XXI веке.

Соглашения с Румынией и Болгарией от 2005 и 2006 гг. обеспечили США доступ и совместное использование с Болгарией и Румынией военных объектов на

их территории. В октябре 2014 г. Соединённые Штаты официально открыли базу материально-технического обеспечения военно-морских сил на военно-воздушной базе Девеселу к западу от Бухареста. На румынской авиабазе Михаил Когэлничану у румынского порта Констанца на ротационной основе работают несколько тысяч американских солдат, авиабаза используется как мультимодальный транспортный узел для военных сил США [5]. Несколько военных объектов Болгарии находятся в совместном пользовании с Соединёнными Штатами, включая район учений Ново Село [6].

США подписали с Украиной и Грузией Хартии о стратегическом партнёрстве в декабре 2008 г. и январе 2009 г. соответственно. Румыния, Болгария, Украина и Грузия участвуют в проекте по оповещению морской обстановки на Чёрном море, который ведут Соединённые Штаты [6].

Партнёрство США с вышеупомянутыми черноморскими государствами и военно-политическое сотрудничество НАТО с ними и как с членами альянса (в случае с Румынией, Болгарией, Турцией), и как с партнёрами вне альянса (Грузией, Украиной) взаимодополняют друг друга. Расширение НАТО с приёмом в состав организации Болгарии и Румынии в 2004 г. соответствовало интересам американцев, обеспечив США и НАТО военное присутствие в Румынии и Болгарии.

Вхождение Крыма и Севастополя в состав России после смены власти на Украине в 2014 г. и проведение Россией СВО на Украине послужили для США и НАТО поводом для того, чтобы укрепить сотрудничество в сфере безопасности со своими черноморскими союзниками и партнерами. С 2014 г. военно-морской флот США и других стран – членов НАТО стал в течение около восьми месяцев в году регулярно патрулировать Чёрное море [7].

Одновременно с усилением патрулирования Чёрного моря со стороны США и НАТО в 2014 г. прекратила свою деятельность и двусторонняя президентская комиссия, которую Россия и Соединённые Штаты создали для развития двустороннего сотрудничества в июле 2009 г. НАТО, в свою очередь, приостановила с апреля 2014 г. практическое сотрудничество с Россией, в том числе, в рамках Совета Россия – НАТО.

В 2014 г. Грузия, а Украина в июне 2020 г. получили статус партнёров НАТО с расширенными возможностями. По итогам саммита НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. альянс предоставил Грузии комплексный пакет поддержки на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях в 13 областях сотрудничества, в том числе в сфере морской безопасности [8]. В результате реализации пакета с сентября 2016 г. был полностью введён в строй Совместный оперативный центр военно-морских сил (г. Супса), который обменивается информацией о морской обстановке на Чёрном море с Центром морских перевозок НАТО [9]. С запуском в 2016 г. в Средиземном море операции НАТО «Морской страж» (*Sea Guardian*)

Украина в рамках этого проекта обеспечивала альянс информацией об обстановке в районе Чёрного моря [10].

После начала СВО России на Украине альянс впервые разместил в Румынии своё подразделение высокой готовности сил быстрого реагирования [11]. По итогам своего внеочередного саммита в Брюсселе 24 марта 2022 г. альянс дополнительно разместил в Болгарии и Румынии ещё по одной боевой группе с многонациональным составом (в Румынии боевая группа состоит из военных сил США, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Северной Македонии, Польши, Португалии под координацией Франции; в Болгарии – из военных сил США, Албании, Греции, Черногории, Северной Македонии и Турции) [11].

По итогам саммита НАТО, состоявшегося 11-12 июля 2023 г. в Вильнюсе (Литва), страны-члены подтвердили стратегическое значение Черноморского региона для альянса, договорились совершенствовать ситуационную осведомленность на Чёрном море, а также исключили для Украины необходимость выполнять план действий по подготовке к членству НАТО [12].

С учётом сохраняющейся ведущей роли США в альянсе и активизации деятельности США и НАТО в Черноморском регионе с 2014 года, автор обращается к вопросу о том, какое влияние оказывают Соединённые Штаты Америки на идеологические установки политики Североатлантического альянса в регионе Чёрного моря. С этой целью анализируется взаимосвязь между концептуальными подходами США там и в отношениях США с прибрежными государствами, с одной стороны, и идеологическими принципами политики НАТО в регионе – с другой.

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

Соединённые Штаты рассматривают Черноморский регион в контексте своей политики в Европе, упоминая черноморские (Россию, Турцию, Украину, Грузию) и близлежащие к ним страны (Молдову) в разделах стратегий национальной безопасности 2015, 2017 и 2022 годов, посвящённых международному порядку и стратегическим подходам США в регионах мира, а именно в Европе [13], [14], [15]. Хотя в вышеупомянутых стратегиях термин «Черноморский регион» не упоминается, США ставят в отношении этого района стратегические цели и задачи, фактически рассматривая его как субрегион Европы. В стратегиях национальной безопасности США 2015, 2017 и 2022 годов имеющие выход к Чёрному морю Румыния и Болгария отдельно не упоминаются и рассматриваются Соединёнными Штатами в контексте их членства в НАТО и как страны Восточной Европы.

Черноморские страны в социально-экономическом и военно-политическом аспектах Соединённые Штаты видят в составе объединённой, свободной и мирной Европы, которая должна сформироваться после окончания холодной войны

с сохранением и укреплением лидирующей роли США в мире [13], [14], [15]. Такой подход отражает стремление Соединённых Штатов наиболее активно использовать транзитный потенциал региона. В Черноморском регионе и на постсоветском пространстве Грузия и Украина представляют ключевой интерес для США вследствие их благоприятного географического положения – способности обеспечивать открытый доступ к морским путям и возможности создания удобной логистики [Гегелашвили Н.А., 2021: 19].

США придерживаются принципа свободного доступа к совместно используемым пространствам в мире, в том числе к морским пространствам, с целью развития мировой экономики, получения коммерческих выгод и научных открытий. В рамках такой стратегии США последовательно отстаивают принцип свободы судоходства [13]; [15], в том числе на Чёрном море. Углубление сотрудничества США с Украиной на Чёрном море в рамках Стратегической рамочной программы США – Украина, подписанной 31 августа 2021 г., было среди прочего направлено на гарантии свободы судоходства на Чёрном море [16].

Обращение к принципу свободы судоходства в Черноморском регионе позволяет США укреплять сотрудничество с прибрежными странами-союзниками и партнёрами в противовес укреплению военно-политических и экономических позиций России на Чёрном море. Аргументы Соединённых Штатов, осуждавших действия России в инциденте в районе Керченского пролива между кораблями ВМС Украины и погранслужбой ФСБ России в ноябре 2018 г. [17], а также негативно оценивших решение России от 24 апреля 2021 г. в отношении районов Чёрного моря, сводились к нарушению, по мнению Соединённых Штатов, принципа свободы судоходства со стороны России [18].

Стремление США обеспечить свободное судоходство на Чёрном море в противовес суверенитету прибрежных стран в отношении территориальных вод, оспариваемых прибрежными государствами, соответствует тенденции современной системы международных отношений – намерению мировых держав контролировать ключевые регионы мира. [Ирхин А.А., Москаленко О.А., 2023: 389]

ИДЕЙНЫЕ КОНЦЕПТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С ЧЕРНОМОРСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Соединённые Штаты Америки рассматривают взаимодействие в рамках НАТО со своими черноморскими союзниками, входящими в альянс (Болгарией, Румынией, Турцией), как одну из значимых сфер двустороннего стратегического партнёрства [3], [19], [20]. США оказывали содействие Болгарии и Румынии в их вступлении в НАТО [Kandilarov E., 2021: 2]; [Kay S., 2000: 18-19]. Турция представляет значение для США как региональная черноморская держава,

контролирующая проливы Босфор и Дарданеллы, с которой США взаимодействуют для укрепления её стратегических, политических и экономических связей с Западом [13], [15].

Идеологическое измерение партнёрств США как с черноморскими странами – членами НАТО, так и черноморскими странами, не входящими в альянс, включает в себя приверженность сторон демократическим ценностям и защите прав человека [21], [22]. Приверженность демократии и её ценностям – неотъемлемым правам человека, в том числе, на жизнь, свободу, стремление к счастью, равенство людей перед законом традиционны для внутривнутриполитической системы Соединённых Штатов. Эти принципы провозглашались ещё при образовании США как государства в 1776 г. [23]. Однако США используют этот принцип в своих отношениях с черноморскими странами-партнёрами для укрепления союза США со странами, развивающимися демократические политические институты, что позволяет Соединённым Штатам оказывать влияние на внутривнутриполитическую систему стран-партнёров.

Реформы на пути к развитию демократии на Украине и в Грузии призваны обеспечить постепенную и последовательную интеграцию в евроатлантические институты – ЕС и НАТО [13], [15]. Подобная парадигма взаимодействия стимулирует экономическое сотрудничество США с черноморскими государствами, усиливает роль Соединённых Штатов как посредника в урегулировании национально-территориальных конфликтов.

При этом со стороны США не учитывались интересы России в развитии экономических и политических связей с новыми независимыми государствами, сформировавшимися после распада СССР, в том числе в Черноморском регионе. Можно предположить, что ожидания Соединённых Штатов после окончания холодной войны были связаны со стратегической переориентацией черноморских государств на сотрудничество с США, с ослаблением роли России как региональной державы в регионе, в том числе, в сфере поставок углеводородных энергоресурсов. Политика Соединённых Штатов по «продвижению демократии» приобрела форму расширения американского влияния и геополитического противодействия России [Пономарев В.А., 2020: 19].

С учётом этих условий США и Россия так и не преодолели наследие холодной войны. В период идеологического противостояния социалистического и капиталистического блоков США и НАТО воспринимали СССР как коммунистическую диктатуру [24]. По окончании холодной войны Соединённые Штаты в стратегиях национальной безопасности 2015, 2017 и 2022 годов определяют Россию и Китай как державы, конкурирующие с США за влияние в мире и в отдельных регионах. При этом сам факт этой конкуренции в вышеупомянутых стратегиях Соединённые Штаты связывают с идейной установкой о проявлении «авторитарности» России и Китая в противовес ценностям демократических государств, то есть

США и их союзников в Европе, что отражает намерение США сдерживать влияние России в Черноморском регионе, обращаясь к идеологическому обоснованию конфликта интересов с Россией [13], [14], [15].

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ НАТО В РЕГИОНЕ В ИХ СВЯЗИ С ПОДХОДАМИ США

Концептуальные подходы Соединённых Штатов во внешней политике в отношении стран Черноморского региона коррелируют с идеологическим измерением политики НАТО там. После распада СССР Североатлантический альянс рассматривает Черноморский регион в контексте евроатлантической архитектуры безопасности и политики «открытых дверей» (открытости организации к вступлению в неё новых стран-членов, разделяющих ценности альянса).

Такой подход включает два взаимосвязанных измерения: географическое и идеологическое. Первое предполагает необходимость обеспечения и поддержания безопасности Евроатлантического региона/пространства, составной частью которого НАТО рассматривает Черноморский регион. Евроатлантическое пространство отражает сохраняющиеся с момента создания Североатлантического альянса военно-политические связи между входящими него странами Северной Америки (США и Канады) и странами Европы (странами – членами Европейского Союза, Британией, Норвегией; граничащими с Евросоюзом Турцией и государствами Балканского полуострова – Черногорией, Албанией, Северной Македонией). Предполагается, что НАТО приходит к консенсусу со своими государствами-партнёрами, не входящими в альянс, о том, что те рассматривают свою национальную безопасность в составе Евроатлантического региона.

Черноморский регион выступает пограничным регионом по отношению к Североатлантическому альянсу. С вхождением в НАТО Румынии и Болгарии значимость черноморского направления для политики НАТО и обеспечения морской безопасности новых стран – членов альянса усилилась. Сближение черноморских государств с военными стандартами НАТО и укрепление диалога Североатлантического альянса с Россией представляли значимость для альянса как способствующие объединению Европы, расколотой в годы холодной войны на два лагеря – капиталистический и социалистический.

При этом НАТО изначально была заинтересована в укреплении евроатлантических устремлений постсоветских и постсоциалистических черноморских государств, что было бы возможным в случае ослабления позиций России как региональной державы на Чёрном море после распада СССР и проведения ею последовательного курса на евроатлантическую интеграцию. Изменение статус-кво в границах новообразованных с распадом СССР черноморских государств

вследствие конфликтов вокруг статуса Крыма и Севастополя, Абхазии и Южной Осетии сопровождалось укреплением военно-политических позиций России в регионе Чёрного моря и было воспринято Североатлантическим альянсом как вызов для современной объединенной, свободной и мирной Европы, находящейся в периоде после окончания холодной войны. [25]

СВО России на Украине, затронувшая Азово-Черноморский край, альянс расценил как серьёзнейшую угрозу евро-атлантической безопасности, закрепив эту позицию в новой Стратегической концепции НАТО, принятой в 2022 году. [26] Равным образом, НАТО осудила проведение 23-27 сентября 2022 г. референдумов в Запорожской, Херсонской областях Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик по вопросу их принятия в состав России в условиях СВО России на Украине, рассмотрев вышеупомянутые регионы как регионы Европы (European territory). [27] Такая позиция соответствует как интересам Соединённых Штатов в укреплении НАТО под лидерством США, так и устремлениям НАТО к расширению евроатлантического пространства и развитию партнёрств со странами, не входящими в альянс. Поддержка со стороны НАТО принципа свободы судоходства направлена на сдерживание возможностей для военно-политического превосходства России на Чёрном море и показывает, что НАТО не намерена уступать контроль над Чёрным морем России. [Atland K., 2021: 318]

Идеологическое измерение включает ценности, которые НАТО использует в своей политике, в том числе, в отношениях с партнерами, не входящими в альянс: защиту свободы, общего наследия и цивилизаций народов стран-членов альянса, основанных на принципах демократии, свободы личности и законности. [28] Эти ценности закреплены в основополагающем Североатлантическом договоре НАТО, которые страны – члены организации подписали в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. Развитие демократических механизмов управления Украины и Грузии в секторах безопасности и обороны составляет одну из сфер их партнёрства с НАТО как черноморских государств, сохраняющих курс на евроатлантическую интеграцию.

США и НАТО сталкиваются с серьёзными ограничениями при рассмотрении региона в контексте безопасности в Европе и расширения союза демократических государств. Географическое положение региона между Ближним Востоком, Южным Кавказом, Центральной Азией – с одной стороны, и Европейским Союзом, странами Восточной Европы и Средиземноморским регионом – с другой, выходит за рамки сугубо евро-атлантического региона. У стран Черноморского региона не сформировалось чувство единства и принадлежности к единой региональной общности. [Иванова Е. А., 2016: 79]

После распада СССР в 1991 г. Россия, Украина, Грузия, Румыния и Болгария избрали демократический политический режим и рыночную экономику. Однако

схожесть внутриполитических режимов, закреплённых в правовом поле, не стала гарантом единства и преемственности в понимании актуальных вызовов и угроз военной и международной безопасности как в отношениях между ними, так и при их взаимодействии с США и НАТО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуальные подходы США применительно к Черноморскому региону и к прибрежным государствам оказывают прямое влияние на идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе. После распада СССР Соединённые Штаты и НАТО рассматривали сотрудничество с черноморскими странами в контексте евроатлантической безопасности, с намерением сохранять роль НАТО как основополагающего военно-политического института обеспечения безопасности в Европе.

Значение Черноморского региона в политике Соединённых Штатов и НАТО повысилось, начиная с периода после изменения правового статуса Крыма и Севастополя в 2014 г. в контексте сдерживания России как государства, не принявшего концепт расширения евроатлантического пространства в ущерб построения новых связей России с новообразованными независимыми республиками на постсоветском пространстве в целом и в Черноморском регионе в частности.

Продвижение демократических преобразований в странах мира, закреплённое во внешней политике США и укрепление союза демократических государств как идейный концепт НАТО в Черноморском региона направлены, в первую очередь, на укрепление роли Соединённых Штатов в обеспечении международной безопасности и сближение стандартов управления в сфере безопасности и обороны черноморских государств со стандартами НАТО.

ИСТОЧНИКИ

1. Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). Communique PR/CP(2021)094. 27 June/Juin 2022. NATO Public Diplomacy Division. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220627-def-exp-2022-en.pdf (accessed: 30.01.2023).

2. NATO's Eastern Flank: stronger defence and deterrence. 21 March 2022. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/2203-map-det-def-east.pdf (accessed: 05.11.2022).

3. Joint Summary of Conclusions of the Strategic Dialogue between the United States and Bulgaria. U.S. Embassy in Bulgaria. Available at: <https://bg.usembassy.gov/joint-summary-of-conclusions-of-the-strategic-dialogue-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-bulgaria/> (accessed: 05.06.2023).

4. Türkiye-U.S. Joint Press Release on the Strategic Mechanism. No: 117, 4 April 2022. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. Available at: https://www.mfa.gov.tr/no_-117_-turkiye-abd-stratejik-mekanizmasi-hakkinda-ortak-basin-aciklamasi.en.mfa (accessed: 19.07.2023).

5. U. S. Relations with Romania. February 19, 2021. U. S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-romania/> (accessed: 26.10.2021).

6. U. S. Security Cooperation with Bulgaria. October 31, 2022. U. S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-bulgaria/> (accessed: 10.07.2023).

7. NATO Allied ships, aircraft patrol the Black Sea. 28 Jan. 2021. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180887.htm?SelectedLocale=en (accessed: 03.10.2022).

8. Substantial NATO-Georgia Package (SNGP). February 2016. North Atlantic Treaty Organisation. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_02/160209-factsheet-sngp-en.pdf (accessed: 19.07.2023).

9. Ministry of Internal Affairs. NATO-Georgia Substantial Package (SNGP). Available at: <https://police.ge/en/ministry/structure-and-offices/international-relations-department?sub=13700> (accessed: 19.07.2023).

10. Relations with Ukraine. 02 Jun. 2023. North Atlantic Treaty Organisation. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_37750.htm (accessed: 19.07.2023).

11. NATO's military presence in the east of the Alliance. 22 Jun 2023. North Atlantic Treaty Organisation. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 19.07.2023).

12. Vilnius Summit Communique. 11 July 2023. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (accessed: 19.07.2023).

13. National Security Strategy. The White House, Washington. February, 2015. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 01.02.2023).

14. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington, DC. December, 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 01.02.2023).

15. National Security Strategy. The White House, Washington. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed: 10.11.2022).

16. Fact Sheet – U.S.-Ukraine Strategic Defense Framework. Aug. 31, 2021. U. S. Department of Defense. Available at: <https://media.defense.gov/2021/Aug/31/2002844632/-1/-1/0/US-UKRAINE-STRATEGIC-DEFENSE-FRAMEWORK.PDF> (accessed: 19.07.2023).

17. Выступление Постоянного представителя России при ОБСЕ А. К. Лукашевича на специальном заседании Постоянного совета ОБСЕ об украинской военной провокации в Чёрном море и нарушении международного права, Вена, 26 ноября 2018 года. 27.11.2018. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbs3/content/id/3421681 (дата обращения: 18.03.2019).

18. Illegal Restriction on the Freedom of Navigation Imposed by the Russian Federation in the Black Sea. April 16, 2021. U. S. Mission to the OSCE. Available at: <https://osce.usmission.gov/illegal-restriction-on-the-freedom-of-navigation-imposed-by-the-russian-federation-in-the-black-sea/> (accessed: 04.04.2023).

19. Joint Statement on the U.S.-Romanian Bilateral Defense Relationship. U.S. Department of Defense. September 25, 2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3169675/joint-statement-on-the-us-romanian-bilateral-defense-relationship/> (accessed: 12.01.2023).

20. U.S. Relations with Turkey. U. S. Department of State. January 9, 2023. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-turkey/> (accessed: 12. 01.2023).

21. Georgia-United States Charter on Strategic Partnership. U. S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/united-states-georgia-charter-on-strategic-partnership/> (accessed: 01.02.2023).

22. U.S.-Ukraine Charter on Strategic Partnership. November 10, 2021. U. S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/u-s-ukraine-charter-on-strategic-partnership/> (accessed: 15.01.2023).

23. Declaration of Independence: A Transcription. The U.S. National Archives and Records Administration. Available at: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (accessed: 20. 09.2021).

24. The United States and NATO. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/declassified_162350.htm (accessed: 10.11.2022).

25. NATO in Transatlantic Security Policy. Keynote Address by NATO Deputy Secret General Ambassador Alexander Vershbow at the 3rd Annual Helsinki Summer Session Finnish Institute of International Affairs, Helsinki. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_134541.htm?selectedLocale=en (accessed: 10. 11.2022).

26. NATO 2022 Strategic Concept. North Atlantic Treaty Organization Available at: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (accessed: 20.10.2022).

27. Press Point with NATO Secretary General Jens Stoltenberg. 30 September 2022. North Atlantic Treaty Organization. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_207788.htm (accessed: 05.03.2023).

28. The North Atlantic Treaty Washington D. C. - 4 April 1949. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=en (accessed: 10.11.2022).

29. Congressional Research Service. R41368. Turkey (Türkiye): Background and U.S. Relations in Brief. Updated January 9, 2023. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R41368> (accessed: 17.07.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гегелашвили Н.А. Приоритетность стран постсоветского пространства в политике администрации Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 12. С. 18-30. DOI: 10.31857/S268667300017538-1

Иванова Е.А. Специфика стратегии Запада в геополитических рамках Причерноморского региона. *Причерноморье. История, политика, культура*. Выпуск XVIII (VIII). Серия Б-В. 2016. С. 78-80.

Ирхин А.А., Москаленко О.А. Великие державы и Черноморский регион после окончания холодной войны: региональные проблемы конкуренции и безопасности. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева, М.М. Агазаде. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 389-413. ISBN: 978-5-7567-1264-3

Пономарёв В.А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. 7(1). С. 18-28. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28

REFERENCES

Åtland, K. Redrawing borders, reshaping orders: Russia's quest for dominance in the Black Sea region. *European Security*. 2021. 30:2. P. 305-324. DOI: 10.1080/09662839.2021.1872546

Ivanova, E.A. The specifics of the strategy of the West within the geopolitical framework of the Black Sea Region. *The Black Sea region. History, politics, culture*. Vol. XVIII (VIII). S. B-V. 2016. P. 78-80. (In Russ.).

Irchin, A.A., Moskalenko, O.A. Great powers and the Black Sea region after the end of the Cold War: regional aspects of the competition and security. *The Wider Mediterranean region as the forming subsystem of the international relations: Monograph /Ed. by D.A. Degtarev, M.M. Agazade*. Moscow: Aspekt Press, 2023. P. 389-413. (In Russ.). ISBN: 978-5-7567-1264-3

Gegelashvili, N.A. U.S. Foreign Policy Priorities for Post-Soviet Countries during the Biden Administration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021. № 12. С. 18-30. DOI: 10.31857/S268667300017538-1

Kandilarov, E. Bulgaria external relations briefing: The Dynamics of the Relations Between Bulgaria and USA. China-CEE Institute. Weekly Briefing. February 2021. Vol. 37. No. 4. ISSN: 2560-1601.

Kay, S. What Is a Strategic Partnership? Problems of PostCommunism. 2000. 47(3). P. 15-24. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655882

Ponomarev, V.A. The U.S. Policy of Democracy Promotion in the Post-Soviet Space. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):18-28 (In Russ.). DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЙВАЗЯН Диана Степановна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарной аналитической информации, Институт Европы РАН.

125009 РФ, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

Diana S. AYVAZYAN, Candidate of Sciences (Politics), Senior Research Associate, Centre of Multidisciplinary Analysis, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russian Federation, 125009

Статья поступила в редакцию 11.08.2023 / Received 11.08.2023

Поступила после рецензирования 25.08.2023 / Revised 25.08.2023

Статья принята к публикации 27.08.2023 / Accepted 27.08.2023.

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S2686673024010058

Американско-германские отношения: конкретизация будущего

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН (ИЕ РАН)

125009 Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д.11, стр.3В

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Резюме: Проанализированы взгляды политических элит ФРГ на отношения с Соединёнными Штатами. Обоснован объективный характер изменений американско-германских партнёрских отношений в контексте трансформационных процессов в мире и формирования альтернативных вариантов партнёрств. Сделаны семь исследовательских гипотез, в том числе гипотеза об усилении зависимости ФРГ от США. Источниковая база статьи – протоколы бундестага и «Национальная стратегия безопасности» Германии. Хронологические рамки – 26 октября 2021 г. по 6 июля 2023 г. Положения статьи носят дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ФРГ, НАТО, трансатлантическое сотрудничество, солидарство, стратегия Запада

Для цитирования: Синдеев А.А. Американско-германские отношения: конкретизация будущего. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(1):67-78.

DOI: 10.31857/S2686673024010058

U.S.-German Relations: Concretization of the Future

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3B, Mokhovaya street, 125009 Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract: The article analyzes the views of the political elites of Germany on relations with the United States under Joe Biden. The author substantiated the objective nature of changes in U.S. - German partnerships in the context of transformational processes in the world and the formation of alternative partnerships. Seven hypotheses are formulated in the article. One notable hypothesis is that of Germany's increasing dependence on the United States. The research is grounded on documentary sources, including the protocols of the Bundestag and Germany's National Security Strategy.

Keywords: USA, Germany, NATO, transatlantic cooperation, co-leadership, strategy of the West

For citation: Sindeev, A.A. U.S.-German Relations: Concretization of the Future. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(1):67-78. DOI: 10.31857/S2686673024010058

ВВЕДЕНИЕ

В периоды трансформаций новые идеи появляются провокационно часто. Их отслеживание, систематизация, анализ и оценка чрезвычайно трудные, важные и актуальные задачи современной политологии. Благодаря трансформациям будущее на некоторое время вошло в состав важных научных категорий, а ранее устоявшиеся понятия и дефиниции потеряли былую семантическую устойчивость. В содержательном плане партнёрства и союзы перестали отличаться друг от друга, что заставляет выделять различные по степени сплочения партнёрства.

Ситуация ещё более усложнится, если принять во внимание справедливое замечание В.Н. Гарбузова: «[М]ир невозможно сформировать с чистого листа. В нём всегда остаются рудименты недавнего прошлого, материальные и духовные остатки деятельности прежних поколений, которые целиком не уходят вместе с ними, а передаются новой эпохе» [Гарбузов, 2022].

Изменения и усложнения означают иное осмысление и иные масштабы систематизации. Они не ведут к отказу от сложившейся и отточенной годами политологической методологии.

ПОЛИТОЛОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Большинство российских политологов трактует эволюцию американского лидерства как кризис, как потерю технологической «опоры» [Волошина, 2022] и рассматривает её в контексте соперничества с Китаем, в ходе которого идёт «становление полицентричной силовой конфигурации» [Полулях, 2023]. Считается, что США проводят политику сдерживания конкурентов (в виде «оппонирувания» им) и партнёров (через их «вовлечение»). В этой политике центральную роль играет не Европа, а Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), где «курс Дж. Байдена <...> нацелен на искусственную фрагментацию формирующегося естественным образом пространства», «построение архитектуры в виде сети партнёрств, замкнутых на США и охватывающих ряд ключевых сфер современного развития» [Болдырев, 2023] и окружение Китая [Рогов, 2022].

Неочевидность исхода «естественного формирования пространств», незаинтересованность большинства стран ИТР в открытом конфликте с КНР и их желание «сдерживать растущие военные амбиции Китая» побуждают американцев действовать осторожнее: к примеру, принимать во внимание, что «Япония в ближайшей перспективе <...> не внесёт кардинальных изменений в свою оборонно-военную политику», а продолжит «совершенствовать собственный оборонный потенциал сдерживания» [Панов, 2023]. США приходится соглашаться с тем, что Индия будет «рутинно» совмещать разные «форматы» [Уянаев, 2022]. В свою очередь страны Юго-Восточной Азии ожидают от Вашингтона взаимовы-

годных предложений и сбалансированной политики, не позволяющей Китаю обосновывать «наращивание военной мощи» [Степанов, 2022].

Традиционные партнёры также переосмысливают свои роли. «Канада провозгласила активизацию <...> внешней политики на принципах многостороннего сотрудничества» [Солянова, 2022]. Германия стремится освоиться в роли «охранителя мультилатерализма», «в ценностном отношении» позиционировать «себя важным игроком, соизмеримым с Соединёнными Штатами», подводит «военно-ресурсную основу под реализацию собственных лидерских амбиций в НАТО» и пытается «объективно» обеспечить «глобальное лидерство в политической и военной областях» в ИТР. Американско-германские отношения якобы перешли в стадию «взаимодополнения в сочетании с конкуренцией». При этом американцы продолжают выполнять «функции регулятора действий ФРГ [Трунов, 2023].

Складывается противоречивая система многоуровневых партнёрств, присутствует угроза ревизионизма. Соединённые Штаты объективно окажутся не в состоянии сохранять прежние гарантии безопасности. В связи с этим особое внимание политологов должен привлекать дискурс политических элит, ответственных за концептуализацию трансформаций, их обоснование и промежуточные результаты. Многие коллеги подчёркивают, что сложность трансформаций предполагает открытость перспектив.

В статье автор, после предварительной проработки 116 источников (цитированы – 22 документа), рассматривает основные подходы немецкой политической элиты к выстраиванию отношений с США при президенте Дж. Байдене (так называемую конкретизацию будущего [Синдеев, 2021]) и определяет, с учётом принципиальной важности Германии для США, возможное влияние этих подходов на отношения обеих стран.

НОВЫЕ РАМКИ (НЕ)ЗАВИСИМОСТИ

Природа современного общественного сознания препятствует совершению ряда политических действий. Радикальные перемены и трансформации в высокоразвитых обществах допускаются в виде исключений и требуют длительной подготовки. Западные политики часто используют многоаспектные интерпретации, стараясь расширить собственные возможности с помощью плюралистического нюансирования и неожиданного, подчас алогичного, соединения фактов, событий и явлений. В этом контексте шесть направлений понимания роли США в Германии не должны удивлять. За ними скрываются потенциальные «политические маршруты». Изменится интерпретация – изменится и «маршрут».

Немецкие политики считают США «важнейшим глобальным партнёром» [1: 8867], или «трансатлантическим партнёром», «который принёс мир в Германию» [2: 7049], способствовал «интеграции в европейские структуры» и «в струк-

туры НАТО» [3: 11408]. Американцы, будучи «частью ДНК» немцев и носителями общего с ними ценностного кода, исполняют «уникальную историческую роль». Незаменяемость Америки чаще обосновывается через безопасность. В варианте канцлера О. Шольца речь идёт о «германо-американской дружбе и НАТО» как об «обязательном фундаменте безопасности» [4: 348]. Н. Рёттген, депутат бундестага во фракции партий Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза, ХДС/ХСС (*Christlich-Demokratische Union/Christlich-Soziale Union, CDU/CSU*), предпочёл менее дипломатичную формулировку: «Мы не в состоянии представлять наши интересы, а во внешней политике делать то, что считаем верным» [5: 3548]. Аргументация А. Радвана, депутата бундестага во фракции ХДС/ХСС, более лаконична: «Без Америки Европа была бы перегружена» [5: 3644].

США остаются сложным партнёром для немцев. Они «создали особое право», «систему позора», «систему поражения демократии» в Гуантанамо. Р. Фарле, внефракционный депутат бундестага, призвал США осознать, что «право на международной арене» должно «действовать для всех» [6: 10406]. Сложность партнёрства характеризуют «многочисленные нарушения» правил ВТО [Меньшикова, 2022]. США часто *не доводят начатое до конца*. «Соединённые Штаты Америки не рассматривают больше регион Ближнего и Среднего Востока и особенно Ирак, – отметил Рёттген, – в качестве собственного внешнеполитического приоритета» [7: 1008]. Афганские события лета 2021 г. подтвердили вариативную гибкость приоритетов.

Американцы стали конкурентами. Министр иностранных дел ФРГ А. Бербок призналась: «Европейцы и американцы – конкуренты; мы все конкуренты в экономике» [8: 11495]. Г. Вейель, депутат бундестага во фракции партии «Альтернатива для Германии», АДГ (*Alternative für Deutschland, AfD*) допустил развязывание «экономической войны» между США и ЕС [5: 3503]. Немецких политиков беспокоит *потеря Америкой влияния в мире*. «Глобальное доминирование американцев продолжает уменьшаться, – полагает Г. Гнаука, депутат бундестага во фракции партии АДГ. – В Индо-Тихоокеанском регионе назревает конфликт с Китаем» [9: 14137].

Уникальная историческая роль, незаменимость в безопасности, сложное партнёрство, тактическая вариативность, конкуренция и потеря влияния вступают в противоречие друг с другом. Если предположить, что приоритетными «маршрутами» являются укрепление национальной безопасности и усиление конкурентных преимуществ, то Германия должна стать более зависимой от стран-участниц Евросоюза, чем от Соединённых Штатов. В этом случае правительствам Германии, независимо от их партийного состава, придётся в рамках приоритетных «маршрутов» решать следующие задачи:

- определять перспективные отрасли, способные обеспечить рост экономики страны;
- принимать программы национальной помощи предприятиям-флагманам и предприятиям среднего и малого бизнеса, согласовывать их с наднациональными европейскими органами;
- обеспечивать максимально безболезненную трансформацию не субсидированных отраслей промышленности, включая изменения на рынке труда и решение социальных вопросов;
- проводить консультации и разрабатывать европейские межгосударственные флагманские проекты с различными государствами-партнёрами;
- осуществлять ревизию национальных потребностей в обороне, переориентировать европейских партнёров на специализацию;
- добиваться широкого общественного консенсуса по поводу правительственной повестки дня.

Складывается беспрецедентная ситуация, когда Германия при желании может не привлекать Соединённые Штаты к работе над многими перспективными задачами. Исключение составляют вопросы безопасности. Если данная тенденция усилится, то американцам, по всей видимости, придётся задуматься об обновлении условий предоставления гарантий защиты европейским партнёрам по НАТО, а затем – либо открыто, в виде давления, шантажа и периодических информационно-взбросов в СМИ, либо закулисно, системно и более спокойно, – придать обновлению форму общего документа НАТО. Немцы предпочитают делать вид, что угрозы обновления не существует, и инерционно работают над собственной, становящейся всё более независимой от США, повесткой дня и выполнением текущих обязательств в НАТО.

США не могут не понимать, что, несмотря на украинский кризис, в прежнем виде они оказываются в Европе ненужными. Американцы вряд ли продолжат (со)финансировать безопасность немцев в случае их перехода к большей самостоятельности. Современные отношения, и это доказывает отсутствие среди актуальных интерпретаций доминирующей и однозначно трансатлантической, являются временными. Даже в роли уникального партнёра расстояние между «важнейшим глобальным» и «трансатлантическим партнёром» слишком велико. Страны подошли к своеобразному водоразделу. Следующий президент США, наверняка, будет вынужден заниматься не только новым трансатлантическим партнёрством, но и новыми рамками зависимости и независимости немцев, в подконтрольном лидерстве которых в ЕС американцы оказываются крайне заинтересованы.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНЕРЦИОННОГО ЕДИНСТВА ПО УКРАИНЕ

Украинский кризис создал иллюзию крепкого единства, усложнил и отложил обсуждение обновления гарантий европейцам в НАТО. Соединённые Штаты

внимательно наблюдают за тем, что говорят немецкие политики, какие средства давления, например, по поставкам вооружений Украине, являются эффективными. Интерес представляет и то, с помощью кого и в какие сроки удастся получить необходимое.

Украинский кризис сделал более интенсивным обмен мнениями между правительственными структурами обеих стран. Содержательная сторона обмена позволяет американцам косвенно прорабатывать перспективу подконтрольного лидерства ФРГ в ЕС. Особую роль играют заверения немецких политиков в том, что «все опции лежат на столе» и что «Запад не должен расколоть себя».

Относительно опциональной открытости М. - Г. Линк, депутат бундестага во фракции Свободной демократической партии, СвДП (*Freie Demokratische Partei, FDP*), 9 декабря 2021 г. проговорился: «Нам нужно показать силу <...>, создать заслуживающий доверия и устрашающий сценарий» [10: 270, 278]. Следовательно, немцы не были готовы активизировать сразу «все опции». Призыв А. Добриндта, депутата бундестага во фракции ХДС/ХСС, не допустить «особого пути Германии как страны, держащей ногу на тормозе», был ограничен условием «действовать в унисон с нашими европейским и американскими партнёрами» [11: 1367].

Упомянутые Шольцом 12 января 2022 г. цели Германии в разрешении кризиса (активизация усилий ЕС и НАТО; использование диалоговых форматов для «необходимого прогресса в безопасности в Европе» [12: 478]) полностью не устарели и напрямую не связаны с целями Украины.

Оппозиционные партии, видя целевое несоответствие, активно критикуют правительство. Так бывший глава фракции партии «Левая» (*Die Linke*) в бундестаге Д. Барч не смог понять, «что же является стратегической целью Германии и что же является стратегической целью Украины» [13: 2728]. П. Бистрон, депутат бундестага во фракции партии АДГ, заявил, что экономически и «геополитически выигрывают США». Американцы «расширили зону влияния до границ России»; «они получают пользу от санкций, они получают пользу от поставок оружия» [14: 9415]. М. Моосдорф, также депутат бундестага во фракции партии АДГ, вспомнил слова З. Бжезинского: «Новый мировой порядок под американской гегемонией будет создан против России, оплачен Россией и на обломках России. Украина для нас – это форпост Запада против реставрации Советского Союза» [15: 4345].

Благодаря инерционному единству американцы могут влиять на политическую элиту ФРГ, втягивать страну в устраивающую их модель антикризисного менеджмента и планомерно готовиться к использованию немцев в будущем. По всей видимости, немцы будут поставлены перед выбором: либо участвовать в сплочении НАТО в устраивающем Соединённые Штаты варианте, либо рисковать трансатлантическим единством и брать на себя вину за ответные шаги США. Теперешнее инерционное единство по Украине превратилось для ФРГ в серьёзную ловушку.

СЕРВИРОВКА *à la carte* «ПО-НЕМЕЦКИ»

Помимо Украины американцы знакомятся с другими вариативными идеями политических элит ФРГ. В сфере безопасности немцы захотели обрести «свою часть самосознания» и нести «часть ответственности». Пока трудно понять, что входит в обе части. Р. Кизеветтер, депутат бундестага во фракции ХДС/ХСС, известный конкретными формулировками, предпочёл выражаться туманно: Ответственность «означает очень чёткое фокусирование на умную силу».

Немцы намереваются учитывать интересы стран-соседей. «К стратегической ориентации нашей страны, – заверял Кизеветтер, – относится то, что мы <...> должны объединить угрозы безопасности восточноевропейских стран, вопросы климата и миграционное давление на южноевропейские страны» [16: 1969]. М. Рот, депутат бундестага во фракции Социал-демократической партии Германии, СДПГ (*Sozialdemokratische Parite Deutschland, SPD*) согласился с Кизеветтером: «Мы не имеет больше права игнорировать интересы в безопасности, интересы в мире и интересы в свободе наших центральноевропейских, восточноевропейских и североевропейских партнёров. Мы должны поставить их в центр наших собственных интересов» [17: 5106].

Уточнения порождают новые противоречия. Если бывший министр обороны ФРГ К. Ламбрехт считала, что «НАТО смотрит на мир по ту сторону Европы и Северной Америки», то Рот заявлял противоположное: «Будущее НАТО свидетельствует о том, что происходит усиление европейского фланга» [17: 5101]. Р. Лукасен, депутат бундестага во фракции партии АДГ, противопоставил европейское и американское: «Путь к европейскому НАТО, – констатировал он, – это одновременно путь к большей независимости от США <...> Цель должна состоять в том, чтобы сделать бундесвер самой боеспособной армией Европы и взять на себя ответственность. Стратегическую автономию не дарят, ей можно только овладеть» [17: 5107].

По мнению немцев, американцы смиряются с разнонаправленной интерпретацией трансатлантических отношений в других сферах и неприятием протекционизма. С. Роуенхоф, депутат бундестага во фракции партий ХДС/ХСС, утверждал, что «углублённые партнёрства со странами Северной, Центральной и Южной Америки – это основной инструмент диверсификации торговых отношений», которые ведут к «усилению экономических и торговых связей в атлантическом пространстве» [18: 1764].

Теперешний посол ФРГ в России А. Ламбсдорф в бытность депутатом бундестага во фракции партии СвДП замечал: «Мы не должны сдать на милость протекционизма» [19: 5364]. Глава фракции СвДП в бундестаге К. Дюрр уточнил: «Цель и ответ на конкуренцию систем, которую мы сейчас переживаем в мире, звучат следующим образом: "Нам нужно больше свободной торговли с демократиями мира"» [20: 8498]. Схожий аргумент использовал канцлер Шольц:

«Вместо крупных споров мы должны ещё сильнее сотрудничать друг с другом и укреплять совместную и справедливую торговлю с США» [1: 8867].

Сервировка идей *à la carte* не решает конкретных проблем и не приближает выработку общей стратегии. США могут спокойно ждать, когда проявится вся палитра мнений, чтобы затем предметно сосредоточиться на развитии, поддержке и корректировке наиболее перспективных для них идей и обязательств. По всей видимости, П. Липс, депутат во фракции партии ХДС/ХСС, осознала опасность вариативности и открытых дискуссий. «Совершенно независимо от поведения США мы должны прийти к стратегии самостоятельно» [21: 9906], – сказала она 27 января 2023 г. Имеется в виду трансатлантическая стратегия.

Некоторые факты действительности уже созданы: немецкие политики предложили США нести ответственность за единство в Европе и фактически согласились, несмотря на стремление к «позитивной модели свободного международного порядка на основе международного права», на раскол в мире. В условиях усиливающейся зависимости ФРГ от американского ВПК и поставок сжиженного газа из США диверсификация торговых отношений и неприятие протекционизма не представляют угрозы Соединённым Штатам. Американцы заинтересованы в продолжении вариативных многоаспектных дискуссий. На пути конкретизации «маршрутов» многоаспектность и плюрализм подпитывают зависимости.

Официальный промежуточный результат США также устраивает. В принятой впервые в 2023 г. в Федеративной Республике «Национальной стратегии безопасности» предусмотрено «укрепление трансатлантического альянса и тесного, доверительного партнёрства с Соединёнными Штатами Америки», выстроенного на «убедительной способности к сдерживанию и обороне» НАТО, которая предусматривает «усиление европейской опоры трансатлантического оборонительного сообщества». Именно альянс, зафиксировано в «Национальной стратегии», объединяет «политически Европу с Северной Америкой» [22: 21, 31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно вывести следующие гипотезы.

1. Предметные дискуссии о роли США, национальных задачах, «потенциальных маршрутах», проводимые в период трансформации и в форме многоаспектности, помогают выявить потенциальные сложности, опасности и их взаимосвязи. Постоянная систематизация информации позволяет аналитическим службам США корректировать средства контроля над элитой Германии.

2. Украинский кризис предоставил Соединённым Штатам возможность занять официальную позицию стороннего наблюдателя за происходящим в ФРГ и одновременно с этим требовать выполнения более «важной задачи» – оказания помощи Украине.

3. Затягивание военной стадии украинского кризиса уменьшает шансы Германии планомерно, согласованно и без потрясений воспользоваться выгодами

начального этапа промышленной трансформации, успешно реализовать национальную повестку дня, модернизировать государственные структуры и модель государства. Задействование привычных (устаревших) управленческих средств и механизмов рискованно, поскольку оно может углубить раскол между политическими элитами и обществом, привести к кризису демократии.

4. Декларируемая политической элитой ФРГ зависимость от ЕС и от США означает двойную зависимость и перенапряжение страны.

5. Политической элите Германии придётся выбирать между сокращением обязательств, что на фоне «ответственности» и потенциальных сфер, которые должно затронуть подобное сокращение, чревато потерей доверия либо у партнёров, либо у граждан, и между длительной конфликтной стадией одновременной реализации слабо согласованных друг с другом и финансово затратных проектов, что таит угрозу кризиса государства. Принцип «держаться за проверенное» в период трансформаций работает лишь частично.

6. Если Германия окончательно перейдет на узкую и исключительно трансатлантическую интерпретацию безопасности, включая приоритетное выстраивание европейской опоры НАТО, то Соединённые Штаты будут в большей, чем в период холодной войны, мере определять будущее страны. Любопытно, что текущие изменения происходят незаметно и без привлечения граждан.

7. Кроме того, если Германия окончательно перейдет на трансатлантическую интерпретацию безопасности, то альтернативные сценарии для ФРГ исчезнут, а французы, наверняка, всерьёз задумаются о необходимости развивать привилегированное сотрудничество в тандеме [Рубинский, 2023].

8. Будущий успех США зависит от поддержания состояний инерции и неопределённости с элементами управляемого хаоса. Обновление условий предоставления гарантий безопасности партнёрам по НАТО американцы смогут начать в удобное для них время. Оно не потребует договорных изменений. Достаточно будет частично изменить натовскую трактовку солидарности. Ряд интерпретаций роли США немецкой элитой может помочь американцам без труда обосновать требуемые изменения.

ИСТОЧНИКИ

1. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 75 (14. Dezember 2022). Berlin, 2022, 130 p. (pp. 8863-8984).

2. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 63 (20. Oktober 2022). Berlin, 2022, 208 p. (pp. 7037-7260).

3. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 95 (31. März 2023). Berlin, 2023, 108 p. (pp. 11369-11472).

4. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 8 (15. Dezember 2021). Berlin, 2021, 52 p. (pp. 333-381).

5. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 37 (19. Mai 2022). Berlin, 2022, 220 p. (pp. 3487-3726).

6. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 87 (1. März 2023). Berlin, 2023, 100 p. (pp. 10341-10432).
7. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 15 (28. Januar 2022). Berlin, 2022, 68 p. (pp. 975-1038).
8. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 96 (19. April 2023). Berlin, 2023, 116 p. (pp. 11473-11579).
9. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 115 (6. Juli 2023). Berlin, 2023, 178 p. (pp. 14077-14309).
10. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 6 (9. Dezember 2021). Berlin, 2021, 64 p. (pp. 227-285).
11. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 19 (27. Februar 2022). Berlin, 2022, 44 p. (pp. 1349-1388).
12. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 10 (12. Januar 2022). Berlin, 2022, 92 p. (pp. 473-559).
13. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 31 (28. April 2022). Berlin, 2022, 166 p. (pp. 2719-2878).
14. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 79 (19. Januar 2023). Berlin, 2023, 156 p. (pp. 9395-9543).
15. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 43 (22. Juni 2022). Berlin, 2022, 104 p. (pp. 4299-4394).
16. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 24 (23. März 2022). Berlin, 2022, 108 p. (pp. 1921-2026).
17. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 48 (8. Juli 2022). Berlin, 2022, 110 p. (pp. 5097-5201).
18. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 22 (18. März 2022). Berlin, 2022, 126 p. (pp. 1711-1829).
19. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 50 (7. September 2022). Berlin, 2022, 112 p. (pp. 5309-5417).
20. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 73 (1. Dezember 2022). Berlin, 2022, 254 p. (pp. 8453-8740).
21. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht, No. 83 (27. Januar 2023). Berlin, 2023, 60 p. (pp. 9887-9944).
22. Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie, Berlin, 2023, 72 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев В.Е. 2023. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3. С. 47-62. DOI: 10.31857/S2686673023030045

Волошина А.В. 2022. Американо-китайские отношения и борьба за мировое технологическое лидерство. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 36-50. DOI: 10.31857/S268667302208003X

Гарбузов В.Н. 2022. Зигзаги постимперского синдрома. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 7. С. 37-57. DOI: 10.31857/S2686673022070045

Меньшикова А.М. 2022. Позиция администрации Дж. Байдена в отношении Всемирной торговой организации. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 7. С. 5-15. DOI: 10.31857/S268667302207001X

Панов А.Н. 2023. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия (окончание). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 1. С. 5-20. DOI: 10.31857/S2686673023010017

Полулях Д.С. 2023. Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3. С. 63-84. DOI: 10.31857/S2686673023030057

Рогов С.М. 2022. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 6-24. DOI: 10.31857/S2686673022080016

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. 2023. *Эволюция франко-германского тандема*. М.: Ин-т Европы РАН, 92 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52023_402

Синдеев А.А. 2021. Ревизия завершается? (о будущем американско-германских отношений). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 11. С. 93-105. DOI: 10.31857/S268667300017223-5

Солянова М.В. 2022. Фактор США в современной внешней политике Канады. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 10. С. 40-55. DOI: 10.31857/S2686673022100030

Степанов А.С. 2022. Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 90-101. DOI: 10.31857/S2686673022080077

Трунов Ф.О. 2023. Отношения ФРГ и США в 2022 г. в политической и военной сферах: кооперация или конкуренция? *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 2. С. 65-82. DOI: 10.31857/S2686673023020050

Уянаев С.В. 2022. Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8. С. 63-74. DOI: 10.31857/S2686673022080053

REFERENCES

Boldyrev, V.E. 2023. The Indo-Pacific in US Foreign Policy Planning. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 3. P. 47-62. DOI: 10.31857/S2686673023030045

Garbuzov, V.N. 2022. Zigzags of the Post-imperial Syndrome. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 7. P. 37-57. DOI: 10.31857/S2686673022070045

Menshikova, A.M. 2022. Position of Joe Biden's Administration towards the World Trade Organization. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 7. P. 5-15. DOI: 10.31857/S268667302207001X

Panov, A.N. 2023. The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 1. P. 5-20. DOI: 10.31857/S2686673023010017

Polulyakh, D.S. 2023. Multilateralism and Minilateralism as Global Governance Mechanisms. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 3. P. 63-84. DOI: 10.31857/S2686673023030057

Rogov, S.M. 2022. Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8. P. 6-24. DOI: 10.31857/S2686673022080016

Rubinsky, Yu.I., Sindeev A.A. 2023. *Evolution of the Franco-German tandem*. Moscow: Institute of Europe (Reports of the Institute of Europe). 92 p. DOI: 10.15211/report52023_402

Sindeev, A.A. 2021. Is the revision being completed? (about the future of US-German relations). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 11. P. 93-105. DOI: 10.31857/S268667300017223-5

Solyanova, M.V. 2022. The U.S. Factor in Modern Canada's Foreign Policy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 10. P. 40-55. DOI: 10.31857/S2686673022100030

Stepanov, A.S. 2022. The U.S. Policy towards Southeast Asia: from Barack Obama to Joe Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8. P. 90-101. DOI: 10.31857/S2686673022080077

Trunov, P.O. 2023. The U.S. – German Relations in Political and Military Spheres in 2022: Cooperation or Competition? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 2. P. 65-82. DOI: 10.31857/S2686673023020050

Uyanaev, S.V. 2022. India-U.S. Relations: Current State and External Consequences. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8. P. 63-74. DOI: 10.31857/S2686673022080053

Voloshina, A.V. 2022. The US-China Relations and the Struggle for Global Technological Supremacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 8. P. 36-50. DOI: 10.31857/S268667302208003X

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, Alexei A. SINDEEV, Doc. Sci. (History), доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 125009, 11-3В Mokhovaya street, Moscow, Москва, ул. Моховая, д.11, стр.3В Russia, 125009

Статья поступила в редакцию 28.08.2023 / Received 28.08.2023

Поступила после рецензирования 15.09.2023 / Revised 15.09.2023

Статья принята к публикации 17.09.2023 / Accepted 17.09.2023.

УДК: 329

DOI: 10.31857/S2686673024010067

Эволюция подходов Республиканской и Демократической партий США к климатической повестке (конец 1990-х – 2023 годы)

Е.Э. Прокопчук

Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ,

Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 29,

ResearcherID: AFM-8763-2022 Scopus AuthorID: 57217036379

РИНЦ ID: 1141054

ORCID: 0000-0002-919 9-3567 email: e.e.prokopchuk@gmail.com

Резюме: Статья посвящена изучению различных подходов республиканцев и демократов к проблеме изменения климата. Партийные позиции по этому вопросу оказывают большое влияние на разработку политики в области экономики и энергетики. Участие США в международных усилиях, направленное на противодействие глобальному потеплению, также определяется соотношением сил между Демократической и Республиканской партиями в президентской администрации и Конгрессе. Климатическая повестка – это камень преткновения в отношениях между ЕС и США, а потому представляет сегодня особый интерес. Результаты исследования говорят о том, что межпартийный раскол в том, что касается климата, усиливается. Такое положение свидетельствует о глубоких разногласиях в американском обществе перед президентскими выборами в 2024 году.

Ключевые слова: США, ЕС, климатическая повестка, Республиканская партия, Демократическая партия, энергетический переход, сланцевая революция, закон «О снижении инфляции»

Для цитирования: Прокопчук Е.Э. Эволюция подходов Республиканской и Демократической партий США к климатической повестке (конец 1990-х – 2023 годы). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 54 (1): 79–96.

DOI: 10.31857/S2686673024010067

The Evolution of U.S. Republican and Democratic Party Approaches to Climate Agenda: Late 1990s to 2023

Eugenia E. Prokopchuk

Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University,

17 Malaya Ordynka Str., Moscow, Russia

ResearcherID: AFM-8763-2022 Scopus AuthorID: 57217036379

RSCI ID: 1141054

ORCID: 0000-0002-919 9-3567 email: e.e.prokopchuk@gmail.com

Abstract: The article focuses on analyzing the reasons behind the differing approaches of the Republican and Democratic parties to the issue of climate change. Party positions on this matter significantly influence the development of economic and energy policies in the U.S. Furthermore, the U.S.'s involvement in international efforts to combat global warming is also shaped by the power dynamics between these parties in the presidential administration and Congress. These stances directly impact other vital aspects of U.S. economy and politics, particularly in areas such as energy and Washington's role in international endeavors to achieve net-zero emissions. The climate agenda has become a significant point of contention in EU-US relations, a topic that holds particular relevance today. The findings of the study indicate an increasing partisan divide on the climate agenda, signifying deepening divisions in American society as the 2024 presidential election approaches.

Keywords: U.S., E.U., climate agenda, Republican Party, Democratic Party, energy transition, shale revolution, Inflation Reduction Act

For citation: Eugenia E. Prokopchuk. The Evolution of the U.S. Republican and Democratic Parties' Approaches to the Climate Agenda Since the Late 1990s to 2023. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 54 (1): 79-96. DOI: 10.31857/S2686673024010067

ВВЕДЕНИЕ

В Соединённых Штатах немногие темы так поляризованы по партийному признаку, как борьба с изменением климата и связанная с этим политика в области декарбонизации экономики и энергетики. Так, закон «О снижении инфляции» (*Inflation Reduction Act, 2022*), предусматривающий обширную поддержку для «зелёного» сектора, не получил ни одного голоса конгрессмена-республиканца. Почему это важно? Рассмотрение противоречий между США и ЕС в свете украинского кризиса и предстоящих президентских выборов в Америке в 2024 г. представляет особый интерес, а климатическая повестка – довольно чувствительный вопрос в трансатлантических отношениях. Украинский кризис выявил зависимость ЕС от российских углеводородов. Для её ликвидации США увеличили экспорт СПГ в Европу. Хотя проблема энергетической безопасности стоит во главе угла, инвестиции в газовую инфраструктуру идут вразрез с желанием ЕС следовать по пути развития чистой энергетики. Это заставляет европейцев задумываться над тем, насколько глубоко им стоит развивать энергетическое партнёрство с США. При этом подход Вашингтона к «зелёной» повестке зависит от того, какая администрация находится в Белом доме. Традиционно демократы поддерживают меры по декарбонизации экономики и видят США в роли «зелёного» лидера на международной арене. Республиканцы, как правило, более холодно относятся к усилиям по достижению «углеродного нуля», отдавая предпочтение нефтегазовому сектору. Неудивительно, что у европейцев растут опасения, что в 2025 г. президентское кресло в США займет республиканец [1]. Кроме того, американский закон «О снижении инфляции» повлияет на развитие мировых энергетических рынков, в частности, европейских.

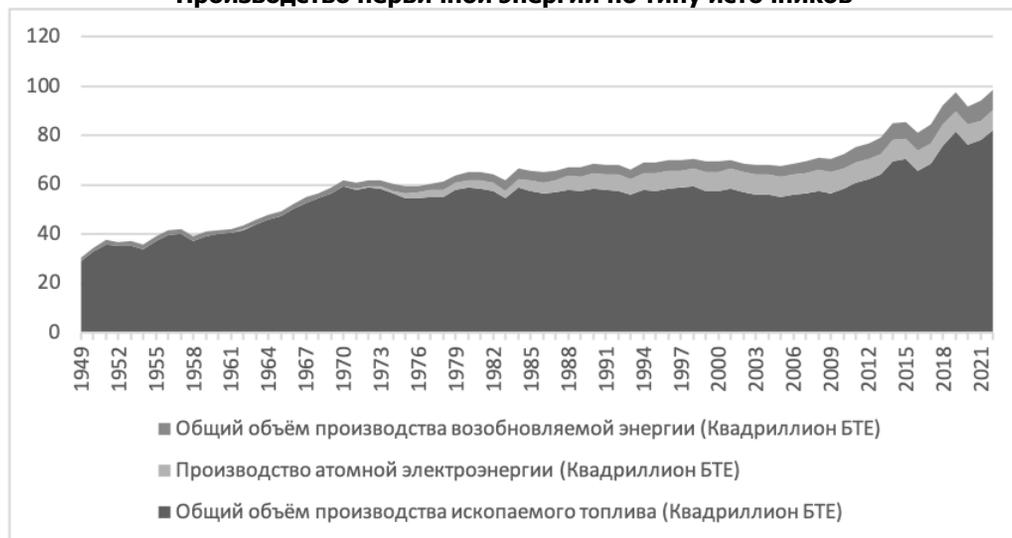
Закон призван изменить соотношение сил на мировом рынке экологически чистой энергии и подорвать позиции Европы как лидера в области углеродно-нейтральных технологий. Документ способен сделать американскую «зелёную» энергию самой дешёвой в мире, а это особенно сильно угрожает европейскому «чистому» водороду. Кроме того, турбулентность на энергетических рынках на фоне вооружённых конфликтов угрожает высокой волатильностью цен на природный газ в странах ЕС. Наконец, неясно, как на понимание европейской энергобезопасности повлияет законодательство: заставит ли американская инициатива чиновников в Брюсселе обновить регулирование или ЕС будет всё больше зависеть от американского сжиженного газа.

ЭНЕРГОПЕРЕХОД И ПАРТИЙНЫЙ РАСКОЛ

Сегодня США стоят на пороге нового энергетического перехода. В последний раз такое событие произошло в 2010-х годах в результате «сланцевой революции»: Соединённые Штаты смогли увеличить производство природного газа и нефти настолько, что удовлетворили внутренний спрос на энергию и превратились из чистого импортёра углеводородов в экспортёра [2]. Сланцевые газ и нефть помогли США добиться энергетической независимости. Неконвенциональный газ, заменивший уголь, тогда считался «зелёной» альтернативой. Что касается возобновляемых источников энергии (ВИЭ), то их доля постепенно растёт (*рис.1 и 2*): в частности, использование ВИЭ в электроэнергетике за последние десять лет увеличилось примерно на 10% [3]. Сейчас намечается новая, «зелёная», революция в энергетике, ускорить которую должен закон «О снижении инфляции», предусматривающий серьёзные меры поддержки для развития низкоуглеродного сектора США [4]. Сегодня чистый сектор энергетики развивается в США активнее [Storrow. 2022], чем в объётой кризисом Европе, которая до недавних событий считалась лидером в области декарбонизации. Несмотря на декларируемое желание перевести американскую экономику на безуглеродные рельсы, в стране растёт добыча углеводородов (*рис. 3*): в 2022 г. было добыто 35,81 трлн куб. футов природного газа – самый высокий зарегистрированный годовой объём [5]. Насколько американский энергобаланс является безопасным для климата – вопрос дискуссионный. Одни исследователи утверждают, что природный газ – в большей степени «зелёная» замена углю [6] (в эти расчёты включают и ядерную энергетику, поскольку она не генерирует выбросы парниковых газов в атмосферу). На этой аргументации строится политика замещения российского газа американским в Европе [7]. Согласно другим оценкам, США – крупнейший загрязнитель атмосферы в расчёте на душу населения (Россия – на втором месте) [8].

Рисунок 1

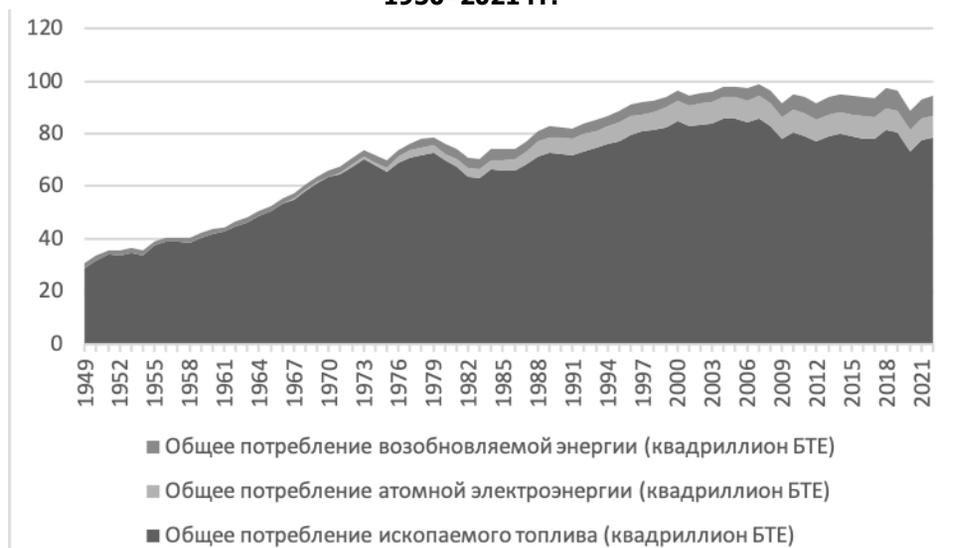
Производство первичной энергии по типу источников

Total Energy // U.S. Energy Information Administration. Available at: <https://www.eia.gov/totalenergy/data/browser/index.php?tbl=T01.02#/?f=M&start=197301&end=202302&charted=1-2-3-4-6-13> (accessed: 13.06.2023).

Рисунок 2

Потребление первичной энергии в США по основным типам источников, 1950–2021 гг.

U.S. energy facts explained // EIA. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/us-energy-facts/> (accessed: 13.06.2023).

Соединённые Штаты сегодня укрепили своё положение в области энергетики. Вашингтон максимально диверсифицирует американский энергобаланс. Увеличивая финансирование «чистых» технологий, администрация Байдена не препятствует развитию индустрии ископаемого топлива. Это позволяет избежать шоковых перепадов цен и волатильности на энергетических рынках, а результаты противоположной политики мы видим на примере Европы.

Рисунок 3

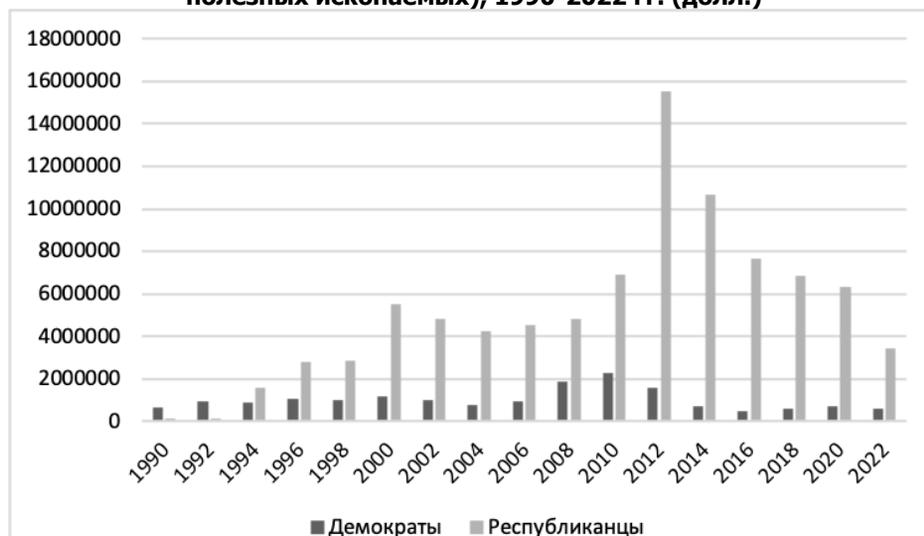
Ellerbeck S. A record share of US electricity comes from zero-carbon sources - but more work is needed // World Economic Forum. 9.103.2023. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2023/03/us-electricity-energy-carbon-renewables/> (accessed: 13.06.2023).

Республиканцы и демократы оказались по разные стороны энергоперехода: традиционно демократическое крыло продвигает «зелёную» энергетику, а республиканское поддерживает добычу ископаемого топлива (рис.4). Говоря об истоках отношения партий к сланцевой революции, позволившей США обрести независимость в сфере энергетики, будет справедливым отметить, что она произошла во время правления демократической администрации. Однако демократы неохотно берут ответственность за «сланцевый бум». Более того, в перспективе демократы планируют запретить технологию фрекинга. Стоит также сказать, что Обама считал переход электростанций с угля на сланцевый газ шагом к декарбонизации экономики [9]. Использование сланцевого газа позволило сократить выбросы CO₂ в атмосферу на 33% [Burnham, Han, Clark, Wang, Dunn,

Palou-Rivera. 2012: 619-627]. Республиканцы с 2008 г. активно поддерживают нефтегазовый сектор. Лозунгом республиканцев Майкла Стила и Сары Пэйлин была фраза «Бури, детка, бури!» («*Drill, baby, drill!*») [10]. Если рассматривать влияние лоббистских групп, то с 1990-х годов расходы нефтегазовых компаний на пожертвования Республиканской партии кратно возросли, достигнув пика в 63,6 млн долл. в 2020 г. (по сравнению с расходами на демократов в 12,3 млн долл.) [11]. В целом производители углеводородов привлекают на свою сторону преимущественно республиканцев. Климатические скептики торжествовали не только во время президентства Трампа: в 2010 г. нефтегазовые игроки инициировали мощную финансовую кампанию, чтобы республиканское крыло в законодательных органах власти отвернулось от климатической политики (рис.5). В то же время производители «чистой» энергии сделали ставку на демократическое лобби. В том же 2020 г. экологические группы и представители альтернативной энергетики отдали 97% партийного вклада Демократической партии [12].

Рисунок 4

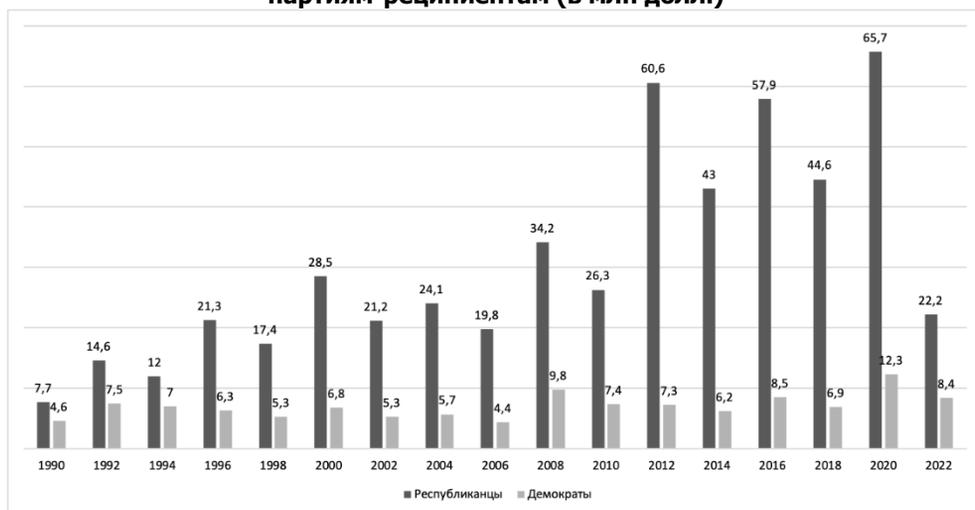
Получатели пожертвований в Конгрессе (от компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых), 1990-2022 гг. (долл.)

Mining // OpenSecrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/industries/indus.php?Ind=E04> (accessed: 14.06.2023).

Рисунок 5

Расходы на лоббирование нефтегазовых компаний в Соединённых Штатах во время избирательных циклов с 1990 по 2022 годы, по политическим партиям-реципиентам (в млн долл.)

Aizarani J. Lobbying spending of oil & gas companies in the United States during election cycles from 1990 to 2022, by receiving political party // Statista. 31.01.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/788056/us-oil-and-gas-lobbying-spend-by-party/> (accessed: 14.06.2023).

Сегодня республиканцы находятся в оппозиции к закону «О снижении инфляции». В Конгрессе документ был принят исключительно демократами, не получив ни одного республиканского голоса. Это свидетельствует о двухпартийном расколе: демократы с республиканцами стоят по разные стороны энергоперехода. Ирония в том, что, благодаря данной инициативе, значительные меры поддержки будут направлены именно в республиканские округа (Техас, Огайо и пр.) из-за благоприятных природных условий для развития ВИЭ.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ АДМИНИСТРАЦИИ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

Политика США в области климата (и, как следствие, в области энергетики) в целом зависит от того, какая администрация находится в Белом доме.

Проблема изменения климата серьёзно начала обсуждаться в 1970-х годах, и, в связи с этим нельзя не упомянуть роль Альберта Гора, бывшего вице-президента в администрации Клинтон, который с тех пор и по сей день популяризирует данную тему. Климатическая повестка была одной из главных составляющих его политики и в Палате представителей (с 1976 г.), и в Сенате (с 1984 г.), и на должности вице-президента при У. Клинтоне (с 1992 г.). После избрания в Палату представителей еще в 1976 г. он провёл одни из первых слушаний на тему борьбы с

изменением климата. Политик продвигал инициативы, направленные на сохранение природных богатств, помощь «зелёному» бизнесу, защиту океанов, совершенствование экологического регулирования и борьбу с глобальным потеплением. В 1992 г. Гор был главой делегации Сената США на Конференции ООН по окружающей среде и развитию («Саммите Земли»). В 1997 г. он участвовал в переговорах и разработке Киотского протокола в 1997 г. Гор написал несколько книг, посвящённых проблеме климатического кризиса. В период его вице-президентства США подписали соглашение с Китаем и Индией в области противодействия глобальному потеплению. Как сенатор, руководил исследованиями в области борьбы с глобальным потеплением. Вступил в ожесточённую борьбу с Палатой представителей, когда Конгресс отказался ратифицировать Киотский протокол в 1998 г. В 2007 г. Гор вместе с Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) получил Нобелевскую премию «за усилия по накоплению и распространению знаний об антропогенном изменении климата и закладке основ для мер, необходимых для противодействия таким изменениям» [13].

Республиканцы поддерживают нефтегазовую отрасль со времён правления Дж. Буша-младшего. В 2001 г. он объявил, что США выходят из Киотского протокола, который был направлен на сокращение парниковых газов. Причины – вероятный рост цен на энергоносители [Moore. 1998] и отказ Китая, Японии и России взять на себя обязательства по сокращению выбросов. В 2002 г. Буш анонсировал план-альтернативу Киотскому протоколу, который не устанавливал обязательных показателей, а фокусировался на добровольных усилиях по декарбонизации промышленности. Во время президентства Дж. Буша-младшего нефтегазовые компании активно вмешивались в научные и политические дискуссии об изменении климата: в частности, компания «ЭксонМобил» (*ExxonMobil*) пыталась заблокировать лекции на данную тему в Конгрессе [14]. Администрацию Буша также обвиняют во вмешательстве в работу правительственных климатологов и цензурировании науки. Тем не менее в 2007 г. Верховный суд вынес решение в пользу Агентства по охране окружающей среды, уполномочив его регулировать выбросы парниковых газов, вопреки желанию администрации Буша, поэтому в последние годы его президентства был разработан ряд инициатив, ограничивающих загрязнение воздуха. Демократы выступают за развитие углеродно-нейтральных источников энергии, хотя сланцевая революция и произошла при демократической администрации Обамы. Обаму называют первым «климатическим» президентом. В начале его правления «зелёные» инициативы заглушались республиканским Сенатом. Тем не менее, Обама предпринял много усилий для развития сектора «чистой» энергетики США: был принят закон «О восстановлении и реинвестировании» (*American Recovery and Reinvestment Act, 2009*), введены налоговые льготы для инвестиций в ветровую и солнечную энергетику и т.д. При этом именно на президентство Обамы

пришелся «сланцевый бум»: в 2011 г. США стали чистым экспортёром нефтепродуктов [15], а в 2017 г. – чистым экспортёром природного газа (до этого Соединённые Штаты были чистым импортёром) [16]. Трамп откровенно лоббировал интересы компаний, добывающих ископаемое топливо. Он известен своим неприятием климатической повестки. Трамп противопоставил меры по противодействию изменению климата и интересы бизнеса, вышел из Парижского соглашения по климату, упразднил климатическое регулирование, принятое администрацией Обамы, снял запреты на добычу нефти, пересмотрел стандарты концентрации ртути и вредных веществ в воздухе и т.д. Кроме того, влияние Трампа сохраняется по сей день: так, он назначил шестерых судей в Верховном суде, которые по сей день торпедируют инициативы Байдена в области изменения климата. Байден активизировал «зелёный» переход, начатый Обамой. Он пришёл в Белый дом в качестве нового «климатического» лидера, который намерен вернуть США первенство в области борьбы с изменением климата и сделать страну примером для мирового сообщества. Байден вернулся в Парижское соглашение, реабилитировал законодательство времён Обамы, отменил указы Трампа, ослабляющие природное и климатическое регулирование, инициировал план “Построить лучше, чем было” (*Build Back Better Plan*) (обширный пакет мер для восстановления американской экономики, её устойчивого развития и достижения климатических целей), и закон «О снижении инфляции», который призван стимулировать развитие «чистой» энергетики, создать новые рабочие места, бороться с инфляцией и пр. [17]. Документ должен помочь американской экономике осуществить энергетический переход путём предоставления колоссальных субсидий и льгот для сектора ВИЭ. При этом закон «О снижении инфляции» подвергается критике со всех сторон. С одной стороны, ожидаемо недовольны нефтегазовые компании: снижение стоимости ВИЭ может негативно сказаться на позициях углеводородов [Webster. 2022]. С другой стороны, протестуют активисты, обвиняя Байдена в «гринвошинге» (*greenwashing* - создание ложного впечатления о соблюдении экологической безопасности) за то, что он отнёс природный газ к «чистым» источникам энергии. А из-за разрешения бурения на Аляске, которое предусматривает закон, активисты сорвали выступление советника администрации Байдена о климатическом лидерстве США в Центре стратегических и международных исследований.

В итоге курс президентских администраций США имеет вид «синусоиды» – периоды скептицизма сменяются стремлением к обретению Америкой лидерства в области борьбы с глобальным потеплением на мировой арене. С этой точки зрения, нельзя назвать отношение США к «зелёной» повестке непоследовательным, прослеживается чёткая закономерность.

РОЛЬ КОНГРЕССА

Отношение к климатической повестке определяется также межпартийной борьбой в Конгрессе. Что касается роли Конгресса, то одной из важных вех была «резолюция Берда – Хейгела», принятая в 1997 г., согласно которой США не должны заключать международные соглашения по климату, которые не предусматривают сопоставимые обязательства развивающихся стран по выбросам парниковых газов в атмосферу, поскольку это может привести к серьёзному ущербу для американской экономики [18]. Чак Хейгел – сенатор от Республиканской партии, а Роберт Берд – демократ, который защищал угольную промышленность Западной Вирджинии, но в последние годы перед смертью в 2010 г. изменил своё мнение, начав защищать климат (что вызвало волну саркастических комментариев [19]). В конце нулевых годов курс начал меняться, климатическое законодательство стало ужесточаться. В 2009 г. Палата представителей в период президентства Обамы приняла закон «Об американской чистой энергии и безопасности», закон «О лидерстве в области чистой энергии» и пр. В 2012 г. сенатор от Демократической партии Дж. Бингаман инициировал закон «О стандартах чистой энергии». После прихода Трампа в 2017 г. интерес к проблеме климата снизился. Предметом интереса для 115-го созыва Конгресса США (2017–2019 гг.) было ослабление или отмена законодательства в сфере климата, принятого при Обаме. Примечательно, что среди представителей следующего 116 Конгресса (2019 г.) насчитывалось 150 «климатических нигилистов»: ни один республиканец не верил в научный консенсус о том, что изменение климата вызвано деятельностью человека [20]. В 117-м созыве Конгресса (2021–2022 гг.) число сомневающих сократилось до 139 (52% республиканцев в Палате представителей и 60% республиканцев в Сенате) [21], в основном из-за растущей общественной поддержки климатической повестки. В 118-м созыве Конгресса (2023–2024 гг.) республиканцы получили контроль над Палатой представителей, и ожидается, что они будут тормозить инициативы администрации Байдена [22]. Формирование партийных стратегий в борьбе за электорат также влияет на восприятие избирателей к проблемам изменения климата и декарбонизации. Межпартийный раскол по вопросам климата оформился к 2000-м годам. Антиэкологическая ориентация Республиканской партии стала особенно заметной во время президентства Дж. Буша-младшего [McCright, Dunlap. 2010: 100-133]. Кроме того, политические элиты были более поляризованы по этому вопросу, чем обычные избиратели. В 2023 г. 78% демократов считают изменение климата угрозой благополучию страны, это на 20% больше, чем десять лет назад. В то же время всего 23% республиканцев считают также, и этот показатель почти не изменился за десятилетие (рис.6) [Tyson, Funk, Kennedy. 2023].

Рисунок 6

54% американцев считают изменение климата серьёзной угрозой, но партийный раскол увеличивается (%)

Tyson A., Funk C., Kennedy B. *What the data says about Americans' views of climate change* // *Pew Research Center*. 18.04.2023. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/04/18/for-earth-day-key-facts-about-americans-views-of-climate-change-and-renewable-energy/> (accessed: 14.06.2023).

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭЛЕКТОРАТ

Исследования феномена поддержки климатической повестки среди демократов и республиканцев говорят о том, что первые и вторые исходят из разных предпосылок. Республиканцы поддерживают развитие «чистых» источников энергии по экономическим причинам, в то время как демократы считают их способом решения проблемы глобального потепления. Важнейшая причина перехода на ВИЭ для демократов – борьба с глобальным потеплением, а для республиканцев – снижение затрат на энергию. В целом республиканцы исходят из предпосылки о том, что у науки недостаточно доказательств того, что изменение климата вызвано деятельностью человека, а если так, то нет смысла в политических мерах и расходах на то, чтобы ему противостоять. Однако, если говорить о самой Республиканской партии, это скорее избранная стратегия борьбы с демократами, чем убеждение. Ведущий республиканский консультант Ф. Лунц предложил однопартийцам сделать главным аргументом отсутствие научной достоверности [The Lunz Research Company. 2003: 131-146]. Климатическая повестка напрямую отражается и на других сферах: отношение к коллективным усилиям, направленным на достижение углеродного нуля на мировой арене, затрагивает извечные дебаты «синих» и «красных» о вовлечённости

и/или невмешательстве США в деятельность международных институтов, и, соответственно, связанных с этим материальных обязательств. Республиканцы считают, что климатическое законодательство ликвидирует рабочие места, что негативно влияет на конкурентоспособность США по сравнению с Китаем. Демократы, наоборот, видят в обновлении возможность оставаться конкурентными в современном мире. В целом политика в области международных усилий по борьбе с изменением климата отражает содержание дискуссий о вовлечении в мировые дела (которой придерживается Демократическая партия) и невмешательстве, стремлении избежать международных обязательств (за что выступают республиканцы).

Поскольку политика в области климата затрагивает ряд других ключевых для партий вопросов, она стала крайне политизированной. Это выражается в постоянных кампаниях по дискредитации климатической проблематики. После провала Киотского протокола консерваторы стали подвергать сомнению научные доказательства изменения климата, начав сильную пропагандистскую кампанию по дискредитации климатической повестки [Dunlap, McCright. 2008: 7-11]. Такая кампания республиканцев повлияла на позицию избирателей, заразив их скептицизмом. С 1997 г. по 2008 г. количество республиканцев, уверенных, что изменение климата происходит, упало на 34%. За тот же временной промежуток процент демократов, уверенных в существовании глобального потепления, увеличилось на 15% [Dunlap, McCright. 2008: 7-11]. Республиканцы изобразили демократов как людей, оторванных от проблем рабочего класса (которых волнуют рабочие места, доступная энергия и пр.), и это имело последствия, далеко выходящие за проблемы климата [23]. Кроме того, расследование «Инсайд климат ньюз» (*Inside Climate News*) показало, что компания «Экссон-Мобил» провела исследования ещё 40 лет назад, и дезинформировала науку и мировую общественность, зная о том, что изменение климата вызвано загрязнением атмосферы [Banerjee, Cushman, Hasemyer, Song. 2015]. В 2007 г. изменение климата стала проблемой безопасности: Военным консультативным советом был введён термин «мультипликатор угроз» для описания влияния глобального потепления на национальную безопасность [Goodman, Baudu, Sikorsky, Femia. 2023]. Несмотря на это, политика поддержки «климатического нигилизма» сохраняется: в апреле 2023 г. Институт конкурентного предпринимательства разослал конгрессменам-республиканцам меморандум [24], который призывал игнорировать «алармистский» шестой доклад МГЭИК об изменении климата и подчёркивал, что безрассудно сокращать выбросы, поскольку их влияние на глобальное потепление ещё не доказано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Республиканская и Демократическая партии придерживаются полярных позиций по вопросу изменения климата. Климатическая повестка является предметом ожесточенной борьбы разных групп интересов, в результате которой не раз перечёркивались плоды кропотливой работы предшественников (речь идёт об отказе Конгресса ратифицировать Киотский протокол, разработанный при участии администрации Клинтона – Гора, и выходе Трампа из Парижского соглашения). В итоге результаты межпартийных баталий влияют не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику США в области борьбы с глобальным потеплением. Попытка найти компромисс в отношении «зеленого» курса приводят к тому, что «равнодействующая» не устраивает ни одну из сторон. По этой причине климатическая политика США на международной арене постоянно подвергается критике за свою неамбициозность при любом президенте. Республиканец Трамп, «климатический» скептик, нивелировал результаты «зелёной» политики предыдущей администрации. Демократ Байден, адепт «зелёного» курса, инициирует различные проекты для достижения «углеродного нуля», но внутреннее сопротивление мешает реализовать поставленные цели.

Различия подходов Демократической и Республиканской партий к климатической повестке могут быть классифицированы по следующим категориям: отношение к энергетическому переходу, признание антропогенного влияния на глобальное потепление, финансирование декарбонизации экономики, воздействие на конкурентоспособность бизнеса, рабочие места, цены на энергоносители и лobbистские группы.

Отношение к энергетическому переходу

Демократы считают, что энергопереход необходим, поскольку это единственный способ остановить глобальное потепление. Республиканцы уверены, что энергетический переход и инвестиции в «чистые» технологии не имеют смысла.

Антропогенное влияние на глобальное потепление

С точки зрения Демократической партии, влияние деятельности человека на глобальное потепление – научно доказанный факт. Республиканская партия придерживается мнения, что изменение климата (если и происходит) – это естественный процесс, который не раз случался в истории Земли, и деятельность человека не влияет на нагревание атмосферы.

Проведение климатической политики и финансирование декарбонизации экономики

Демократическое крыло полагает, что для избежания катастрофы, необходима декарбонизация мировой экономики. Необходима материальная и административная поддержка чистых технологий для их быстрого развития и внедрения: сегодняшние инвестиции позволят предупредить расходы в будущем. Их оппоненты утверждают, что это бессмысленные траты, поскольку деятельность человека не влияет на изменение климата, особенно, когда есть доступная альтернатива в виде ископаемого топлива. Целесообразным считается только возмещение финансового ущерба от природных катаклизмов.

Конкурентоспособность бизнеса

Демократы рассматривают углеродно-нейтральные технологии как ключ конкурентоспособности в будущем, поскольку сегодня формируется тренд на экологичные товары и услуги. Республиканцы уверяют, что ужесточение стандартов отвлекает необходимые ресурсы и снижает конкурентоспособность американских товаров и услуг.

Рабочие места

Демократическая партия связывает переход на «чистые» технологии с созданием новых рабочих мест. Сотрудников, задействованных в отраслях добычи ископаемого топлива, достаточно переqualифицировать. Их противники видят в «декарбонизации» угрозу для занятости в штатах, так или иначе зависящих от ископаемого топлива (например, Западная Вирджиния).

Цены на энергоносители

«Синие» считают, что совершенствование углеродно-нейтральных технологий приведёт к снижению цены на энергию, получаемую с помощью ВИЭ, что сделает их более рентабельными. В свою очередь, развитие ВИЭ позволит диверсифицировать энергобаланс и уменьшить зависимость от ископаемых видов топлива. «Красные» выступают с критикой «зелёного» курса, так как ужесточение экологических требований и снижение инвестиций ведёт к удорожанию конвенциональных энергоресурсов (нефть, газ, уголь), а это негативно сказывается на стоимости товаров и услуг.

Лоббистские группы

К помощи демократов прибегает «зелёный» бизнес: компании, специализирующиеся на производстве солнечной и ветровой энергии, производители электромобилей и пр. Республиканских кандидатов финансируют преимущественно компании, добывающие ископаемое топливо.

Климатическая повестка важна для мировых держав как один из аспектов энергетической безопасности, которая обостряется в свете международного кризиса. В условиях, когда между западными союзниками растёт напряжение, политика США в области климата (в первую очередь, закон «О снижении инфляции») – ещё одна потенциально конфликтная тема. При этом курс США в этой сфере (который влияет на экономику, энергетику и пр.) зависит от соотношения сил между демократами и республиканцами в органах власти. Традиционно демократические администрации поддерживают меры по декарбонизации экономики и видят США в роли «зелёного» лидера на международной арене. Республиканцы, как правило, более холодно относятся к климатической проблематике, отдавая предпочтение нефтегазовому сектору. Сегодня демократы и республиканцы сильно поляризованы по этой проблеме, и сближения позиций не наблюдается.

ИСТОЧНИКИ

1. Kelly, L., Gangitano, A. Europe relaxes after US midterms, but fears of a 2024 Trump win run high. *The Hill*. 12.11.2022. Available at: <https://thehill.com/policy/3731485-europe-relaxes-after-us-midterms-but-fears-of-a-2024-trump-win-run-high/> (accessed: 14.06.2023).

2. Wethe, D. The Shale Revolution. *Bloomberg*. 27.12.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/quicktake/fracking#:~:text=Fracking%2C%20or%20hydraulic%20fracturing%2C%20was,or%20gas%20trapped%20inside%20escapes.> (accessed: 13.06.2023).

3. Ellerbeck, S. A record share of US electricity comes from zero-carbon sources - but more work is needed. *World Economic Forum*. 9.103.2023. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2023/03/us-electricity-energy-carbon-renewables/> (accessed: 13.06.2023).

4. Inflation Reduction Act Guidebook. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/> (accessed: 13.06.2023).

5. Natural gas explained. *U.S. Energy Information Administration*. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/natural-gas/where-our-natural-gas-comes-from.php#:~:text=The%20United%20States%20now%20produces,the%20highest%20annual%20amount%20recorded.> (accessed: 13.06.2023).

6. Natural gas explained. Natural gas and the environment. *U.S. Energy Information Administration*. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/natural-gas/natural-gas-and-the-environment.php> (accessed: 13.06.2023).

7. Gardner, T., Renshaw, J. Biden admin works on 'green' natural gas as U.S. vies for top LNG spot. *Reuters*. 3.03.2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/biden-admin-works-green-natural-gas-us-vies-top-Ing-spot-2023-03-03/> (accessed: 13.06.2023).

8. Khatsenkova, S. Fact check: Is Europe the only part of the world that has reduced its greenhouse gas emissions? *Euronews*. 17.05.2023. Available at: <https://www.euronews.com/green/2023/05/17/fact-check-is-europe-the-only-part-of-the-world-that-has-reduced-its-greenhouse-gas-emissi> (accessed: 13.06.2023).

9. Plumer, B. Obama says fracking can be a 'bridge' to a clean-energy future. It's not that simple. *The Washington Post*. 29.01.2014. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2014/01/29/obama-says-fracking-offers-a-bridge-to-a-clean-energy-future-its-not-that-simple/> (accessed: 14.06.2023).

10. Palin sticks to the familiar in first solo outing. *NBC News*. 14.09.2008. Available at: <https://www.nbcnews.com/id/wbna26693683> (accessed: 14.06.2023).

11. Aizarani, J. Lobbying spending of oil & gas companies in the United States during election cycles from 1990 to 2022, by receiving political party. *Statista*. 31.01.2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/788056/us-oil-and-gas-lobbying-spend-by-party/> (accessed: 14.06.2023).

12. Miller, E. Green energy interests boosted Biden, Dems. *OpenSecrets*. Available at: <https://www.opensecrets.org/news/2020/12/green-energy-2020-boosted-dems/> (accessed: 14.06.2023).

13. Al Gore (The Nobel Prize 2007). *The Nobel Prize*. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2007/gore/facts/> (accessed: 25.07.2023).

14. ExxonMobil tried to censor climate scientists to Congress during Bush era. *The Guardian*. 25.05.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2016/may/25/exxonmobil-climate-change-scientists-congress-george-w-bush> (accessed: 14.06.2023).

15. Foreso, C.F. U.S. Becoming a Leading Exporter of Petroleum Products. *USITC Executive Briefings on Trade*. December, 2014. Available at: https://www.usitc.gov/research_and_analysis/documents/foreso_petroleum_products-12-1-14_final_0.pdf (accessed: 14.06.2023).

16. The United States exported more natural gas than it imported in 2017. *U.S. Energy Information Administration*. 19.03.2018. Available at: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=35392> (accessed: 14.06.2023).

17. Inflation Reduction Act Guidebook. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/> (accessed: 14.06.2023).

18. S.Res.98 - A resolution expressing the sense of the Senate regarding the conditions for the United States becoming a signatory to any international agreement on greenhouse gas emissions under the United Nations Framework Convention on Climate Change. *Congress.gov*. 12.06.1997. Available at: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-resolution/98> (accessed: 14.06.2023).

19. The Evolution of Byrd. *living on earth*. 2.07.2010. Available at: [https://www.loe.org/shows/segments.html?programID=10-P13-00027HYPERLINK "https://www.loe.org/shows/segments.html?programID=10-P13-00027"&segmentID=4](https://www.loe.org/shows/segments.html?programID=10-P13-00027HYPERLINK%22https://www.loe.org/shows/segments.html?programID=10-P13-00027%22&segmentID=4) (accessed: 14.06.2023).

20. Hananel, S. Climate Deniers in the 116th Congress. *CAP Action*. 28.01.2019. Available at: <https://www.americanprogressaction.org/article/climate-deniers-116th-congress/> (дата обращения: 14.06.2023).

21. Climate Deniers in the 117th Congress. *CAP Action*. 30.03.2021. Available at: <https://www.americanprogress.org/article/climate-deniers-117th-congress/> (accessed: 14.06.2023).

22. Yohe, G. GOP-controlled House: Children playing poorly in the climate change sandbox. *The Hill*. 22.11.2022. Available at: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/3746950-gop-controlled-house-children-playing-poorly-in-the-climate-change-sandbox/> (accessed: 14.06.2023).

23. Bledsoe, P. Democrats must embrace shale gas boom to win elections and climate battle *USA Today*. 21.04.2018. Available at: <https://www.usatoday.com/story/opinion/2018/04/21/democrats-embrace-shale-boom-win-climate-battle-column/533277002/> (accessed: 14.06.2023).

24. Elkind, E. GOP urged to denounce 'alarmist' UN climate change report. *Fox News*. 8.04.2023. Available at: <https://www.foxnews.com/politics/house-lawmakers-un-report-climate-change> (accessed: 14.06.2023).

REFERENCES

Banerjee, N., Cushman, J.H., Hasemyer, D., Song, L. Exxon: The Road Not Taken. Inside Climate News, 2015. 92 p.

Burnham, A., Han, J., Clark, C.E., Wang, M., Dunn, J.B., Palou-Rivera, I. Life-Cycle Greenhouse Gas Emissions of Shale Gas, Natural Gas, Coal, and Petroleum. *Environmental Science & Technology*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 619-627. Available at: <https://pubs.acs.org/doi/pdf/10.1021/es201942m> (accessed: 14.06.2023).

Dunlap, R.E., McCright, A.M. A Widening Gap: Republican and Democratic Views on Climate Change. *Environment*. 2008. September/October. P. 7-11. Available at: https://cssn.org/wp-content/uploads/2020/12/A_Widening_Gap_Republican_and_Democratic_Views_on_.pdf (accessed: 14.06.2023).

Goodman, S., Baudu, P., Sikorsky, E., Femia, F. Climate Change as A "Threat Multiplier": History, Uses And Future of the Concept. *Center for Climate and Security*. 3.01.2023. No. 38. 35 p. Available at: <https://councilonstrategicrisks.org/wp-content/uploads/2023/01/38-CCThreatMultiplier.pdf> (accessed: 14.06.2023).

McCright, A.M., Dunlap, R.E. Anti-reflexivity. *Theory, Culture & Society*. 2010. Vol. 27. No. 2-3. P. 100-133. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0263276409356001> (accessed: 14.06.2023).

Moore, T.G. Don't Know? Won't Tell? The White House and Kyoto. *Stanford University*. 1998. Available at: <https://web.stanford.edu/~moore/CostsofKyoto.html> (accessed: 14.06.2023).

Storrow, B. U.S. Renewable Energy Will Surge Past Coal and Nuclear by Year's End. *Scientific American*. 22.11.2022. Available at:

<https://www.scientificamerican.com/article/u-s-renewable-energy-will-surge-past-coal-and-nuclear-by-years-end/> (accessed: 13.06.2023).

The Environment: A Cleaner, Safer Healthier America. *The Luntz Research Company*. 2003. P. 131-146. Available at: <https://www.sourcewatch.org/images/4/45/LuntzResearch.Memo.pdf> (accessed: 14.06.2023).

Tyson, A., Funk, C., Kennedy, B. What the data says about Americans' views of climate change. *Pew Research Center*. 18.04.2023. Available at: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/04/18/for-earth-day-key-facts-about-americans-views-of-climate-change-and-renewable-energy/> (accessed: 14.06.2023).

Webster, J. The Inflation Reduction Act's impact on the US oil and gas industry. *Atlantic Council*. 31.10.2022. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/energy-source/the-inflation-reduction-acts-impact-on-the-us-oil-and-gas-industry/> (accessed: 14.06.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРОКОПЧУК Евгения Эдуардовна, аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ,
ул. Малая Ордынка 29, Российская Федерация, Москва

Eugenia E. PROKOPCHUK, Analyst, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University,
29, Malaya Ordynka Str., Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 28.08.2023 / Received 28.08.2023

Поступила после рецензирования 16.09.2023 / Revised 16.09.2023

Статья принята к публикации 18.09.2023 / Accepted 18.09.2023.

УДК 342.4

DOI: 10.31857/S2686673024010079

Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве

Л.Г. Берлявский

Ростовский государственный экономического университета "РИНХ";

Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

Донской государственный технический университет

344033, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

РИНЦ ID: 2534-0714

ORCID: 0000-0001-7460-5529

e-mail: berlg@yandex.ru

Резюме: Высшая судебная инстанция Соединённых Штатов – Верховный суд – играет существенную роль в толковании конституции и конституционном правотворчестве. Основная причина этого состоит в том, что большая часть текста Конституции сформулирована крайне лапидарно, её текст носит инструментальный характер, что предоставляет Верховному суду достаточно возможностей для толкования её положений до того, как он применит их к конкретным юридическим и фактическим обстоятельствам. Помимо этого, в тексте Конституции не были затронуты многие фундаментальные вопросы конституционного права, которые её составители и органы, ратифицировавшие Основной закон в конце XVIII века, не могли предвидеть.

Ключевые слова: Верховный суд, толкование конституции, конституционное правотворчество, Конституция США, конституционное право, конституционный строй США.

Для цитирования: Берлявский Л.Г. Роль Верховного суда США в толковании конституции и в конституционном правотворчестве. *США&Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54 (1): 97-112. DOI: 10.31857/S2686673024010079

The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making

Leonid G. Berlyavsky

Rostov State University of Economics "RINH"

69 B. Sadovaya str., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation;

Don State Technical University

Gagarin Square, 1, 344033, Rostov-on-Don, Russian Federation.

РИНЦ ID: 2534-0714

ORCID: 0000-0001-7460-5529

e-mail: berlg@yandex.ru

Abstract: The highest judicial authority in the United States, the Supreme Court, plays a crucial role in interpreting the Constitution and in constitutional lawmaking. A primary reason for this is the extremely succinct formulation of most of the U.S. Constitution's text. Its instrumental nature provides the Supreme Court with ample opportunities to interpret its provisions before applying them to specific legal and factual circumstances. Additionally, the Constitution's

text did not address many fundamental issues of constitutional law, which its drafters and the ratifying bodies at the end of the 18th century could not have foreseen.

Keywords: Supreme Court, interpretation of the Constitution, constitutional law-making, the U.S. Constitution, constitutional law, the U.S. constitutional system

For citation: Berlyavsky, L.G. The Role of the U.S. Supreme Court in the Constitutional Interpretation and Law-Making. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 97-112. DOI: 10.31857/S2686673024010079

ВВЕДЕНИЕ

В российской науке тема роли Верховного суда США в толковании конституции и конституционном правотворчестве затрагивалась в трудах юристов, историков, политологов. Учёные – государствоведы И.А. Алебастрова, С.В. Боботов, Г.Г. Бойченко, И.Ю. Жигачев, З.И. Голдобина, О.А. Жидков, В.А. Туманов, В.Г. Каленский, А.А. Мишин, В.А. Власихин, В.Н. Сафонов, З.М. Черниловский и др. исследовали основы американского конституционализма, правовую и политическую систему США, политико-правовые воззрения американских конституционалистов, активизм и оригинальность в деятельности высшей судебной инстанции.

В частности, В.И. Лафитский предостерегал от искушения изучать конституционный строй США на основе текстуального анализа основных законов федерации и штатов, поскольку реальное содержание конституций определяется преимущественно судебным толкованием, законодательными актами, действиями исполнительной власти и политической практикой, которые постоянно дополняют и обновляют те или иные стороны конституционного строя, не изменяя текста основных законов по существу. Степень расхождения фактической и юридической конституций велика. Судебное толкование и текущее законодательство конкретизируют содержание конституционных норм, нередко искажая их первоначальное значение [Лафитский В.И. 2011:94, 118, 349].

Обсуждение будущей Конституции США в 1787 г. продемонстрировало настороженное, а иногда неприкрыто враждебное отношение политических деятелей того времени к идее наделить суды надзорными полномочиями. Пожалуй, единственным политическим деятелем того времени, кто прямо высказался в пользу судебного надзора, был А. Гамильтон. В серии очерков, написанных совместно с Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем и объединённых под названием «Федералист», Гамильтон указывал: «Толкование законов есть надлежащая и характерная функция судов. Конституцию судьи рассматривают и обязаны рассматривать как основной закон. А посему в их обязанность должно входить определение её значения, равно как и значения любого конкретного акта, исходящего от законодательного органа» [Мишин А.А., Власихин В.А. 1985: 134]. Иного мнения придерживался третий президент США Томас Джефферсон.

Содержавшиеся в Конституции США пробелы с годами восполняются очень незначительно. Одна из причин – повышенная жёсткость Основного закона, сложная процедура его изменения. Как утверждал А.А. Мишин в работе «Государственное право США», в этой стране наравне с писаным законом действует так называемая «живая» конституция, регулирующая отношения конституционного уровня и формируемая Конгрессом, президентом страны, Верховным судом и включающая, в частности, и конвенционные нормы [Мишин А.А. 1976: 29-35]. Сами толкования законов и Конституции в решениях Верховного суда являются частью федерального права и имеют обязательную силу для всех судов и иных государственных учреждений страны [Современные Соединённые Штаты Америки. 1989: 87-88].

Содержание Конституции во многом дополняется и даже модифицируется законами Конгресса, указами президента, судебными прецедентами, конституционными обычаями, что даёт основание говорить о «живой» конституции, отличающейся от юридической и в большей степени соответствующей современным общественным отношениям [Автономов А.С. 2005:359].

Описанная выше теория множественности органов, имеющих право давать обязательное толкование Конституции США, подвергалась критике. В частности, Г.Г. Бойченко считала её порочной, ибо она принижает значение Конституции как Основного закона и фактически ведёт к её низведению до уровня обычных законов. Утверждать, что Конституцию имеют право толковать самые различные органы («и Конгресс, и Президент, и губернатор, и комиссия, и бюро и даже местные органы государства»), значит поощрять произвол в области законодательства. «Нарушение государственной законности, в свою очередь, влечёт за собой активизацию реакционных сил страны, которые хотели бы выхолостить из Конституции США все её демократические положения» [Бойченко Г.Г. 1959: 53].

Противоположного, весьма радикального подхода придерживается американский государствовед Эрвин Чемерински, настаивающий на отсутствии уполномоченного органа, способного толковать Конституцию США [1].

Однако толкование принятых в пределах собственной исключительной компетенции актов Конгресса и президента возможно осуществлять данными высшими органами законодательной и исполнительной власти, поскольку их статус установлен соответственно статьями I и II Конституции США. «Конституционные пробелы дополняются законами Конгресса, актами Президента, судебными прецедентами, конституционными обычаями» [Иностранное конституционное право. 1997: 12]. Подобных прав лишены не упомянутые в Конституции федеральные органы власти, органы власти штатов и, тем более, местные органы.

ОРГАН СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Судебный конституционный контроль не был изначально установлен в тексте Конституции, а стал элементом компетенции Верховного суда, начиная с решения по делу «Мэрбэри против Мэдисона» (*Marbury v. Madison*), 1803. Решение было принято в связи с тем, что тогдашний президент США Д. Адамс назначил в последние часы своих полномочий новых судей, патенты которых были отменены сменившим его на посту президента Т. Джефферсоном. Один из таких «полуночных судей», Мэрбери, обратился с иском к новой администрации в Верховный суд, который признал жалобу соответствующей тогдашнему закону «О судеустройстве», при этом впервые признав сам закон не соответствующим Конституции США [2].

По мнению тогдашнего председателя Верховного суда Дж. Маршалла, «совершенно определённо, что в компетенцию и обязанности судебной власти входит разъяснение того, что такое закон. Те, кто применяет нормы к конкретным делам, обязательно должны разъяснять и истолковывать каждую норму». В решении по делу «Мэрбэри против Мэдисона» Дж. Маршалл сформулировал общие правила толкования конституционных норм:

- если два закона противоречат друг другу, то суды должны решить вопрос о применении каждого из них;

- если закон противоречит Конституции, и в конкретном деле применяются и закон, и Конституция, то суд должен решить, следует ли применять закон, игнорируя Конституцию, либо следует применять её, игнорируя закон. Суд должен установить, какая из находящихся в противоречии норм должна быть применена в конкретном деле. Такой подход составляет главную задачу судебной власти;

- если суды принимают во внимание Конституцию, и она обладает верховенством по отношению к какому-либо акту законодательного органа, то Конституция (а не обычный акт) должна применяться в деле, к которому применимы оба акта – и Конституция, и обычный нормативный правовой акт [Гаврилов С.О., Сунцов В.С., Вахрамеев Н.В. 2020: 115].

В соответствии с разделом 2 статьи 3 Конституции, «судебная власть Соединённых Штатов осуществляется Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом». Судьи Верховного суда и судьи низших судов сохраняют свои должности до тех пор, пока их поведение является безупречным. При этом «судебная власть распространяется на все дела, решаемые по закону и праву справедливости», которые возникают на основе Конституции, законов Соединённых Штатов и заключаемых государством договоров. Статья 6 устанавливает, что судебная власть распространяется на все дела, возникающие на основе Конституции, и что она является верховным правом страны, а федеральные законы принимаются во исполнение основного закона страны,

судьи обязаны поддерживать Конституцию [Соединённые Штаты Америки. 1993: 37-38, 40].

Важно подчеркнуть, что конституционный контроль в США основан на обычае, он не имеет законодательной основы, но, тем не менее, признаётся важнейшим принципом конституционной системы. Верховный суд США вправе проверять конституционность законов только при рассмотрении конкретного дела (так называемый конкретный надзор, отличающийся от абстрактного надзора, осуществляемого в ряде стран вне связи с возникновением в суде конкретного спора). Проверка подчинена целям охраны конституционных прав и свобод того или иного человека (гражданина), если какое-то право затрагивается (ограничивается или умаляется) тем или иным законом. Если Верховный суд США признаёт закон или какую-то его часть неконституционными, то это означает прекращение действия данного закона или соответствующей его части, и ни один суд страны не примет больше иска, основанного на таком законе. Верховный суд США за прошедшие почти два столетия признал неконституционными несколько десятков законов, хотя в целом он далеко не злоупотребляет этим своим правом [Конституционное право зарубежных стран. 2004: 359-360].

Компетенция Верховного Суда США в сфере конституционного права не оспаривалась на протяжении всей истории этой высокой судебной инстанции.

Так, Дж. Брайс утверждал, что в Америке девять судей верховного федерального суда пользуются почти одинаковым почётом наряду с членами Высшего английского суда. «Это почти единственные должностные лица, назначаемые пожизненно, а их функции имеют чрезвычайно важное значение в практическом применении американской конституции. Поэтому всё общество заинтересовано в хорошем выборе этих судей, а их должность служит заманчивой целью для честолюбцев» [Брайс Джемс. 1890: 297].

Классик британского государственоведения А.В. Дайси пришёл к заключению, что «американский юрист должен выяснить значение статей конституции таким же образом, каким он выясняет значение всякого другого закона. Он должен руководствоваться грамматическими правилами, знанием общего права, светом, который иногда бросает история Америки на американское законодательство, и заключениями, которые можно вывести из внимательного изучения судебных решений» [Дайси А.В. 1905: 6].

В.И. Лафитский справедливо заключает, что «функции конституционного надзора принадлежат судебной власти в целом. Не только верховные, но и районные суды федерации и штатов осуществляют право толкования конституционных норм и отказывают в применении тем положениям статутного и делегированного законодательства, которые противоречат толкованию соответственно Конституции США и конституции штата. Последнее слово в осуществлении

конституционного надзора остаётся за верховными судами. Их решения подлежат неукоснительному соблюдению нижестоящими судами» [Лафитский В.И. 2011: 298-299].

Для Верховного суда США характерна письменная процедура рассмотрения дела, не требующая присутствия сторон, свидетелей и других обязательных для судебной процедуры действий. Верховный суд широко использует свою дискреционную функцию – право принимать к производству по собственному усмотрению дела, содержащие «федеральный вопрос». В качестве суда первой инстанции этот суд выступает по всем спорам между двумя и более штатами, между центром и штатом, по делам, возбуждаемым одним штатом против граждан другого или иностранцев. Верховный суд внес крупный вклад в дело защиты гражданских прав, в ликвидацию расовой дискриминации [Конституционное право зарубежных стран: учебник для бакалавров. 2013: 180].

В настоящее время институт судебного конституционного контроля оценивается как антимажоритарный, его осуществление означает возможность лишения юридической силы актов, принятых от имени большинства [Алебастрова И.А. 2016: 232].

Таким образом, особенности судебного конституционного контроля состоят в следующем:

- конституционный контроль осуществляют все суды США, и конституционное правосудие не выделяется из общего правосудия;
- конституционный контроль носит универсальный характер, т.е. распространяется на любой нормативный акт любого органа или должностного лица;
- конституционный контроль носит деконцентрированный и казуальный характер, то есть он осуществляется судом любого уровня при рассмотрении любого дела, в котором затронут законный интерес гражданина. Наконец, конституционный контроль имеет относительный характер, т.е. решения суда о признании неконституционным какого-либо акта не являются общеобязательными, и признанная неконституционной норма не отменяется, а просто не применяется [Арбузкин А.М. 2005: 240].

Российские специалисты - государствоведы констатируют, что конституционный контроль США остаётся эффективным средством защиты конституционных прав и свобод. Правящие круги, включая и судебные, полагают, что в условиях прецедентного права нет необходимости по образу и подобию европейских стран создавать специальный конституционный суд [Конституционное право зарубежных стран. 2004: 360].

ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Согласно господствующей в США правовой доктрине, Верховный суд США, как и прочие суды, имеет право толковать Конституцию и объявлять законы неконституционными в определённой процессуальной форме – исключительно при рассмотрении судебных дел, а именно, когда Верховный суд 1) выступает в качестве суда первой инстанции; 2) выступает в качестве апелляционной инстанции на основе права на апелляцию (*right of appeal*); 3) выступает в качестве высшей инстанции в порядке права «сертиорари» (*writ of certiorari*), то есть подачи просьбы об истребовании дела для нового рассмотрения Верховным судом по существу [Бойченко Г.Г. 1959: 57-58].

В.Н. Сафоновым сформулировано понятие конституционной судебной доктрины как совокупности прецедентов, в которых используются устоявшиеся, типизированные (выстраиваемые устоявшимся способом) приёмы толкования положений Конституции, имеющих абстрактный характер («общая польза», «надлежащая правовая процедура», «общее благосостояние» и т.п.). Помимо этого, отмечена решающая роль методов толкования в трактовке конституционных принципов. В результате интерпретационной деятельности Верховного суда США доктрины отражают суть конституционных принципов и являются, при определённых обстоятельствах, одним из источников права [Сафонов В.Н. 2007: 36-37].

Обращается внимание на новые принципы конституционного толкования, основу которых составила доктрина «подразумеваемых полномочий» [Лафитский В.И. 2011: 66]. Так, в знаковом деле «Маккалок против Мэриленд» (*McCulloch v. Maryland*, 1819) Верховный суд констатировал, что Основной закон предоставляет Конгрессу все необходимые средства для осуществления законных целей Конституции, не запрещённых её буквой и духом. При этом «вопрос заключается в осуществлении тех великих полномочий, на которых держится благосостояние государства <...> Конституция, призванная существовать в веках, должна приспосабливаться к различным кризисам, возникающим в обществе» [3].

В документе Сената № 170, принятом на 2-й сессии 82-го созыва Конгресса приведено несколько доктрин, ограничивающих свободу судей в части толкования Конституции США. Согласно доктрине «крайней необходимости» (*strict necessity*), Верховный суд объявляет законы противоречащими Конституции только в случае «крайней необходимости». В соответствии с доктриной «разумных сомнений» (*reasonable doubts*), закон признаётся неконституционным только при наличии «разумных», «обоснованных», причин, сомнений. На основе доктрины «политических вопросов» (*public question*) споры политического характера могут быть изъяты из ведения Верховного суда [Бойченко Г.Г. 1959: 63].

В судебном правотворчестве Верховного суда США, наряду с доктринами межштатной торговли, инспекционных полномочий и свободы контракта,

осуществлялась стратегия применения иных, выходявших на первый план доктрин, ставших основанием иных направлений конституционно-правового регулирования социально-экономических отношений. Выделяются следующие доктрины: доктрина «общего благосостояния», опирающаяся на положения преамбулы и VIII раздела Конституции об общем благосостоянии с целью конституционной легитимации социального законодательства; доктрины неприкосновенности собственности и договорной свободы; доктрина «права кошелька» (права собирать и расходовать средства) федеральной власти (*taxing and spending powers*); доктрина изъятия собственности (*taking clause*) - толкование вводимых Верховным судом ограничений в сфере экономики для того, чтобы не допустить нарушений конституционно установленных гарантий и пределов государственного вмешательства [Сафонов В.Н. 2018: 187].

Доктрина «подразумеваемых запрещений» была использована судами для признания неконституционности социально-экономического законодательства, которое ограничивало деятельность корпораций, устанавливало минимальные размеры заработной платы и максимальное число рабочих часов, вводило санитарные нормы и т.п. Конституционное толкование, признающее большую часть конституционных норм самоисполнимыми и императивными, иными словами, не требующими конкретизации со стороны текущего законодательства и обязательными к исполнению в той форме, которая определена судебной практикой, ограничивает законодательную компетенцию. Однако подобное ограничение не было бы столь эффективным, если бы оно не дополнялось действием доктрин «подразумеваемых ограничений» и «подразумеваемых запрещений», которые определяют меру законодательного регулирования [Лафитский В.И. 2011: 75, 131].

Изучение концепций конституционной интерпретации в США позволяет глубже проникнуть в сущность конституционного строя этого государства, понять причины и источники его эволюционного развития с учётом того, что Конституция США 1787 г. – это первый в мире действующий Основной закон государства. Толкование высшим судебным органом США конституционных установлений осуществляется в соответствии с доктринами, разработанными в конституционном праве США [Берлявский Л.Г. 2011: 77].

Подобные концептуальные подходы имеют особенное значение, поскольку в системе общего права влияние доктрины на законодателя зачастую недооценивалось в силу меньшей роли закона и большего значения судебного правотворчества. Однако система права США вобрала в себя определённые черты, присущие романо-германскому праву, поэтому роль правовой доктрины и её влияние на законодательство невозможно отрицать [Емелин М. Ю. 2013: 51-54].

В российском государствоведении был сделан вывод о том, что понять и изучить толкование и применение Конституции США – значит изучить и её текст, и те многочисленные интерпретации, которые она претерпела, и те многочисленные

законы, постановления, приказы, обычаи, которые дополняют и развивают её. Без этого нельзя уяснить, как то или иное положение Конституции применяется в жизни, нельзя выяснить той роли, которую Конституция США играет в американской действительности [6: 66-67]. Это та конституция, которая проявляет себя через решения Верховного Суда США о толковании статей Конституции, через конституционные обычаи, а также общее право [Арбузкин А.М. 2005: 174].

Исследование института конституционного контроля позволит понять, как в США удаётся на протяжении долгого времени при динамично изменяющихся общественных отношениях сохранить устойчивость и стабильность конституционных принципов [Сергеева С.Л. 2012: 163].

Каждая из концепций конституционной интерпретации базируется на определённом типе правопонимания. Правопонимание (определённый его тип) есть решение (определённый вариант решения) основного вопроса философии права – о соотношении права и власти, права и закона, права и силы [Четвернин В. 2003: 28].

Как указывается в российской юридической литературе, в странах «общего права», в которых действуют писанные конституции, и в доктрине, и в судебной практике концепция толкования конституций получила развитие в рамках аналитического позитивизма и социологической юриспруденции. В частности:

а) аналитический позитивизм исходит из того, что намерение отцов-основателей конституции полностью выражено в её тексте. Такой подход в правовой литературе стран «общего права» получил название оригинализма;

б) социологическая юриспруденция предложила иной взгляд на конституцию (так называемый радикальный *nonoriginalism*). В результате появились понятия «живая конституция» (США), конституция как «живой организм» (Австралия), конституция как «живое дерево» (Канада);

в) инструментализм на рубеже XIX–XX веков предложил при изучении намерений отцов-основателей не ограничиваться только текстом конституции, а обращаться к социально-политическим условиям, в которых была принята конституция, к анализу событий, предшествующих её принятию, к истории толкования [Пушкарёв С.В. 2010: 135].

Толкование судьями Конституции США позволяет приспособить её положения к изменяющимся историческим условиям, сообщает ей гибкость и эластичность. Истории известны случаи, когда такая интерпретация по прошествии некоторого времени изменялась до противоположности, что, впрочем, отражало изменение и развитие самого общества. При этом вручение права интерпретации конституционных норм профессионалам – юристам высочайшего класса, к тому же пользующимся в обществе большим авторитетом и независимостью, снижает до минимума опасность произвола и злоупотреблений при его осуществлении. Впрочем, огромная роль судов в формировании конституционного права

вызывает у некоторых исследователей возражения [Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 2001: 8-9].

В конституционном праве США определены пять основных видов источников, применяемых для толкования американской Конституции: 1) текст и структура Конституции США 1787 г.; 2) намерения субъектов, которые разрабатывали проект Конституции, голосовали за его принятие на Филадельфийском конвенте (25 мая – 17 сентября 1787 г.) либо при ратификации в штатах; 3) судебные прецеденты; 4) социальные, политические и экономические последствия альтернативных интерпретаций Конституции; 5) естественно-правовая доктрина [Берлявский Л.Г. 2012: 69].

По общему мнению, первые три вида источников могут быть использованы как основания для конституционного толкования. Однако в том случае, когда государствоведы стоят на противоположных позициях, между ними наблюдается существенное несогласие относительно «веса» того или иного источника. Многие американские исследователи считают, что последствия альтернативных интерпретаций Конституции вообще не следует принимать во внимание даже при равенстве аргументов каждой из сторон. Естественное право в настоящее время нечасто принимается как основа для толкования, в то время как многие «отцы-основатели» США признавали его допустимость для этой цели.

ВЕРХОВНЫЙ СУД И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Как указывается в американской литературе по конституционному праву, власть судебных органов, связанная с проверкой законов на их конституционность, в настоящее время является существенным компонентом американской конституционной системы. Правомочия конституционного надзора в США не подвергаются сомнению. Однако как судья должен толковать Конституцию, природа и масштабы конституционного надзора в части признания нормативных актов неконституционными – это вопросы, которые постоянно дебатировались [4].

В связи с этим, не во всём обоснованным выглядит мнение Е.А. Агеевой о том, что в американской политико-правовой системе Верховный суд США традиционно занимал значительное, но не первенствующее место. Выступая в качестве координатора, а иногда и инициатора правовой политики в стране, он, тем не менее, не выдвигался на первые роли в конституционно-политическом процессе, оставляя решающее слово за двумя другими ветвями власти – исполнительной и законодательной. Лишь в кризисные или переломные моменты для государства он мог вступать в конфликт с ними или проявлять большую, чем обычно, самостоятельность. Многие зависело и от субъективного фактора в деятельности Суда, время от времени приобретающего особую актуальность [Агеева Е.А. 2009: 122].

Видным правоведом – американистом О.А. Жидковым был обоснован достаточно парадоксальный вывод о том, что присвоение Верховным судом важной функции конституционного контроля не может рассматриваться, как это часто делается в юридической литературе США, лишь в развитии самой правовой доктрины и трактоваться как результат «юридического гения» Д. Маршалла или других судей, которым присуще якобы особое, чисто американское «преклонение», перед Конституцией. Специфическая «конституционная» власть Верховного суда была вызвана к жизни отнюдь не догмами и логикой самого конституционного права, а чисто конъюнктурными политико-правовыми потребностями правящего класса, проявившимися в конечном счёте в выработке по данному вопросу политического консенсуса среди всех «заинтересованных» органов федеральной власти [Жидков О.А. 2006: 370].

Иной позиции придерживался глава французской юридической компаративистики Рене Давид. Согласно ей, Верховный суд США «приспособил своё толкование Конституции США к идеологическим течениям и экономическим нуждам современности; это содействовало стабильности американских политических институтов, позволив США жить при Конституции, изменить которую весьма трудно. Верховный суд США смог благодаря этому преодолеть враждебное отношение к себе, существовавшее до 1936 г. и порожденное приверженностью судей к отживающим принципам» [Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1997: 299-300].

Подтверждением этому служит то, что активность Верховного суда в сфере конституционного контроля стала неуклонно возрастать после отмены рабства. Так, если в первой половине XIX века был признан неконституционным лишь один закон, то во второй – уже 24, а в первой половине XX века – 53 (особенно бурную активность проявили «девять старцев» в период проведения «Нового курса» Ф. Рузвельта: в 1935–1936 гг. неконституционными были признаны 11 актов Конгресса). На начало 1990-х годов Верховный суд в общей сложности объявил неконституционными более 150 положений федеральных законов и более 1 тыс. – конституций и законов штатов [Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 2001: 135].

В дополнение к этому за два с лишним столетия Верховный суд рассмотрел и дал толкование практически каждой статьи Конституции. Кроме того, подвергались толкованию и Поправки к Конституции.

Согласно утверждению А.А. Мишина и В.А. Власихина, реальная власть Верховного суда проистекает оттого, что действуя как высшая апелляционная инстанция, Верховный суд осуществляет функцию конституционного надзора, то есть судебного надзора за соответствием законодательных и административных актов Конституции США. Практически это означает, что закон, принятый Конгрессом или законодательным органом штата, акция или акт органов исполнительной власти

всех уровней могут быть Верховным судом лишены юридической силы [Мишин А.А., Власихин В.А. 1985: 134].

Стоит также отметить, что в Соединённых Штатах термин «конституционная теория» затрагивает в основном два аспекта конституционного права. Первый рассматривает общие теории конституции, связанные с целостной структурой государства, взаимоотношениями между ветвями власти, а также между федеральными органами и органами власти штатов. Второй имеет отношение к теориям конституционного надзора (*judicial review*), изучающими порядок принятия судами решений по конституционным вопросам, в результате которых подтверждаются либо отменяются постановления избранных органов [5].

В этом плане едва ли не большая часть «фундаментальных перемен» в американской конституции, как и в том, что относится к регулированию экономических и социальных отношений в стране, была сделана не столько Конгрессом и legislatures штатов, сколько решениями Верховного суда США» [Черниловский З.М. 1982: 3].

Право судебного конституционного надзора объявлять законы недействительными в случае противоречия Конституции – важнейшее в системе разделения властей США. Как считает М.С.Шаварин, если взять в расчёт такие фактические предпосылки появления судебного конституционного контроля, как наличие письменной конституции в виде единого документа, особая роль суда в странах общего права, выполняющего наряду с другими правотворческие функции, действие собственно принципа разделения властей, сверхжесткий порядок изменения конституции, то его появление – это закономерное следствие [Шаварин М.С. 2010: 206].

На другую причину указал видный государствовед А.А.Мишин, утверждавший, что практическое воплощение локковских идей о верховенстве законодательной власти привело к непредвиденным последствиям. Созданные в штатах legislatures захватили в свои руки огромные полномочия, во многих случаях полностью подчинили себе не только исполнительную, но и законодательную власть. Современники отмечали, что legislatures штатов конфисковывали собственность, чеканили монету, взимали налоги, выносили приговоры, непрерывно изменяли и пересматривали свои собственные законы. Законодательные власти штатов в ряде случаев вели себя подобно коллективным тиранам, нарушая и попирая все запреты чистой теории разделения властей [Мишин А.А. 1984: 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, осуществляя свои полномочия в сфере конституционного надзора, Верховный суд США опирался на определённые теории конституционной интерпретации, представляющие собой концептуальные подходы толкования Конституции, на основе которых применяются методы и способы уяснения и

разъяснения конкретного значения норм Основного закона государства. В начальный период конституционной истории Соединённых Штатов Верховный суд инициативно приступил к осуществлению властных полномочий, связанных с конституционным надзором. В решении 1803 г. по делу «Мэрбэри против Мэдисона», Верховный суд не только установил, но и разъяснил основы своих полномочий по проверке конституционности действий федерального правительства.

Именно Верховный суд США и верховные суды штатов сыграли ведущую роль в толковании Конституции американского государства и конституций штатов. В судебных прецедентах данных высоких судов содержатся правовые позиции, которые базировались на различных теориях конституционной интерпретации.

ИСТОЧНИКИ

1. Chemerinsky E. Constitutional Law. Principles and Policies. N.Y.: Aspen Publishers, 2015. P.53-55.
2. US (1 Cranch) 137 (1803).
3. McCulloch v. Maryland, 17 U.S. 316 (1819).
4. Kenneth R. Thomas. 2011. Selected Theories of Constitutional Interpretation. Congressional Research Service. February 15. P.4-8.
5. Encyclopedia of the American Constitution /ed. by Leonard W. Levy and Kenneth Karst. 2nd ed. /Adam Winkler, associate editor for the second edition. N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000. P.654.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Проспект, 2005.
- Агеева Е.А. Деятельность Верховного суда США под председательством Э. Уоррена, 1953-1969 гг. (историко-правовое исследование): автореферат диссертации кандидата юридических наук. Белгород, 2009. 24 с.
- Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: диссертация доктора юридических наук. М., 2016. 42 с.
- Арбузкин А.М. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юрист, 2005. 666 с.
- Берлявский Л.Г. 2011. Теории конституционной интерпретации в США. *Конституционное и муниципальное право*. № 10. С.77-80.
- Берлявский Л.Г. 2012. Оригиналистская доктрина в конституционном праве США. *Конституционное и муниципальное право*. № 10. С. 68-71.
- Бойченко Г.Г. Конституция США. М.: ИМО, 1959. 240 с.
- Брайс Джемс. Американская республика /пер. с англ. яз. Ч. III. М.: К.Т. Солдатенков, 1890. 503 с.
- Гаврилов С.О., Сунцов В.С., Вахрамеев Н.В. 2020. К вопросу о становлении конституционной юстиции в США. У. Мэрбэри против Дж. Мэдисона. *Юридическая наука*. № 11. С.112-116.

- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1997. 453 с.
- Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции. М.: Тип. И. Д. Сыгина и К°, 1905. 370 с.
- Емелин М. Ю. 2013. Влияние правовой доктрины на законодательство США, ее роль в толковании Конституции США. *Вестник Пензенского государственного университета*. № 4. С.51-54.
- Жидков О.А. Избранные труды /отв. ред. Г.И. Муромцев, Е.Н.Трикоз. М.: Норма, 2006. 606с.
- Иностранное конституционное право /отв. ред. В.В. Маклаков. М.: Юрист, 1997. 512 с.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4 т. Т.4. Часть Особенная: страны Америки и Азии /отв. ред. Б.А.Страшун. М.: Норма, 2001. 656 с.
- Конституционное право зарубежных стран /под общ. ред. М.В.Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М.Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.
- Комкова Г.Н., Афанасьева О.В., Колесников Е.В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для бакалавров. М.: Юрист, 2013. 415 с.
- Лафитский В.И. Конституционный строй США. М.: Статут, 2011. 351 с.
- Мишин А.А. Государственное право США. М.: Наука, 1976. 207 с.
- Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М.: Наука, 1984. 190 с.
- Мишин А.А., Власихин В.А. Конституция США: политико-правовой комментарий. М.: Международные отношения, 1985.
- Пушкарев С.В. 2010. Толкование конституций сравниваемых государств как один из методов компаративного исследования. *Вектор науки ТГУ*. № 2(2). С.134-137.
- Сафонов В.Н. Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2018. 288 с.
- Сафонов В.Н. Становление и развитие социально-экономических прав граждан в США: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2007. 62 с.
- Сергеева С.Л. 2012. Конституционный контроль как форма правотворчества Верховного суда США. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С.163-165.
- Современные Соединённые Штаты Америки. Энциклопедический справочник /Ред. колл.: Арбатов Г.А., Брутенц К.Н., Иванян Э.А., Петровский В.Ф., Примаков Е.М., Червов Н.Ф. М.: Политиздат, 1989. 542 с.
- Соединённые Штаты Америки. Конституция и законодательные акты /под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, 1993. 768 с.
- Черниловский З.М. От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного Суда США. М.: Юридическая литература, 1982. 219 с.
- Четвернин В. 2003. Российская конституционная концепция правопонимания. *Конституционное право: Восточноевропейское Обозрение*. № 4. С.28-36.

Шаварин М.С. 2010. Конституционно-правовой принцип разделения властей в США. *Труды Института государства и права РАН*. № 6. С.203-214.

REFERENCES

- Avtonomov, A.S. Constitutional (state) law of foreign countries. Moscow: Prospect, 2005.
- Ageeva, E.A. Activity of the Supreme Court of the USA under the chairmanship of E. Warren, 1953-1969. (historical and legal research): abstract of dissertation of candidate of legal sciences. Belgorod, 2009. 24 p.
- Alabastrova, I.A. The principle of social solidarity in constitutional law: dissertation of doctor of legal sciences. M., 2016. 42 p.
- Arbuzkin, A.M. Constitutional law of foreign countries. Moscow: Jurist, 2005. 666 p.
- Berlyavsky, L.G. 2011. Theories of constitutional interpretation in the USA. Constitutional and municipal law. No. 10. pp.77-80.
- Berlyavsky, L.G. 2012. The Originalist doctrine in U.S. Constitutional Law. Constitutional and municipal law. No. 10. pp. 68-71.
- Boychenko, G.G. The Constitution of the USA. Moscow: IMO, 1959. 240 p.
- Bryce, J. The American Republic (In Russ, translated from English). Pt. III. Moscow, K.T. Soldatenkov, 1890. 503 p.
- Gavrilov, S.O., Suntsov, V.S., Vakhrameev, N.V. 2020. On the question of the formation of constitutional justice in the United States. W. Marbury v. J. Madison. Legal science. No. 11. pp.112-116.
- David, R., Joffre-Spinosi, K. The main legal systems of modernity. Moscow: International Relations, 1997. 453 p.
- Dicey, A.V. Fundamentals of the state law of England. Introduction to the study of the English Constitution. Moscow: I. D. Sytina and Co., 1905. 370 p.
- Emelin, M.Y. 2013. The influence of legal doctrine on U.S. law, its role in the interpretation of the U.S. Constitution. Bulletin of the Penza State University. No. 4. pp.51-54.
- Zhidkov, O.A. Selected works. Ed. by G.I. Muromtsev, E.N. Trikoz. Moscow, Norma, 2006. 606s.
- Foreign constitutional law. Ed. by V.V. Maklakov. Moscow, Lawyer, 1997. 512 p.
- Constitutional (state) law of foreign countries. In 4 t. t.4. A special part: the countries of America and Asia. Ed. by B.A. Strashun. Moscow, Norma, 2001. 656 p.
- Constitutional law of foreign countries. Ed. by M.V. Baglaya, Yu.I. Leibo and L.M. Entina. Moscow, Norma, 2004. 832 p.
- Komkova, G.N., Afanasyeva, O.V., Kolesnikov, E.V. Constitutional law of foreign countries: textbook for bachelors. Moscow, Urist, 2013. 415 p.
- Lafitskiy, V.I. The constitutional system of the USA. Moscow: Statute, 2011. 351 p.
- Mishin, A.A. State law of the USA. Moscow, Nauka, 1976. 207 p.
- Mishin, A.A. The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the USA. Moscow, Nauka, 1984. 190 p.
- Mishin, A.A., Vlasikhin, V.A. The US Constitution: a Political and Legal commentary. M.: International Relations, 1985.

- Pushkarev, S.V. 2010. Interpretation of the constitutions of the compared states as one of the methods of comparative research. Vector of Science TSU. № 2(2). pp.134-137.
- Safonov, V.N. Constitutional law-making in the activity of the Supreme Court of the USA. Historical and legal research: monograph. Moscow: Prospect, 2018. 288 p.
- Safonov, V.N. Formation and development of socio-economic rights of citizens in the USA: abstract of dissertation of doctor of legal sciences. Moscow, 2007. 62 p.
- Sergeeva, S.L. 2012. Constitutional control as a form of law-making by the US Supreme Court. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma. No. 1 (15): in 2 pts., Pt. II. pp.163-165.
- Modern United States of America. Encyclopedic reference book. Ed. By Arbatov, G.A., Brutents, K.N., Ivanyan, E.A., Petrovsky, V.F., Primakov, E.M., Chervov, N.F. Moscow, Politizdat, 1989. 542 p.
- United States of America. The Constitution and legislative acts. Ed. by O.A. Zhidkov. M.: Progress, 1993. 768 p.
- Chernilovsky, Z.M. From Marshall to Warren. Essays on the history of the Supreme Court of the USA. Moscow: Legal Literature, 1982. 219 p.
- Chetvernin, V. 2003. The Russian constitutional concept of legal understanding. Constitutional law: Eastern European Review. No. 4. pp.28-36.
- Shavarin, M.S. 2010. The constitutional and legal principle of separation of powers in the United States. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. No. 6. pp.203-214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕРЛЯВСКИЙ Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета "РИНХ"

Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69. Профессор юридического факультета Донского государственного технического университета.

344033, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Leonid G. BERLYAVSKY, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Law), Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Rostov State University of Economics "RINH"

69 B. Sadovaya str., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Professor of the Faculty of Law, Don State Technical University, Gagarin Square, 1.

344033, Rostov-on-Don, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.08.2023 / Received 25.08.2023

Поступила после рецензирования 12.09.2023 / Revised 12.09.2023

Статья принята к публикации 14.09.2023 / Accepted 14.09.2023.

УДК: 94(73)

DOI: 10.31857/S2686673024010082

Анатомия внешнеполитических кризисов

В.Ш. Сургуладзе

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Резюме: рецензируется издание: Генри Киссинджер. «Кризис». М.: АСТ, 2023. 512 с. В книге представлен ретроспективный анализ международной обстановки и особенностей процесса принятия политических решений в условиях обострения военно-политической напряжённости. В издание вошли рассекреченные стенограммы телефонных разговоров государственного секретаря США Генри Киссинджера в период двух кризисов – Арабо-израильской войны 1973 года (война Судного дня) и окончательного ухода США из Вьетнама в 1975 году. Отличительной особенностью сборника является его документально-мемуарный характер, сочетающий воспоминания непосредственного участника описываемых событий, документальное изложение происходившего, иллюстрирующее перипетии двух кризисов и экспертную политологическую оценку международного положения и действий сторон рассматриваемых конфликтов. Указанный комплексный подход особенно интересен в связи с тем, что автор рассматривает события арабо-израильского и вьетнамского кризисов в широком контексте внутри- и внешнеполитических обстоятельств, а также в условиях глобального геополитического противостояния США и СССР.

Ключевые слова: Генри Киссинджер, принятие политических решений в условиях кризиса, внешняя политика США, Арабо-израильская война (война Судного дня), война во Вьетнаме.

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Анатомия внешнеполитических кризисов. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54 (1): 113–118. DOI: 10.31857/S268667302401008

The Anatomy of Foreign Policy Crises

Vakhtang Sh. Surguladze

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49.*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

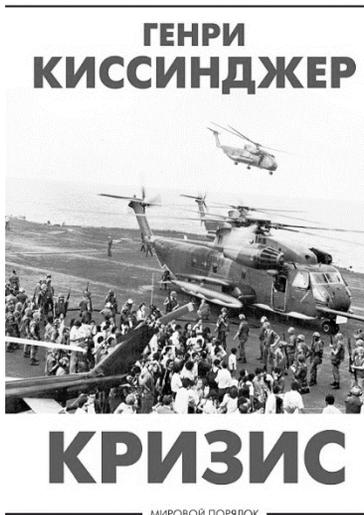
Abstract: Reviewed edition: H. Kissinger. "Crisis". Moscow: AST, 2023. 512 p. The book presents a retrospective analysis of the international situation and the specifics of the political decision-making process in the context of escalating military-political tensions. The publication includes declassified transcripts of telephone conversations of US Secretary of State Henry Kissinger during two crises – the 1973 Arab-Israeli War (the Yom Kippur War) and the final US withdrawal from Vietnam in 1975. A distinctive feature of the collection is its documentary-

memoir character, combining the memories of a direct participant in the events described by H. Kissinger, a documentary account of what happened, illustrating the vicissitudes of two crises and an expert political assessment of the international situation and actions of the parties to the conflicts under consideration. This comprehensive approach is particularly interesting due to the fact that the author considers the events of the Arab-Israeli and Vietnamese crises in the broad context of domestic and foreign policy circumstances, as well as in the context of the global geopolitical confrontation between the United States and the USSR.

Keywords: Henry Kissinger, political crisis decision-making, US foreign policy, the Arab-Israeli war (the Yom Kippur War), the Vietnam War.

For citation: Surguladze, V.Sh. The Anatomy of Foreign Policy Crises. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (1): 113-118.

DOI: 10.31857/S2686673024010082

За десятилетия плодотворной политической и научной деятельности Генри Киссинджер заслуженно стал патриархом мировой политики, одним из ведущих экспертов в области международных отношений. Как у яркой фигуры американского истеблишмента своего времени, заметного общественного деятеля, а также успешного автора политологических бестселлеров, у бывшего советника американского президента по национальной безопасности (1969–1975), государственного секретаря США (1973–1977) и лауреата Нобелевской премии мира (1973) у Г. Киссинджера много критиков и много почитателей. Как бы ни оценивали реализовывавшийся в его бытность одной из ключевых фигур международных отношений

внешнеполитический курс Соединённых Штатов, американскому политику-практику и учёному трудно отказать в глубоких знаниях политических процессов, умении сочетать навыки дипломата-практика и способности к обобщениям и анализу искренне заинтересованного в теоретическом осмыслении политических процессов исследователя.

Опубликованная издательством АСТ в серии «Мировой порядок» двадцать лет спустя после выхода англоязычного издания монография Г. Киссинджера с интригующим названием «Кризис» является необычным примером ретроспективного анализа политических процессов со стороны их непосредственного участника. В русскоязычном переводе работа вышла с сокращённым названием. В англоязычной версии «документальные мемуары» бывшего госсекретаря США

имели опущенное в русском варианте дополнение: анатомия двух важнейших внешнеполитических кризисов» [Kissinger, 2003].

Основу книги составляют рассекреченные и ставшие доступными для публики в 2001 году распечатки стенограмм телефонных разговоров Г. Киссинджера, хранящиеся в Национальном архиве США. Стенограммы телефонных разговоров использовались аппаратом советника по национальной безопасности и государственного секретаря для последующего анализа обсуждавшихся вопросов и контроля выполнения принятых решений.

В издание вошли документы, посвящённые двум кризисам – Арабо-израильской войне октября 1973 года и выводу американских войск из Вьетнама в 1975 году. Книга по своему характеру является сборником, в который вошли документальные зарисовки событий этих кризисов.

Представленные в книге документальные свидетельства передают атмосферу времени, взаимоотношений между членами американского внешнеполитического истеблишмента и особенности принятия политических решений в конкретных обстоятельствах времени и места. Особый интерес этим архивным материалам придают комментарии Г. Киссинджера как непосредственного участника событий.

Как это часто случается с сокращённой либо выборочной публикацией секретных документов, заинтересованного читателя могут разочаровывать очевидные пропуски в представленных материалах. Каждый раз, когда читатель сталкивается с подобными лакунами, возникают закономерные вопросы, чем вызваны эти пропуски текста – решением составителя о том, что информация избыточна и не имеет большого интереса, либо же что-то осталось под грифом государственной тайны? Однако книга составлена таким образом, что несмотря на остающиеся вопросы указанного порядка, информация подана последовательно, каждый документальный фрагмент снабжён подробным введением в курс событий, описанием межведомственного взаимодействия по каждому освещаемому в книге событию, пропуски и контекст приводимых свидетельств эпохи оговариваются и объясняются, в результате чего у читателя не остаётся впечатления разорванности и нелогичности повествования.

Генри Киссинджер отмечает, что жанр стенограмм телефонных переговоров во многом ограничен рамками самого формата подобного способа коммуникаций, который не даёт читателю возможности почувствовать контекст обсуждения, для понимания которого необходимо знакомство с материалами различных межведомственных встреч и собственно стенограммами личных разговоров с президентом – лицом, придающим динамику всему политическому процессу, задающим вектор обсуждений, ставящим задачи перед аппаратом государственного департамента и других ответственных структур. Отмечая эти ограничения, автор, тем не менее справедливо полагает, что стенограммы переговоров советника по

национальной безопасности президента и государственного секретаря США передают атмосферу момента, понимание которой может быть полезно при изучении механизмов принятия политических решений в обстановке быстро изменяющихся событий.

Киссинджер предостерегает судить о межведомственных противоречиях на основании напряжённого диалога между представителями Министерства обороны и Государственного департамента, указывая, что, если в кризисные моменты и в каждом отдельном конкретно взятом случае могут ярко проявляться отличия в оценках, тем не менее, в итоге оба ведомства, как правило, приходят к общему результату, хотя пути его достижения у военных и дипломатов могут существенно отличаться в силу специфики сложившегося бюрократического аппарата.

Интересно отметить тот факт, что, по мнению американского дипломата, два кризиса, речь о которых идёт в книге – война на Ближнем Востоке в октябре 1973 года и окончательный уход из Индокитая в 1975 году, – были решены преимущественно по телефону, поскольку, как объясняет автор, нехватка времени и чрезвычайные обстоятельства не позволяли использовать для связи более традиционные и официальные каналы.

В характерной для американского дипломата исследовательской манере, Генри Киссинджер старается осветить происходящие события максимально полно, останавливаясь не только на внешнеполитических аспектах описываемых событий, но и на их внутривнутриполитическом измерении, влиянии, которое внутренняя политика оказывает на принятие внешнеполитических решений. Так, например, он отмечает, что события описываемых в книге внешнеполитических кризисов сопровождалось внутренними кризисами в самих Соединённых Штатах: ближневосточный конфликт разгорелся параллельно с началом Уотергейтского кризиса и последовавшей процедурой импичмента президента Никсона.

Не менее важно и внимание автора к предыстории событий. Так, Киссинджер достаточно подробно останавливается на предпосылках ближневосточного конфликта 1973 года, описывает сложные хитросплетения геополитических процессов и отношений между арабскими странами и Израилем, начиная с образования еврейского государства в 1948 году, а также влияние на них глобального противостояния США и СССР.

Учитывая указанный контекст глобального двухполярного противоборства для российского читателя, несомненный интерес представляют записи разговоров Генри Киссинджера с советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным. Примечательно, что собственно документальная часть книги открывается именно стенограммой переговоров с представителем Советского Союза, начавшихся в 6 часов 40 минут утра 6 октября 1973 года, когда госсекретарь позвонил советскому дипломату по просьбе премьер-министра Израиля Голды Меир, желавшей передать через американцев представителям СССР, что израильтяне не

предпримут агрессивных действий первыми, в надежде, что Советский Союз удержит своих арабских союзников. Представленная в отобранных Киссинджером документах динамика разрастания международного кризиса действительно поучительна, поскольку демонстрирует насколько уязвимым может быть внешнеполитическое планирование в условиях неопределённости и многофакторности международных отношений, разнонаправленности интересов внешнеполитических акторов и ограниченности возможности верной интерпретации побудительных мотивов контрагентов.

В данной связи интересны оценки автора, данные качеству внешнеполитического прогнозирования специалистов по Ближнему Востоку, а также расплывчатым выводам разведки, которые констатировали возрастающую напряжённость между Египтом и Израилем, но предполагали, что ни одна из сторон не намеревается начинать боевые действия первой: «Неожиданностью стал провал политического анализа. Все американские и израильские оценки до октября 1973 года были едины в том, что Египет и Сирия не обладают военным потенциалом, чтобы вернуть территорию силой оружия. Поначалу никто не понял, что Садат стремился не к завоеванию, а к изменению равновесия на переговорах, которые он намеревался начать. Шок от войны, как рассуждал он, позволит обеим сторонам – Израилю, равно как и Египту, – продемонстрировать гибкость, которая была невозможна, пока Израиль считал себя более сильным в военном плане, а Египет был парализован национальным унижением» [Киссинджер, 2023: 17].

Приводимые Г. Киссинджером ретроспективные примеры, несомненно, обретают особую актуальность сегодня, когда мир очевидным образом сталкивается с беспрецедентной эскалацией внешнеполитической напряжённости, а на международной арене кроме прямого военно-политического давления массово применяются сложные гибридные формы информационного воздействия, призванные принудить соперников в борьбе за лидерство к моральной сдаче, подрыву психологической уверенности в собственной правоте, потенциале и силе для конечного достижения поставленных целей.

Глубокая эрудиция и заслуженный авторитет Генри Киссинджера в качестве признанного эксперта в области международных отношений, умение автора описывать происходящие политические процессы с разных точек зрения, анализировать тенденции взаимовлияния глобальных полюсов силы не только с позиции оценки баланса материальных факторов, но и в контексте соотношения моральных соображений и психологических аспектов, влияющих на принятие решений участниками политического противоборства, спроецированные на документальные свидетельства эпохи, делают из «Кризиса» интересный образец мемуарно-документального источника, отчасти напоминающего по своему характеру подход реализованный Уинстоном Черчиллем в Истории Второй мировой войны, значительно

часть шести томов которой занимают именно документальные свидетельства: аналитические записки, меморандумы, фрагменты речей и протоколы.

ЛИТЕРАТУРА

Киссинджер Г. Кризис. М.: АСТ, 2023. 512 с.

REFERENCES

Kissinger, H. Crisis [Crisis] (In Russ., translated from English). Moscow: AST, 2023. 512 p.

Kissinger, H. Crisis: The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises. New York: Simon and Schuster, 2003. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, докторант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of science (Philosophy), doctoral candidate at the Department of political science of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49

Статья поступила в редакцию 01.12.2023 / Received 01.12.2023

Поступила после рецензирования 10.12.2023 / Revised 10.12.2023

Статья принята к публикации 11.12.2023 / Accepted 11.12.2023.

УДК 316.334.54

JEL: K25, O18, Z13

DOI: 10.31857/S2686673024010098

Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023.

Исследовательский кластер: жилищная социология

Д.Б. Литвинцев

Новосибирский государственный технический университет

630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20

РИНЦ ID: 1043534

ORCID: 0000-0002-0358-3681

email: denlitv@inbox.ru

Резюме. С 29 мая по 2 июня 2023 г. в Йоркском университете (Торонто) прошла ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации, на которой обсуждались различные академические, исследовательские, образовательные и административные вопросы. Конференция состоялась в рамках конгресса Канадской федерации гуманитарных и социальных наук, в мероприятиях которого принимали участие докладчики и слушатели из Канады и других стран. Впервые с 2003 г. на конференции был представлен исследовательский кластер по жилищной социологии, работа которого в рамках ассоциации была начата в конце 2021 г. В работах двух секций, посвящённых социологическим исследованиям жилища и бездомности, приняли участие как научно-педагогические работники и студенты, так и практики и независимые исследователи. Обсуждались проблемы хронической бездомности женщин, мобильной бездомности, рисков бездомности в молодёжной среде и отношения к бездомным; жилищные условия разных социальных групп и прекарность жилья. Особое внимание уделялось государственной жилищной политике, а также федеральной стратегии «Жилье прежде всего», результаты которой носят противоречивый характер. Доклады представляют большой интерес как для исследователей, интересующихся жилищной проблематикой в либерально-демократических странах, включая Канаду, так и для социологов, заинтересованных в развитии жилищной социологии в России на основе зарубежного опыта.

Ключевые слова: Канада; жилищная социология; жилищная политика; жилье прежде всего; бездомность; взаимодействие с бездомными; жилищные условия; прекарность жилья

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации 2023. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024. 54 (1):119-126; DOI: 10.31857/S2686673024010098

The Annual Canadian Sociological Association Conference 2023

Research Cluster: Sociology of Housing

D.B. Litvintsev

*Novosibirsk State Technical University,
20, Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russia*

РИИЦ ID: 1043534

ORCID: 0000-0002-0358-3681 email: denlitv@inbox.ru

Abstract. From May 29 to June 2, 2023, the Annual Conference of the Canadian Sociological Association was held at York University in Toronto, where various academic, research, educational, and administrative topics were discussed. The conference was part of the Congress of the Canadian Federation for the Humanities and Social Sciences and attracted speakers and attendees from Canada and other countries. Notably, for the first time since 2003, a research cluster focusing on the sociology of housing was presented, which had been initiated within the association at the end of 2021. Participants included scientific and pedagogical professionals, students, practitioners, and independent researchers, who engaged in two sections dedicated to sociological studies of housing and homelessness. Discussions covered a range of topics including chronic homelessness among women, mobile homelessness, the risk of homelessness among youth, attitudes towards the homeless, housing conditions of different social groups, and housing precarity. Special attention was given to state housing policy and the federal 'Housing First' strategy, the outcomes of which are subject to debate. The reports presented by the Sociology of Housing Research Cluster are of great interest to researchers focusing on housing issues in liberal democratic countries, including Canada, and to sociologists interested in developing housing sociology in Russia based on international experiences.

Keywords: Canada; sociology of housing; housing policy; housing first; homelessness; interaction with the homeless; housing conditions; housing precarity

For citation: Litvintsev, D.B. The Annual Canadian Sociological Association Conference 2023. *USA & Canada: economics, politics, culture.* 2023; 53(4): 119-126.

DOI: 10.31857/S2686673024010098

Ежегодная конференция Канадской социологической ассоциации (*Canadian Sociology Association*) [1] проходила в 2023 г. в Торонто с 29 мая по 2 июня в рамках конгресса Федерации гуманитарных и социальных наук в партнёрстве с Йоркским университетом. Каждый год (за исключением пандемии коронавирусной инфекции) конференция проходила в разных университетах Канады, а непосредственно в Йоркском университете мероприятие в последний раз проходило в 2006 г. Конференция, как правило, проходит в гибридном формате – очно с возможностью дистанционного подключения докладчиков и/или слушателей. Основной рабочий язык конференции – английский.

Хотя Йоркский университет широко известен своими инновационными учебными программами по социологии в Канаде, внимание к прошедшей конференции в большей степени привлекло не место проведения, а представленные исследовательские кластеры, среди которых впервые появилась жилищная социология. Работа данного кластера была анонсирована Канадской социологической ассоциацией в конце 2021 г. С одной стороны, это является вполне ожидаемой реакцией на популяризацию жилищной социологии в последние годы в разных странах мира. С другой стороны, это продиктовано необходимостью

социологического анализа эффективности жилищных программ в Канаде и непосредственно федеральной стратегией «Жильё прежде всего» (*Housing First*), призванной кардинальным образом решить проблему бездомности.

Работа кластера «Жилищная социология» проходила 29 мая 2023 г. в Колледже Маклафлина при Йоркском университете в двух секциях, первая из них была посвящена социологическим исследованиям жилища как такового, а вторая – социологическим взглядам на бездомность. В качестве докладчиков выступали профессора из университетов Канады, научные работники и независимые исследователи, а также студенты и аспиранты. Целесообразно отметить, что тематика жилища/дома в различных дискурсах отчасти затрагивалась и в работе других кластеров: социология здоровья (изоляция в эпоху ковид-19, уход на дому), социология образования (равенство в образовании для бездомной молодёжи), социология миграции, расовых и этнических отношений (особенности ведения домашнего хозяйства у чернокожих), социология пространства (проблема захламленных домов) и др.

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЛИЩА

Жильё является центральным аспектом социальной жизни и изобилует возможностями понять социальный мир, включая вопросы, касающиеся неравенства, доступности и политики. В этом плане первая тематическая секция представляла интерес для тех, кто смотрит на жилище через призму социологии. Организаторами секции выступили доктор философии (социология) доцент К. Макдональд (*Katie MacDonald*) из Университета Атабаски (*Athabasca University*), провинция Альберта, и доктор социальных наук Э. де Вос (*Esther de Vos*); председатель – магистр искусств (криминология) Э. Корнел (*Addison Kornel*) из Виндзорского университета (*University of Windsor*), провинция Онтарио.

Доктор философии, профессор Дж. ДиСанто (*Julianne DiSanto*) и доктор философии (социология), профессор С. Камминг (*Sara J. Cumming*) из Колледжа Шеридан (*Sheridan College*) выступили с докладом «За пределами социализации: использование исследований с участием сообществ для разработки программы обучения жизненным навыкам для клиентов, испытывающих нехватку жилья». С. Камминг параллельно является исполнительным директором сети жизненно важных служб поддержки родителей-одиночек и их детей на пути к стабильности «Надежда» (*Home Suite Hope*). Это исследовательский проект с участием сообщества, который формирует инновационную разработку учебных программ. По мнению докладчиков, жизненные навыки являются важным инструментом предотвращения бездомности в будущем и предоставляются общественными организациями после обеспечения жильём. Обучение жизненным навыкам – это гибридный неформальный образовательный процесс, направленный на социализацию

участников программы, и популярного образования, которое стремится разрушить статус-кво обучающихся.

Доктор философии, доцент Р. Страуд-Стазель (*Rebecca Stroud-Stasel*) из Университета Куинс в Кингстоне, доктор философии, профессор Ж. Кеннелли (*Jacqueline Kennelly*) и магистр искусств (социология) М. Пулен (*Mélina Poulin*) из Карлтонского университета предложили крайне актуальную тему для обсуждения «Танцы вокруг слона в комнате: изучение политики Канады в отношении прекарной молодёжи, рискующей стать бездомной, сквозь призму чистоты и классовых привилегий». Результаты анализа на национальном, провинциальном и территориальном уровнях показали, что проблема бездомности (в том числе скрытая) молодёжи в Канаде не решается напрямую, а политика скорее направлена на смягчение общих проблем бездомности. Авторы призвали отказаться от идеологизированной позиции на уровне школьной политики в пользу более ориентированных на молодёжь подходов с целью более эффективного решения проблем бездомности.

Аспирант Э. Меца (*Abigail Meza*) из Университет Макгилла (Монреаль) осветила результаты сравнительного исследования «Беби-бумеры против миллениалов: анализ жилищных условий двух крупнейших социальных групп в Канаде». Переход молодых людей к домовладению рассматривался в контексте роста стоимости жилья, уровня образования и изменения структуры семей в XXI веке. Одним из основных выводов стало то, что индивидуализация жизненного пути более характерна для поколения миллениалов, чем для беби-бумеров. Миллениалы по сравнению со своими предшественниками предвосхищают события жизненного пути в нетрадиционной (нетипичной) последовательности.

Доктор философии, доцент Х. Роллваген (*Heather Rollwagen*) из Университета Метрополитен (Торонто) сделала доклад на тему «За пределами недоступности: измерение прекарности жилья в Канаде». Она отметила, что высокая стоимость жилья и финансовая нестабильность приводят к увеличению прекарности жилья для канадских домохозяйств. Прекарность жилья представляет собой состояние неопределённости, при котором у человека есть реальная или предполагаемая вероятность столкнуться с неблагоприятным жилищным событием. Ей был предложен индекс прекарности жилья, который отражает многоаспектный характер этой концепции и включает как объективные, так и субъективные показатели жилищных условий, экономической и территориальной доступности, а также безопасности жилья.

Старший научный сотрудник Н. Кретъен (*Nick Chretien*) провинциальной корпорации Короны при Министерстве муниципальных дел и жилищного строительства, Британская Колумбия, Канада (BC Housing), представил доклад «Мобильные бездомные: жизнь в автомобиле, автономная связь и строительство неформального дома». На основе качественных (глубинных) интервью было показано, как люди, живущие в своих транспортных средствах, пытаются подключаться к городской технологической сети и как эти непостоянные связи помогают

людям строить и воссоздавать ощущение дома в импровизированных «нелегитимных» жилищах. Результаты этого исследования вносят свой вклад в социологические представления о жилищном неравенстве и проживании в транспортных средствах, а также помогают расширить поле исследований неформального жилья за счёт изучения формы мобильного временного жилища.

Доктор философии, профессор Ж. Кеннелли (*Jacqueline Kennelly*) из Карлтонского университета презентовала тему «Название новой эпохи в жилищной политике: субсидируемый государством корпоративный захват жилья». Исследование охватывало жилищную политику сразу трёх стран – Канады, США и Австралии. Эти страны имеют общую историю идеологически обусловленных политических преобразований, включая существенное сокращение государственного финансирования доступного жилья в 1980-х и начале 1990-х годов, что в конечном счёте привело к значительному росту бездомности. Ж. Кеннелли отметила, что сейчас наступила эпоха, когда государственные инвестиции в жилищный сектор вновь рассматриваются в качестве политического решения кризиса доступности жилья в каждой стране, но при этом государственные средства находятся в опасности прямого или косвенного перетекания в частный сектор без значительного улучшения перспектив обеспечения устойчивым и доступным по цене жильём.

Магистр искусств (социология) Л. Куинлан (*Laura Quinlan*) из Университета Альберты обсудила «Жилищные пожелания и потребности молодёжи». Далеко не у всех молодых людей есть своё жильё в Канаде. Предоставление услуг для удовлетворения жилищных потребностей молодёжи поможет предотвратить превращение давно бездомных молодых людей в хронически бездомных взрослых. По результатам проектного интервью Л. Куинлан пришла к выводу о том, что многие молодые люди включают семью в представления об идеальном доме. При этом большинство под идеальным домом понимает экономически доступное и безопасное жилище. Однако сочетание этих двух характеристик может быть затруднено из-за ограниченного бюджета молодых людей, не имеющих своего дома.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА БЕЗДОМНОСТЬ

Статистическая служба Канады признаёт, что бездомность является широко распространённой социальной проблемой в стране. Более того, имеются убедительные доказательства того, что некоторые группы населения более склонны к бездомности, чем другие. В связи с этим на второй тематической секции были представлены доклады, посвящённые общественному восприятию бездомных и различным проблемам, с которыми сталкиваются бездомные, основанные на эмпирических исследованиях. Организатор и председатель второй секции – доктор философии, профессор Г. Чоу (*Henry Chow*) из Университета Реджайны.

Магистры искусств (криминология) Э. Корнел (*Addison Kornel*) и магистр искусств (криминология), ассистент Н. Вейр (*Natalie Weir*) из Виндзорского университета представили доклад «Политика бездомности и политическая экономия в Канаде: новые стратегии, старые тренды». Контент-анализ муниципальных стратегий борьбы с бездомностью показал, что тенденции к нелиберальному управлению, наблюдаемые в предыдущих исследованиях, сохраняются, несмотря на изменения в ключевых механизмах жилищной политики. Э. Корнел и Н. Вейр утверждают, что эти тенденции препятствуют реализации целей по искоренению бездомности в городах Канады. В то же время новая политическая экономия, направленная на удовлетворение самой основной человеческой потребности в жилье, проблематична для общества.

Доктор философии (социология), постдокторант К. Партридж (*Kevin Partridge*) и доктор философии Ж. Кеннелли из Картонского университета из осветили «Школьный опыт канадских молодых людей, ставших бездомными или находящимися в группе риска». Молодёжь, переживающая бездомность или рискующая потерять дом, сталкивается со многими уникальными трудностями. Результаты интервью показали, что молодые могут быть не в состоянии обратиться за помощью, если она им понадобится. Иногда они не чувствуют, что их услышали или поверили им. Иногда они рассматривают школу как ещё одно структурное препятствие на пути к своему благополучию и указывают на то, что учителя и школьный персонал могут быть не в состоянии понять проблемы, с которыми они сталкиваются. К. Партридж и Ж. Кеннелли отметили, что в США в отличие от Канады существует специальное федеральное законодательство, направленное на поиск и поддержку бездомных учащихся.

Доктор философии (социология), доцент Д. Кудла и магистрант Х. Маклин (*Hannah McLean*) из Мемориального университета Ньюфаундленда (г. Сент-Джонс, провинция Ньюфаундленд и Лабрадор) выступили на тему «Жильё прежде всего и Федеральная стратегия по борьбе с бездомностью в Атлантической Канаде». Экономически эффективный подход успешно снижает бездомность, однако неясно, сможет ли стратегия федерального правительства «Жильё прежде всего» эффективно справиться с растущим кризисом бездомности в Канаде. Д. Кудла и Х. Маклин подчеркнули, что стратегия «Жильё прежде всего» по-разному передаётся, принимается и территориально распределяется в разных регионах страны. Интервью с членами местных сообществ и контент-анализ программных документов показал, что федеральный проект имеет как свои достоинства, так и проблемы реализации именно на местном уровне.

Магистр наук (математические финансы и финансовые технологии) Ю. Дэн (*Yuexin Deng*) из Университета Британской Колумбии в Ванкувере презентовал тему «Городская логика бездомности: историческая эволюция и политическая реакция на бездомность в западных городах». На основе литературного обзора исследований городской бездомности в западных городах Канады было выделено пять стадий

городского развития, через которые прошла бездомность. На основе институционально-культурного объяснительного подхода были показаны двойные атрибуты бедности и мобильности бездомных. В заключении Ю. Дэн отметил, что вызов государственной политики в отношении бездомности в городах заключается в отношениях между индивидуальными правами и социальными обязанностями.

Доктор философии, доцент Дж. Маленфант (*Jayne Malenfant*) из Университета Макгилла обсудила «Понимание бездомности среди представителей разных полов в Канаде: правозащитный подход». В Канаде жильё представляет собой уникальную проблему для трансгендерных, небинарных и других гендерно-разнообразных людей – от дискриминации при доступе к рынку аренды жилья до жесткой гендерной бинарности, которая характеризует систему временного жилья. Чтобы реализовать право на жильё представителей разных гендеров, необходимо обеспечить наличие достаточного и надлежащего жилищного фонда. Дж. Маленфант подчеркнула важную роль сообщества, безопасности и свободы от дискриминации при выработке мер реагирования на нарушения жилищных прав.

Доктор философии, доцент Э. Вайсман (*Eric Weissman*), доктор философии К. Бирн (*Kristen Byrne*) и магистрант Дж.-Л. Кросс (*Jessie-Lynn Cross*) из Университета Нью-Брансуика актуализировали проблему «Бездомность учащихся средних учебных заведений в Канаде: перекрёстный подход». Основная цель исследования – обеспечить всестороннее понимание системных причин бездомности и барьеров для доступа к услугам и поддержки учащихся на основе первичных данных. В докладе отмечалось, как психическое здоровье и болезни влияют на бездомность студентов. Критический анализ показал взаимосвязь между семейной динамикой, межпоколенческой травмой, употреблением наркотиков, сексуальным и/или домашним насилием и опытом бездомности в широком смысле.

Ф. Мотоджеси (*Phebian Motojesi*) из Университета Реджайны представил «Исследование отношений студентов Университета Реджайны к бездомности». Опрос был направлен на то, чтобы понять не просто отношение студентов к данной проблеме, а их мнение о причинах и проблемах сдерживания роста бездомности в обществе. Исследование показало, что большинство опрошенных положительно относятся к бездомным и поддерживают их. Пол респондентов, политические взгляды, жертвования для бездомных, отсутствие стабильного/доступного жилья, продолжительность пребывания в Канаде и увольнение из армии оказывают существенное влияние на бездомность в отличие от религиозных взглядов. При этом респонденты возлагают вину за бездомность в большей степени на правительство Канады.

Магистр социологии Ш. Витто (*Charisse Vitto*) доктор философии, профессор Г. Чоу из Университета Реджайны выступили с докладом «Убеждения о причинах бездомности и взаимодействиях с бездомными людьми: исследование студентов бакалавриата в городе Канадских прерий». По данным Статистического управления Канады в 2022 г. почти 3% людей, принимающих решения о жилье для своей

семьи, сталкивались с незащищённой бездомностью, а около 15% сталкивались со скрытой бездомностью. Примечательно, что бездомность считается одной из самых сложных и неправильно понимаемых социальных проблем. На основе анкетного опроса Ш. Витто и Г. Чоу исследовали взгляды студентов на основные причины бездомности и опыт их взаимодействия с бездомными людьми.

Магистранты К. Тонгс (*Carter Tongs*) и Э. Зубак (*Andy Zubac*) из Карлтонского университета охарактеризовали «Предыдущий опыт бездомности как фактор доверия к полиции: количественный анализ». Исследовался потенциальный долгосрочный эффект, который предыдущий опыт бездомности может оказать на доверие к полиции. Используя данные опроса, К. Тонгс и Э. Зубак проанализировали связь между жизненным опытом бездомности и отношением к полиции и показали, как инвалидность, опыт виктимизации и контакты с полицией могут влиять на эту связь. В основе исследования лежала гипотеза о том, что люди, столкнувшиеся с бездомностью в прошлом, в среднем с меньшей вероятностью будут доверять полиции, чем люди, которые не оказывались в подобной жизненной ситуации.

Таким образом, доклады, представленные на исследовательском кластере по жилищной социологии в 2023 г., представляют большой интерес не только для исследователей проблем бездомности в Канаде, но и для всех тех, кто заинтересован в изучении жилищной динамики в западных либерально-демократических странах. Кроме того, опыт работы тематического кластера Канадской социологической ассоциации будет полезен и представителям отечественной науки, заинтересованным в развитии жилищной социологии в России и повышении доказательности жилищной политики, направленной и на решение проблем бездомности.

ИСТОЧНИКИ

2023 Annual Conference - Reckonings and Re-imaginings. Available at: (https://www.csa-scs.ca/files/www/Conference_Archives/2023_Conference_Program.pdf (accessed 15.07.2023))

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета.
630073, Россия, Новосибирск, пр-т Карла Маркса, 20.

Denis B. LITVINTSEV, Candidate of Sciences (Sociological).
Associate Professor of the Department of Management of Novosibirsk State Technical University.
Karl Marx Ave., 20, Novosibirsk, 630073, Russia

Статья поступила в редакцию 04.09.2023 / Received 04.09.2023

Поступила после рецензирования 16.09.2023 / Revised 16.09.2023

Статья принята к публикации 17.09.2023 / Accepted 17.09.2023.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.